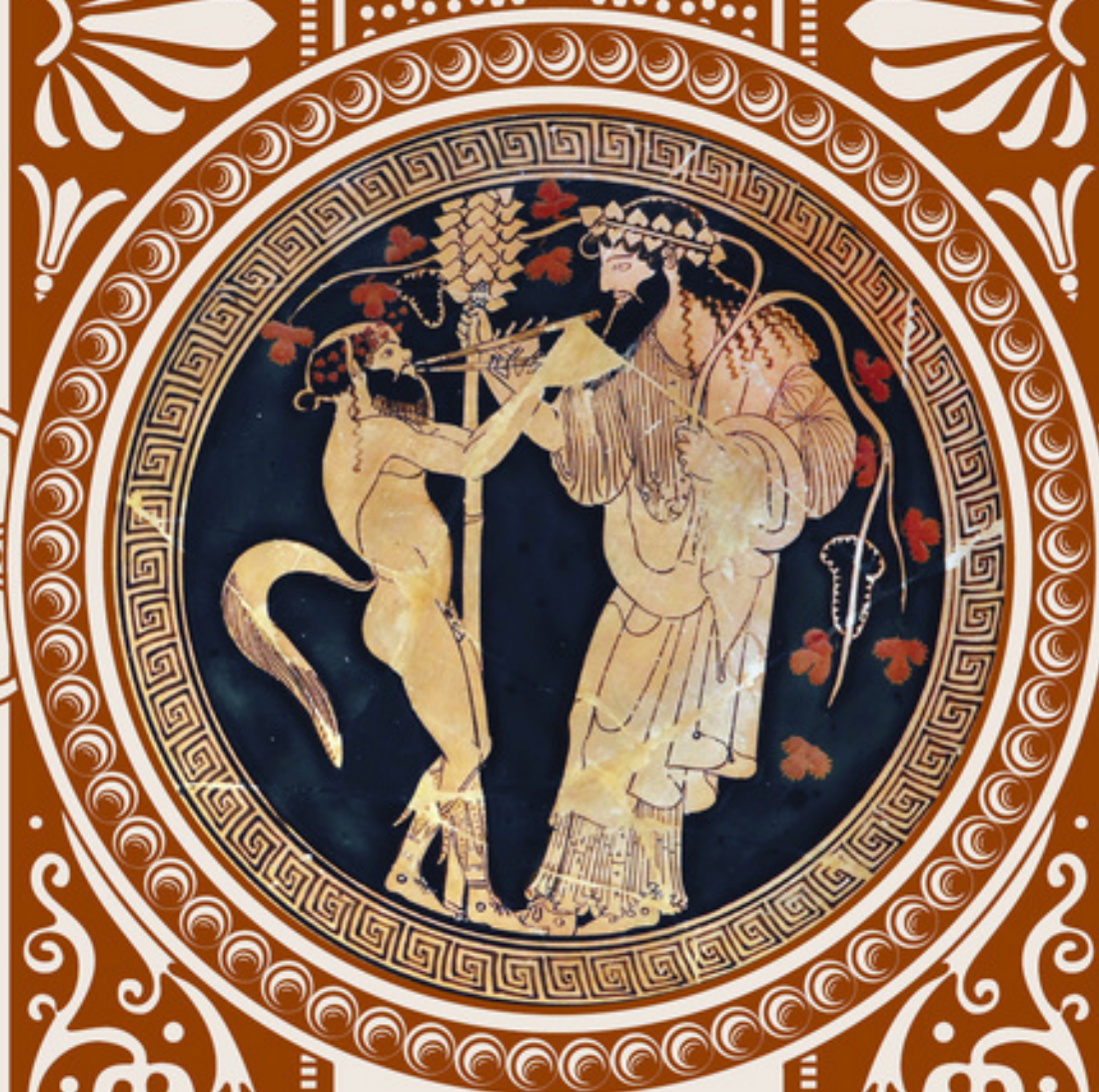

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
и ДРЕВНЕГО РИМА

Н.А. КУН

Самое полное оригинальное
издание

Иллюстрированная история (АСТ)

Николай Кун

**Легенды и мифы Древней
Греции и Древнего Рима**

«АСТ»

1922, 1940

УДК 398
ББК 82.3

Кун Н. А.

Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима /
Н. А. Кун — «АСТ», 1922, 1940 — (Иллюстрированная
история (АСТ))

ISBN 978-5-17-099027-6

«Легенды и мифы Древней Греции» в изложении знаменитого исследователя античности Н.А. Куна уже давно стали классикой, без которой трудно представить себе детство или юность образованного человека. Данное издание подарит вам уникальную возможность познакомиться с работами Н.А. Куна в том виде, в каком они вышли в свет в 1914 г. «для учениц и учеников старших классов средних учебных заведений, а также для всех тех, кто интересуется мифологией греков и римлян». Под своим первоначальным названием «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях» оно издавалось в 1922 г. и 1937 г. В 1940 г. Н.А. Кун, подписывая сигнальный вариант третьего издания книги, изменил название на «Легенды и мифы Древней Греции». В книгу вошли мифы о богах, героях и аргонавтах, Илиада и Одиссея, мифы об Агамемноне и Оресте и Фиванский цикл мифов.

УДК 398
ББК 82.3

ISBN 978-5-17-099027-6

© Кун Н. А., 1922, 1940

© АСТ, 1922, 1940

Содержание

Предисловие	8
Н.А. Кун	13
От автора	13
Введение	15
Боги Космогония и Теогония	26
Зевс (Юпитер)	29
Посейдон (Нептун) и божества моря	35
Царство мрачного Гадеса (Плутона)	38
Гера (Юнона)	41
Аполлон	43
Афина-Паллада (Минерва)	52
Артемида (Диана)	55
Гермес (Меркурий)	58
Арес (Марс), Афродита (Венера), Эрот (Амур, или Купидон) и Гименей	62
Гефест (Вулкан)	71
Деметра (Церера) и Персефона (Прозерпина)	73
Ночь, луна, заря и солнце	80
Дионис (Вакх, или Либер)	86
Пан	96
Янус	98
Сатурн	100
Фавн и Сильван	101
Вортумн и Помона	102
Марс и Квирин	103
Веста (Гестия)	105
Пенаты, лары, гении	106
Боги смерти римлян, маны и лемуры	107
Герои. Века и люди	108
Девкалион и Пирра (Потоп)	110
Прометей	111
Пандора	119
Данаиды	121
Сизиф	123
Беллерофонт	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Николай Альбертович Кун Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Николай Альбертович Кун (1877–1940) –

русский историк, писатель, педагог, знаменитый исследователь античности, автор многочисленных научных и научно-популярных работ, наибольшей известностью из которых пользуется книга «Легенды и мифы Древней Греции» (1922), выдержавшей множество изданий на языках народов бывшего СССР и основных европейских языках.

Именно Н.А. Кун сделал мир богов и героев знакомым и близким нам. Он первым постарался упростить, изложить своим языком греческие мифы и приложил немало усилий, чтобы как можно больше самых разных людей познакомились с этим важным аспектом греческой культуры.

Предисловие

Для каждого поколения читающих людей существуют некие «знаковые книги», символы нормального детства и естественного вхождения в мир духовной культуры. Думаю, что не ошибусь, если назову для России XX в. одним из таких изданий книгу Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Какое-то невероятное обаяние исходило для всех, кто начинал ее читать, от повествований о деяниях древних греков, от сказочного мира олимпийских богов и греческих героев. Дети и подростки, которым посчастливилось своевременно открыть для себя и полюбить эту книгу, не задумывались о том, что через мифы они приникают к миру одной из наиболее ярких страниц «детства человечества», по крайней мере – европейского.

Замечательное прозрение профессора Н.А. Куна состояло в том, что его пересказ древнегреческой мифологии позволял и позволяет детям приобщиться к истокам немеркнущей античной культуры через фантастические образы мифов и сказаний о героях, воспринимаемые детским сознанием в качестве волшебной сказки.

Так получилось, что Южное Средиземноморье и в первую очередь – остров Крит, Греция и острова Эгейского моря стали местом очень раннего расцвета цивилизации, зародившейся на рубеже III–II тыс. до н. э., то есть примерно четыре тысячи лет назад, и достигшей в зените того, что можно смело назвать совершенством.

Известный швейцарский историк культуры А. Боннар дал, например, такую оценку «золотому веку греческой культуры» (V в. до н. э.): «Греческая цивилизация в ее полуденную пору – это именно крик радости, исторгнутый из нутра человеческого рода, производящего на свет гениальные творения». Достигшие очень многого в самых разных областях жизни – мореплавании и торговле, медицине и философии, математике и архитектуре, – древние греки были абсолютно неподражаемы и непревзойденны в области литературного и изобразительного творчества, которое выросло именно на культурной почве мифологии.

Среди многих поколений людей, читающих в течение уже почти столетия книгу Н.А. Куна, совсем немного тех, кому известно что-то о ее авторе. Лично мне в детстве запомнилось только таинственно звучащее слово «Кун». За этим необычным именем в моем сознании, как и в сознании абсолютного большинства читателей, отнюдь не возникал реальный образ Николая Альбертовича Куна, прекрасного ученого, великолепного знатока античности с «дореволюционным образованием» и непростой судьбой в бурном XX веке.

Читатели книги, которую предваряет это введение, имеют возможность представить облик автора «Легенд и мифов Древней Греции». Краткий рассказ о его имени, который я предлагаю читателям, основан на материалах нескольких предисловий, написанных разными авторами к прежним изданиям книги Н.А. Куна, а также на документах, любезно предоставленных мне его родными.

Н.А. Кун родился 21 мая 1877 г. в дворянской семье. Его отец, Альберт Францевич Кун, не ограничивался делами и заботами собственного поместья. В среде его потомков сохранилась молва, что он организовал некое товарищество, которое содействовало внедрению использования электричества в российских театрах. Мать Николая Альбертовича, Антонина Николаевна, урожденная Игнатьева, происходила из графской семьи и была пианисткой, учившейся у А.Г. Рубинштейна и П.И. Чайковского. Концертной деятельностью она не занималась по состоянию здоровья.

В 1903 г. Николай Альбертович Кун закончил историко-филологический факультет Московского государственного университета. Уже в студенческие годы Николай Альбертович проявил тяготение к изучению античности и незаурядные познания в истории Древней Греции. Будучи студентом, в 1901 г. он выступил с сообщением об олигархии четырехсот в Афинах в 411 г. до н. э. Судя по сохранившимся газетным вырезкам, это выступление было

связано с достаточно важным для университета событием – открытием Историко-филологического студенческого общества. Как сообщали газеты, заседание происходило «в большой аудитории нового здания Московского университета». Почетным председателем исторической секции Общества был единогласно избран профессор В.О. Ключевский, «должность же председателя секции будет считаться вакантною до приезда из-за границы профессора П.Г. Виноградова, которому и будет предложено занять эту должность по единогласному желанию членов общества».

Как видим, студенты Московского университета, увлеченные историей, твердо связали свою научную деятельность с именами корифеев тогдашней российской исторической науки. Именно таковыми были Василий Осипович Ключевский и Павел Гаврилович Виноградов. Показательно, что деятельность студенческого научного Общества по секции истории открывалась докладом студента IV курса Н.А. Куна. В семье Николая Альбертовича сохранились тезисы этого научного труда. Написанные образцовым почерком интеллигентного человека начала XX века, они начинаются с характеристики источников. Автор пишет о Фукидиде и Аристотеле, воспроизводя название труда Аристотеля «Афинская полития» на древнегреческом языке. Затем следуют одиннадцать тезисов, в которых анализируется событие, – олигархический переворот в Афинах в 411 г. до н. э. Содержание тезисов свидетельствует о прекрасном знании античной истории студентом Н.А. Куном.

В семье профессора Куна сохранилась составленная и подписанная им подробная анкета с детальным описанием своей научной деятельности. В первом пункте этого интереснейшего документа Николай Альбертович сообщил, что он получил за эту студенческую научную работу премию им. Садиковой, «обыкновенно выдававшуюся приват-доцентам». Среди университетских учителей Н.А. Куна были такие выдающиеся историки, как В.О. Ключевский и В.И. Герье, более известный как специалист по истории нового времени, он занимался также и античной историей. С блестящим лингвистом академиком Ф.Е. Коршем Николай Альбертович поддерживал добрые отношения и после ухода Корша в 1900 г. с кафедры классической филологии Московского университета.

Казалось, ко времени окончания в 1903 г. университета перед талантливым юношей была открыта прямая дорога в большую науку. Однако его путь к занятиям любимой античностью оказался достаточно долгим и витиеватым.

Выпускник Московского университета Н.А. Кун был представлен факультетом к оставлению при университете, что давало прекрасные возможности для академической карьеры. Однако это предложение не было утверждено попечителем Московского учебного округа, видимо, по причине какого-то участия Н.А. Куна в студенческих волнениях рубежа веков. Путь в академическую науку оказался для него закрытым фактически навсегда. Николаю Альбертовичу предстояло немало проявить себя в других областях: на ниве преподавания, просвещения, организации образовательных учреждений и главное – популяризации научных знаний, прежде всего – в области античной культуры.

В 1903–1905 гг. Н.А. Кун преподавал в Твери в женской учительской школе Максимовича. Сохранилась старинная открытка начала XX в. с фотографией здания этой тверской школы и надписью на обороте, сделанной Н.А. Куном: «В этой школе я начал работу преподавателя в 1903 г. В ней прочел и первую лекцию по истории Древней Греции для учителей в 1904 г.». Опять Древняя Греция, образ которой, как видим, не ушел из сознания ее знатока и поклонника.

Тем временем в современной молодому Н.А. Куну России приближалась давно назревавшая страшная революционная буря. Н.А. Кун не стоял в стороне от грядущих исторических событий. В 1904 г. он начал читать лекции в рабочих аудиториях, был одним из организаторов воскресной школы для рабочих, которая в том же 1904 г. была закрыта по распоряжению тверского губернатора. «Неблагонадежность», которую усмотрели в Куне

еще московские власти, вполне подтверждалась поведением этого просветителя-интеллигента, и в начале декабря 1905 г. (в самое страшное революционное время) он был выслан по распоряжению губернатора из Твери. Учитывая, насколько близко этот город находился от Москвы, центра событий первой русской революции, власти «предложили» Н.А. Куну выехать за границу.

До конца 1906 г. он находился в Германии, где имел возможность пополнять свои знания по античной истории. В Берлинском университете в это время читал лекции знаменитый немецкий филолог и историк античной культуры профессор Ульрих Виламовиц-Мёллендорф. Вполне твердо предполагаю созвучие основной идеи этого крупного антиковеда о создании универсальной науки об античности, соединяющей филологию с историей, с настроением души пока не состоявшегося русского антиковеда Н.А. Куна. У Виламовиц-Мёллендорфа рассматривал вопросы религии, философии и литературы древних греков как некое единство, не подлежащее дроблению для изучения в рамках отдельных дисциплин. Пройдет примерно десять лет, и Н.А. Кун впервые издаст свою знаменитую книгу переложений греческой мифологии, где сделает именно это – докажет неразделимость филологического, философского, религиоведческого и литературного анализа могучего пласта общечеловеческой культуры – мифов Древней Греции.

А пока он вернулся в 1906 г. в не остывшую от революционной бури Россию и... опубликовал перевод гуманистического памфлета XVI в. «Письма темных людей». Это творение группы немецких гуманистов, среди которых наиболее известным был Ульрих фон Гуттен, обличало темноту, серость, обскурантизм как таковые, на все времена. Как писала газета «Товарищ» от 15 июня 1907 г., «этот великолепный памятник освободительной литературы все еще не потерял своего значения – не только исторического, но и практического». Автор газетной заметки о вышедшем в свет переводе отдал должное труду переводчика, молодого Н.А. Куна: «Переводчик сделал многое, чтобы справиться с трудностями чудовищного книжного языка книги, которую ее лучшие знатоки называли непереводаемой».

Николай Альбертович продолжил преподавательскую работу, участвовал в организации публичных лекций, в 1907 г. был одним из организаторов, а затем – председателем Совета Тверского народного университета, закрытого по распоряжению губернатора в 1908 г. В том же 1908 г. он был избран профессором всеобщей истории Московских высших женских педагогических курсов. Одновременно преподавал в средних школах Москвы и Твери и читал публичные лекции по истории религии и культуры.

В 1914 г. произошли два очень важных события в жизни Н.А. Куна: он был избран профессором Московского городского университета им. Шанявского по кафедре древней истории, в издательстве Кушнерева вышла в свет первая часть его знаменитой книги «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях» (вторая часть была опубликована в 1922 г. в издательстве «Миф»).

Короткое предисловие от автора было подписано Н.А. Куном 24 мая 1914 г. Оставались буквально считанные дни до начала страшной всемирной бойни и не так уж далеко до второй революции в России.

Эта книга сделала ее автора широко известным. Однако и до нее он уже работал популяризатором античной культуры, писал и редактировал учебные пособия. Ему принадлежит ряд очерков в «Книге для чтения по древней истории» под редакцией А.М. Васютинского (ч. I, 1912; ч. II, 1915; 2-е изд., 1916). Некоторые из них посвящены вопросам духовной культуры античности («В театре Диониса», «У Дельфийского оракула», «Римлянин перед лицом богов»), в других рассматривается археологическая проблематика («Что мы знаем об италийской старине»), очерк об Александре Македонском («Александр Великий в Персии»), что обнаруживает широту интересов ученого. В 1916 г. в издательстве «Космос» (Москва)

под редакцией Н.А. Куна публикуется русский перевод книги Э. Цибарта «Культурная жизнь древнегреческих городов» (пер. А.И. Певзнера).

В предисловии 1914 г. к своей главной книге Николай Альбертович высказал мысль, которая, как мне кажется, объясняет ее последующий успех и не угасающий по сей день интерес читателей. Автор написал, что он отказался от перевода источников, вместо этого он «излагал их, стараясь сохранить по возможности самый дух их, что, конечно, было часто весьма трудно, так как сохранить в изложении прозой всей красоты античной поэзии было невозможно». Какое волшебство помогло автору передать то, что он сам называет нематериальным словом «дух», сказать трудно. Остается только предполагать, что сказался давний, прочный интерес к античной культуре, нерасторжимое внимание к истории и литературе древних греков, многолетние занятия историей религии. Все это органично концентрировалось в знании мифологии, в восприятии ее автором как чего-то собственного, личного и вместе с тем принадлежащего всему человечеству.

Только через шесть лет после выхода в свет своего блестящего труда по мифологии Н.А. Кун наконец получил преподавательскую кафедру в Московском государственном университете. Он стал профессором по кафедре истории религии, где читал лекции до 1926 г., когда кафедра была закрыта.

Нетрудно представить, насколько непросто было оставаться антиковедом в первые годы советской власти. Николай Альбертович очень много работал, преподавал в школах, на курсах учителей, читал лекции для широкой публики во многих городах России. В своей анкете он называет не менее пятнадцати городов, в которых ему довелось преподавать. О том, как жилось дореволюционному гуманитарии в революционной обстановке, можно только догадываться. Но вот передо мной документ 1918 г. под названием «Охранное свидетельство», выданный Н.А. Куну от имени принадлежащего Народному комиссариату просвещения Высшего педагогического института имени П.Г. Шелапутина. На листочке бумаги с текстом, напечатанном на старинной пишущей машинке, восемь подписей – директора и членов Совета и правления. Текст гласит: «Дано сие преподавателю общеобразовательной школы, состоящей при Высшем Педагогическом Институте имени П.Г. Шелапутина товарищу Куну Николаю Альбертовичу в том, что занимаемое им помещение, находящееся по Девичьему полю Божениновскому переулку дом № 27 кв. № 6 и принадлежащее как ему, так и его семейству, всякое имущество (домашняя обстановка, книги, одежда и др. вещи) реквизиции не подлежат без ведома Народного комиссариата просвещения ввиду его состояния на службе в Советской власти, что надлежащими подписями с приложением печати удостоверяется.

Настоящее удостоверение выдано для представления как при обыске, так и при осмотрах во время предстоящей Недели бедноты».

Здесь комментарии не нужны. Ясно одно – в этих сложнейших условиях бытия Николай Альбертович очень много работал на ниве просвещения и со временем – академической науки, преподавал, редактировал, публиковал статьи и книги. С 1920 по 1926 г. он преподавал в Московском университете, с 1935 г. – в Московском государственном институте истории, филологии и литературы (МИФЛИ), занимаясь и научно-исследовательской деятельностью.

Предметом научных интересов Н.А. Куна по-прежнему оставались вопросы истории античной религии. В 1922 г. им была опубликована монография «Предшественники христианства (Восточные культы в римской империи)». Проблемы античной религии и мифологии занимали ученого и в последующие годы. Он не только редактировал материалы отдела древней истории БСЭ, его перу принадлежат более трехсот статей и заметок, написанных специально для этого издания, в том числе статьи «Эсхил», «Цицерон», «Надписи» (сов-

местно с Н.А. Машкиным), «Мифы и мифология». Ученый продолжал эту работу вплоть до своей смерти в 1940 г.

Некролог, опубликованный в сдвоенном номере (3–4) «Вестника древней истории» за 1940 г., сообщает некоторые подробности последних дней и часов жизни Куна: «... за несколько дней до смерти Н.А. подписал сигнальный экземпляр четвертого издания, для которого не только пересмотрел текст, но и подобрал прекрасные иллюстрации <...> В последние годы Н.А. перенес ряд тяжелых болезней, но тем не менее не хотел оставлять ни педагогической, ни литературной работы, и смерть застала его на посту: 28 февраля Н.А. Кун приехал в МИФЛИ читать свой доклад «Возникновение культа Сераписа и религиозная политика первых Птолемеев». Ни сам покойный, ни его друзья не могли подумать, что в час открытия заседания его не станет...»

Книга Н.А. Куна продолжала и продолжает жить после ухода автора из жизни. Неугасающий интерес к «детству человечества» обеспечивает этой книге читателей, которые с помощью Н.А. Куна проникаются духом прекрасного мира эллинских представлений о жизни, природе и космосе.

Н.И. Басовская

Н.А. Кун
Что рассказывали греки и
римляне о своих богах и героях
Часть I

От автора

Свою книгу «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях»¹ я предназначал, главным образом, для учениц и учеников старших классов средних учебных заведений,

¹ Первая часть данной книги представляет собой переиздание работы Куна, вышедшей в 1914 году, а вторая часть воспроизводит оригинальное издание 1937 года. Написание имен и названий было сохранено в первоначальном виде, поэтому в двух частях оно может различаться. Это коснулось, в первую очередь, следующих имен и названий: Гияды (Гиady), Евбея (Эвбея), Евфрисей (Эвфрисей), Ионийское море (Ионическое море), Пирифлегонт (Пирифлетонт), Эвмолп (Евмолп), Гадес (Аид). – *Прим. ред.*

а также и для всех тех, кто интересуется мифологией греков и римлян. Излагая мифы античной древности, я не стремился исчерпать весь имеющийся у нас материал и даже намеренно избегал давать различные версии одного и того же мифа. При выборе версий я останавливался обыкновенно на той, которая более древнего происхождения. Источники, которыми я пользовался, я не давал в переводе, а излагал их, стараясь сохранить по возможности самый дух их, что, конечно, было часто весьма трудно, так как сохранить в изложении прозой все красоты античной поэзии было невозможно. Что касается транскрипции имен, то я старался придерживаться более употребительных форм, так, например, Тесей, а не Фесей, Гелиос, а не Гелий, Радаманф, а не Радаманфий и т. д. Иллюстрирована книга исключительно античной скульптурой и вазовой живописью.

Считаю своим долгом выразить глубочайшую благодарность академику Ф. Е. Коршу за указания и советы, которые он так любезно давал мне; выражаю искреннюю благодарность Г. К. Веберу, С. Я. Гинзбургу, М. С. Сергееву и А. А. Фортунатову за их советы и помощь.

Николай Кун
Москва, 1914 г.
24 мая

Введение

В кратком введении невозможно дать полную картину развития религии и мифологии Греции и Рима. Но чтобы понять основной характер мифологии греков, чтобы объяснить, почему наряду с глубиной мысли и высокоразвитым представлением о нравственности встречаются в мифах греков грубость, жестокость и наивность, нам необходимо, хотя бы в кратких чертах, остановиться на важнейших моментах развития религии греков. Необходимо также выяснить, как изменилась под влиянием Греции древнейшая религия Рима, так как это дало мне право озаглавить мою книгу: «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях».

Нам придется вернуться к глубокой древности, к той первобытной эпохе жизни человека, когда у него только еще начинали возникать первые представления о богах, так как только эта эпоха объяснит нам, почему в мифах Греции сохранились и наивность, и грубость, и жестокость.

Наука не знает ни одного народа, как бы низко ни стоял он в своем развитии, который не имел бы представления о божестве, который не имел хотя бы наивных и грубых верований. Вместе с этими верованиями возникают и рассказы о богах, героях и о том, как созданы были мир и человек. Эти рассказы и называют мифами. Если религиозные верования, а с ними и мифы, возникают у человека на низшей ступени его развития, то ясно, что время их возникновения должно относиться к незапамятной древности, к той древнейшей эпохе жизни человечества, которая мало доступна для изучения, и мы поэтому не можем восстановить мифы в том их первоначальном виде, в каком создавались они человеком. Это прежде всего касается мифов тех народов, которые, как, например, египтяне, ассири-вавилоняне, греки, уже в глубокой древности, за тысячелетия до Р. Х., достигли высокой ступени культурного развития. Среди народов древности греки особенно поражают нас необычайным богатством и красотой их мифологии. Несмотря на то, что многое в мифологии греков утрачено для нас, все же тот материал, который сохранился до нашего времени, очень богат, и чтобы использовать его весь со всеми подробностями, со всеми вариантами различных мифов, пришлось бы написать несколько объемистых томов. Ведь как религия греков, так и их мифология имели местный характер. Каждая местность имела богов, которых в ней особенно чтили и о которых создавались и особые мифы, не встречавшиеся в других местах. Так, например, мифы о Зевсе, создавшиеся в Аттике, не совпадают с мифами о нем в Беотии и Фессалии. О Геракле в Аргосе рассказывали иначе, чем в Фивах и малоазиатских колониях греков. Кроме того, существовали местные боги и местные герои, поклонение которым не было распространено по всей Греции и ограничивалось только той или другой местностью. Этот-то местный характер, расширяя материал, затрудняет изучение мифов Греции. Наконец, изучая мифологию греков, прежде всего нужно помнить, что мифы в том виде, в каком они дошли до нас, относятся к тому времени, когда Греция давно уже вышла из первобытного состояния, когда она была страной культурной, а это всем мифам придавало иную форму, иную окраску, чем та, которую имели мифы в их первоначальном виде.

Можем ли мы воссоздать древнейшие формы греческих мифов? Ответ на этот вопрос ясен. Для этого нам прежде всего пришлось бы восстановить жизнь греков той глубочайшей древности, когда они жили и мыслили так, как живет и мыслит первобытный человек; восстановить ту эпоху, когда греки по своему развитию не превосходили современных бушменов Африки, дикарей Австралии или племена центральной Бразилии ауэто механикой и др., низкий уровень развития которых так порастил немецкого ученого Карла фон-ден-Штейнена. Можно ли задаваться подобной целью? Конечно, нет. Вряд ли когда-либо будет наука в силах восстановить столь древнюю эпоху жизни греков или даже дать, хотя бы неполную, картину

ее. Если и нельзя восстановить этой эпохи, то все же мы имеем полное право утверждать, что мифология греков, которая удивляет нас красотой и возвышенностью, создавалась именно в эту эпоху. Право же утверждать дают нам пережитки, встречающиеся на каждом шагу в греческих мифах. Эти-то пережитки, отзвуки древнейшей эпохи, указывают нам, если сравнить их с известными нам мифами современных первобытных народов, на время, в которое создавались мифы греков, и уровень их развития. Пережитки, кроме того, показывают нам, что мифы греков создавались тем же путем, каким шло создание и развитие мифов у всех народов земного шара.

Как же возникают у первобытного человека религиозные верования и мифы о богах? На низшей ступени развития первобытный человек иначе смотрит на окружающую его природу, от которой его существование зависит неизмеримо больше, чем зависит от нее существование человека, пользующегося всеми благами и всеми средствами культуры. Знания и опыт делают легче для цивилизованного человека борьбу с природой, они делают жизнь более обеспеченной и менее подверженной всяким случайностям, а от них так сильно зависит чуть ли не каждое мгновение жизни первобытного человека. Эта зависимость от природы остро чувствуется первобытным человеком, и он со свойственной ему любознательностью, часто граничащей с любопытством, старается так или иначе объяснить себе все явления природы и своей жизни, особенно же явления грозные. Но как же объяснить их, не обладая знанием? Первобытный человек выходит из этого затруднения следующим образом: он переносит все свойства, которыми обладает сам, на природу, а это ему сделать тем легче, что связь его с природой крайне тесна. Благодаря этому и получается, что природа в представлении первобытного человека оказывается одушевленной. А душу знает дикарь, – ведь покидает же она его, как он думает, во время сна, переносясь часто далеко от его тела и совершая целый ряд действий. Мы знаем, что это сновидения, но для первобытного человека сновидения – действительные события, в которых только участвует не он, а его душа. Знает также первобытный человек, что душа покидает его навсегда, чтобы больше уже не вернуться, во время смерти. Такой-то душой наделяет первобытный человек всю природу: деревья, камни, солнце, звезды, ветер и небо. Но не только душой наделяет первобытный человек природу, он наделяет ее всеми теми качествами и способностями, которыми обладает сам, и получается, что все в природе стоит, по мнению первобытного человека, на одном уровне с ним. Страсти первобытного человека, особенности его характера, его желанья, его мысли – всё переносится на природу. Возьмем несколько примеров. Бушмен не может объяснить себе происхождение ветра, и вот он рассказывает: «Ветер был раньше человеком, он забавлялся катанием шаров. Затем ветер превратился в птицу, которая летает по свету и взмахами своих больших крыльев производит ветер. Птица-ветер летает и ищет себе добычу, когда же добыча найдена и ветер насытился, он улетает в горы и отдыхает там; тогда нет ветра и все спокойно». Этот миф бушменов имеет много общего с мифами о богах ветра у греков. Ведь и бог северного ветра, Борей, носится на своих могучих крыльях над землей, подымая в своем неистовом полете страшные бури. В мифе племени ваганда, негров, живущих около озера Укерева, про первобытного человека – Кинту – рассказывается, как дочь неба полюбила Кинту и стала его женой, как Кинту ходил к небу, как небо дало ему подарки и т. д. Словом, небо оказывается не только одушевленным, но и человеком, полубогом. У греков же вспомним бога Урана-небо. Бог Уран имеет жену, детей, и даже рассказывается, как его младший сын Крон сверг отца-Урана и отнял у него власть. У маори же, на Новой Зеландии, бог Ранги-небо имеет жену Папа-землю. Один из детей их, Танемахута, свергает Ранги, как Урана греков сверг его сын Крон. По мифу австралийцев две звезды созвездия близнецов – это два юноши, Турри и Уонгель, которые убили чудовище Турру. Греки же называли эти звезды Кастор и Полидевк, которых поместил Зевс в число созвездий за их великие подвиги и за любовь друг к другу. Солнце, луна и звезды часто являются в мифах

первобытных народов под видом мужа, жены и детей. У греков солнце – это бог Гелиос, проезжающий в колеснице по небу, луна – это богиня Селена, а звезды – дети бога Астрея и богини зари Эос. Можно было бы привести бесчисленное количество подобного рода мифов, доказывающих, что вся природа одушевлена первобытным человеком, а в мифах греков мы найдем множество параллелей этого одушевления. Эти параллели и будут пережитками той глубокой древности, когда греки сами были еще народом первобытным.

Из приведенных примеров мы вывели заключение, что первобытный дикарь одушевляет явления природы. Но не только явления природы одушевляет он, он одушевляет и предметы. Твердо верит дикарь, что и камни, и деревья, и скалы обладают душой. Некоторые же предметы, чем-нибудь обратившие на себя особое внимание первобытного человека, наделяются им сверхъестественной силой. Часто вид неизвестного предмета вызывает у него мысль, что этот предмет наделен какой-то особой силой, которая может оказывать влияние на жизнь дикаря. Например, жители одного из островов Полинезии убив путешественника, нашли у него в кармане кусок сургуча. Им неизвестен был такой предмет, они решили, что это бог путешественника, фетиш, охранявший его, и они сделали этот кусок сургуча своим фетишем, своим божеством. На берегу Африки обоготворяли старый якорь, выброшенный на берег моря. Особенно уверовали негры в силу этого якоря, когда один негр, отбивший от него кусок, через некоторое время умер. Негры решили, что якорь этот – бог, что он отомстил за себя. Негры-носильщики обвешивают себя грубо сделанными изображениями людей, кусочками раковин и т. п., это их фетиши, которые помогают им нести ношу и охраняют их. Дикарь поклоняется своим фетишам, приносит им жертвы, просит у них послать дождь во время засухи, помочь на охоте, излечить от болезней и т. д. Фетишей одевают, кормят, им строят жилища. Это боги дикаря, но боги не всемогущие, а боги, которые могут помочь только тогда, когда они налицо, нельзя заочно призывать их. Да и заставить помочь может их, главным образом, колдун-шаман, умеющий произносить заклинания. Эта форма древнейшей религии долго живет, несмотря на развитие человечества. Пережитки ее сохраняются и у культурных народов. Есть они и у греков. Так, например, в Ахайе в Фарах у святилища Гермеса стояло тридцать камней, каждый из них назывался именем какого-нибудь бога, под именем которого поклонялись этому камню. В Мегаре поклонялись Аполлону под видом неотесанного камня, а в Феспсах поклонялись камню, носившему имя бога Эрота. Следовательно, и греки пережили то время, когда они поклонялись грубым фетишам.

Но для мифологии греков гораздо важнее иная черта религиозных верований человека, это так называемый тотемизм. Первобытный человек верит, что между ним и целым рядом объектов существует какая-то особенная, тесная связь; к этим объектам дикарь относится с суеверным уважением, он чтит их. Такими объектами почитания могут быть, прежде всего, животные, а затем и неодушевленные предметы: деревья, скалы и т. д. Вера в подобную связь с животными и неодушевленными предметами, по-видимому, есть результат того, что первобытный человек не проводит резкой границы между собой, животными и вообще природой. Животные в его представлении обладают такой же душой, как и он сам. Часто первобытные народы называют животных своими младшими братьями. Связь с животными кажется такой тесной, что первобытный человек глубоко верит, что человек может принять вид того или иного животного. Так, индейцы Северной Америки рассказывают как о действительном факте, что один мальчик, оставленный на берегу озера своим старшим братом, был принят волками в их стаю, и что мальчик этот превратился постепенно в волка. Таких рассказов много у любого из современных первобытных народов. Много подобных рассказов среди мифов Греции. Достаточно указать на миф о Зевсе, который превращался в быка, чтобы похитить Европу, о Зевсе, под видом лебедя являвшемся к Леде, об Аполлоне, под видом дельфина приведшем критских рыбаков к пристани города Крисы, и целый ряд других мифов. Но первобытный человек верит, что люди не только могут превращаться в живот-

ных, а даже в то, что целые племена происходят от животных. Так, например, индейцы Калифорнии рассказывают, что они произошли от койотов (степных волков), индейцы-делававары верят, что они произошли от орла. В Африке есть племена батау, что значит народ льва, бакхатли – народ обезьяны, батсетсе – народ мухи це-це. Подобное верование распространено по всему земному шару. В мифологии же греков мы имеем миф о происхождении народа мирмидонян от муравьев. Правда, в этом мифе говорится, что Зевс превратил муравьев в людей, но отзвуки тотемизма ясно звучат в этом мифе.

К животным, которые являются тотемом, первобытный человек, как уже было сказано, относится с особым почтением. Животное-тотем нельзя убивать, его нельзя употреблять в пищу, ему нужно приносить жертвы, умерший тотем нужно почитать погребением. В Аравии некоторые племена хоронят найденную убитой газель и даже носят по ней семь дней траур. Первобытные народы совершают, наконец, в честь своего тотема особые пляски, подражая движениям почитаемого животного. Вспомним, что Артемиду Брауронскую чтили пляскай одетые в шафранного цвета одежды девочки, которых называли медвежатами; в своей пляске эти девочки подражали движениям медвежат. Вспомним еще древний лаконский культ Аполлона Карнейя: во время празднества в честь этого Аполлона совершался особый бег, который изображал ловлю барана. Баран этот, по-видимому, тотем, и название самого Аполлона-Карнейя произведено от слова «баран». Вспомним, что Диониса изображали в виде быка или с бычьими рогами, а Деметра изображалась с конской гривой и даже с лошадиной головой. На основании уже этих примеров мы можем заключить, что и греки в глубокой древности не чужды были той формы первобытных религиозных верований, которая называется тотемизмом.

Нам важно было установить все эти пережитки первобытных верований в религии греков и в их мифах, так как этим доказывается, что создавались они в незапамятной древности. Наличие этих пережитков объясняет нам ту грубость и жестокость, которая поражает нас в мифах, встречаясь рядом с необычайной красотой и возвышенностью мысли греческой мифологии. Часто смущают нас поступки, совершаемые богами; эти поступки вызывают в нас даже негодование. Наше высоко развитое представление о нравственности не может мириться с ними. Достаточно сказать, что и сами греки, а потом и воспринявшие их мифы римляне, часто смущались тем, что рассказывалось о неблагоприятных, подчас прямо-таки позорных поступках их богов и героев. Греков и римлян смущало, что боги их обладают всеми низменными страстями человека. Крон с необычайной жестокостью пожирает своих детей, чтобы не лишиться власти. Зевс не хранит святости брачных уз, Гермес, не выйдя еще из пеленок, совершает кражу коров, Арес кровожаден и, словно безумный, неистовствует в битвах, Аполлон и Артемиды жестоки: с каким хладнокровием и жестокостью избивают они ни в чем не повинных детей Ниобы. Боги ссорятся между собой. Они готовы вредить друг другу. Афина помогает Диомеду ранить Ареса и ликует, видя его страдания. Зевс бичует Геру, он подвергает ее мучительному наказанию, повесив ее с привязанными к ее ногам наковальнями между небом и землей. Гера преследует Геракла и посылает ему тысячи бед, хотя он ничем не виноват перед нею. Боги злопамятны, они способны на обман, они искушают людей и ведут их этим к гибели. Жестоки и герои греков, и они совершают немало позорных поступков. Но вся эта жестокость и грубость мифов греков – отзвуки опять-таки того времени, когда первобытный человек переносил на богов своих все те свойства своего характера, которыми он обладал сам, когда он переносил на богов все нравы, все обычаи, которые у него существовали. И следы древних нравов и обычаев найдем мы в мифах греков. Укажем хотя бы на одну из древнейших форм брака – путем похищения невесты. Такой формы брака уже не существовало в культурной Греции, но в мифах Зевс, Посейдон, Гадес похищают себе жен, Зевс – Геру, Посейдон – Амфитриду, Гадес – Персефону.

Мы, как уже было сказано, застаем мифы Греции уже подвергшиеся обработке, не в их первоначальном виде. Даже дошедшие до нас древнейшие версии мифов относятся уже к тому времени, когда условия, необходимые для создания мифов, уже миновали. Это было время, когда греки давным-давно вышли из стадий первобытной жизни, когда у них накопился богатый опыт, когда этика их стала совершеннее, когда мы можем заметить в Греции первые проблески зарождающейся науки. Правда, в том, что рассказывают нам о богах и героях Гесиод и Гомер, еще много наивного и грубого, но и у них властно звучит неизмеримо более развитое представление о нравственности, чем у первобытного человека, их представление о богах неизмеримо возвышеннее. И это вполне естественно, так как греки, ко времени Гесиода и Гомера, прошли уже длинный путь культурного развития.

Уже Гесиод и Гомер критически относятся к тем фактам, которые сообщают о богах мифы. Они часто стараются истолковать мифы так, чтобы затушевать их грубость, чтобы не являлись боги существами, совершающими позорящие поступки. Это же было тем легче сделать, что Греция никогда не знала догматов, которые должны были безусловно признавать все. Каждый грек свободно исполнял религиозные обряды, и лишь непочитание богов, отрицание их вызывало преследование. Если же свободен был грек от принуждений в исполнении религиозных обязанностей, то свободно было и толкование мифов, а это тем более верно, что мифы не содержат в себе изложения веры греков.

Толкуя греческие мифы сообразно с новым взглядом на богов, Гомер вносит в мифы более глубокие черты. Он требует почитания богов, требует жизни умеренной, не исполненной гордыни, дабы не прогневались боги и не покарали человека. Наказание ждет человека, если нарушает он злыми делами волю богов, и не уйдет он тогда от не знающих пощады богинь мщения – Эриний. Великие герои Гомера прекрасны и мощны, высоко развито их чувство чести, они отважны, велика их энергия, велика любовь к родине, велика их доблесть. Но, как люди смертные, осуждены они на страдание, их удел – смерть. На каждом шагу нуждаются они в поддержке богов, и боги помогают им. Велик бог Зевс, исполнен он благости, он помогает героям, блюдушим его законы и смиренно склоняющимся перед ним. Но всемогущ ли Зевс и все остальные боги? Нет. Боги подчинены сами року, как и люди. Веление рока не в силах изменить боги Гомера. В том, что боги не всемогущи, сказывается еще несовершенство представлений Гомера о богах. А в том, что рассказывает Гомер о том, как гnevаются боги, как часто бывают они жестоки, несправедливы и даже вероломны, как ссорятся они между собой, и наконец, рассказывает о том, что боги страдают подобно простым смертным от ран, – все это отзвуки более грубых, древнейших представлений о богах.

Подобно Гомеру и Гесиод внес много облагораживающих черт в представление о богах. Правда, если прочесть его «Труды и дни» и «Теогонию», то первое впечатление получается такое, словно боги Гесиода грубы, жестоки, что главная цель их – вводить в соблазн людей и вести их к верной гибели; даже весь мир представляется полным зла, неправды и насилия. Но если вчитаемся внимательнее, то мы увидим иное. Гесиод верит, что боги карают того, кто живет неправдой. Нет такого наказания, которое не наложил бы на человека Зевс, если нарушены будут его законы, так как он – враг зла. Трудиться должен человек, вести деятельную жизнь, соблюдая законы богов, и боги наградят его – лишь зло карают они.

Чем дальше шло развитие культуры в Греции, тем возвышеннее становились их боги, тем все больше и больше облагораживались мифы, тем все сильнее смущали греков в мифах жестокости и грубости. Поэт Пиндар (522–448 гг. до н. э.) уже прямо избегает касаться таких мифов, которые оскорбляют его нравственность. Он говорит, что люди о богах должны говорить лишь прекрасное. Для него боги – поборники правды и справедливости. Все добродетели от богов. Наказывают человека боги за надменную гордость. Идеал жизни – умеренность и смелая деятельность. Боги все знают. Все в руках богов. Человек не может быть уверен ни в едином мгновении своей жизни. Полна превратностей жизнь человека.

Пусть надежда поддерживает человека, пусть будет доволен он тем, что дают ему боги. Лучшее украшение людей – благочестие. В загробной жизни ждет бессмертную душу человека награда или кара, поэтому должен человек творить при жизни добрые дела. Все эти взгляды на богов и на жизнь человека внес Пиндар в изложение мифов.

Еще возвышеннее смотрит на богов великий трагический поэт Эсхил (524–456 гг. до н. э.). Он говорит, что жизнь человека бrenна, в одной надежде утешение. Всесилен рок, не избежать его человеку, как не избежал его могучий титан Прометей. Но, хотя неизбежны веления рока, все же жизнью человека руководит божественная справедливость. Не губят без причины боги человека, лишь преступления против законов и правды наказывают они, карают они и чрезмерную гордость. Всякое злодеяние – это оскорбление богов, святотатство, которое должно быть наказанным. Не терпят боги неправды.

И Софокл (496–406 гг. до н. э.) преклоняется пред богами, установления которых, по его словам, живут вечно. Нерушимы божеские законы, горе тому, кто посягнет на них. На Олимпе рядом с тронem Зевса трон Дики – богини правды, там же царит и Фемидa – богиня правосудия, не потерпят они, чтобы кто-либо из смертных нарушил законы Зевса. В чем заключается правильная человеческая жизнь? В благочестии и благоговейном страхе пред волей богов. Зевс и рок – вот кто руководит всем. Если человек силится избежать рока, то этим он только помогает исполниться велениям его. Жизнь человека непрочна, а предопределения богинь судьбы неизменны.

Что касается младшего современника Софокла, Эврипида (480–406 гг. до н. э.), то его верa в богов была уже сильно поколеблена. В трагедиях Эврипида мы часто встречаем жалобы на богов, часто упрекает их Эврипид в несправедливости. Боги играют у него даже постыдную роль. Но это результат новых веяний в религиозной мысли, первые признаки упадка и разложения греческой религии; исследовать ход и причины этого разложения не может быть нашей задачей.

Не может быть нашей задачей и рассмотрение вопроса, как влияла на религию философия. Конечно, это влияние было громадно: с одной стороны, оно разрушало веру в богов, с другой – углубляло ее, внося в религию греков даже представление о едином боге, но в тех мифах, с которыми нам предстоит познакомиться, мы не найдем этого влияния.

Громадное значение для мифологии имеет искусство. Оно облекало в дивные образы богов Греции. Величайший художник Греции, Фидий воплотил Зевса в виде дышащего божественной мудростью и красотой бога. Он изобразил и Афину, прекрасную девственную богиню. Вся сияет она необычайным величием, мудростью горят очи богини. Исполнены величавого покоя и сознанием своего могущества боги Фидия, благостью дышат они. Это не люди, а боги, имеющие только внешность людей. Эти боги не могли совершать позорящих поступков. А боги Праксителя уже больше люди, чем боги Фидия, но и они исполнены величия, хотя в них его меньше, чем совершенной красоты, красоты человека. Таков Гермес Праксителя, держащий на руках маленького Диониса, таков Аполлон, такова Афродита, богиня любви – идеал женской красоты. Но как бы ни изображали художники богов Греции – в более возвышенных образах или в образах совершенных людей, как это делали художники более позднего времени, они дали богам образы, они наделили их особым благородством, силой, величием и необычайной, небесной красотой. Для современного же исследователя мифов искусство греков неопределимо не только тем, что говорит, какими представляли себе греки богов, но часто дает ему и новый материал. Часто мы знаем миф только потому, что сцены его изображены на греческих вазах, а еще чаще вазовая живопись дает ряд интересных вариантов мифа, не встречающихся в дошедшей до нас литературе греков.

Итак, мы видим, что поэты Греции, мыслители и художники внесли новые мотивы в мифы. Мифы в значительной степени утратили свою грубость и наивность, они были облагорожены, стали возвышеннее. Иначе и быть не могло; этого требовала все растущая куль-

тура Греции. Грек V века не мог быть удовлетворен мифом, сохранившим свои первобытные формы, его не могли удовлетворить и боги Гомера, его запросы стали глубже, понятие о нравственности совершеннее. Все меньше и меньше говорила сердцу грека религия Зевса, Аполлона, Афины и других богов. Человек стремится не только к формальному исполнению обрядов, не только обращаться к богу хочет он, не только просить его и словословить, – нет, он ищет мистического единения с божеством, он хочет, чтобы божество исполнило его особым священным вдохновением. Возникает представление о греховности человека, которая должна быть наказана там – в загробной жизни; очиститься от греха должен человек. Эту потребность удовлетворяют в Греции мистерии, прежде всего Элевсинские мистерии богини Деметры, существовавшие в Греции еще в VII веке до н. э. Посвященный в мистерии чувствовал, что вступает в особую таинственную, тесную связь с божеством, он очищался от греха, его ждала новая жизнь, более нравственная, более возвышенная. Ужасы царства душ умерших делались ему не страшными, так как не равна участь в мрачном царствии Гадеса того, кто посвящен в мистерии и кто в них не посвящен. Даже величайший из героев Греции, Геракл, принял посвящение в Элевсинские мистерии прежде чем сойти в царство Гадеса. Именно в мистериях поднялась греческая религия до такой высоты, которая выделяет ее среди религий Древнего мира. Конечно, мистерии не могли не повлиять на мифологию греков, не могли не оставить в ней следа.

Афины. Парфенон

Если мы видим всюду выраженную в мифах мысль о неизбежности велений рока, если мы видим, что во всех мифах говорится о том, что нарушения законов Зевса и установленного им порядка должны быть наказаны, если, наконец, неумолимо карают боги надменную гордость людей, то среди этих мыслей встречаем мы новые мысли. Наказаны должны быть не только Ниоба, оскорбившая Латону, или возгордившийся Тантал, или нарушивший порядок, заведенный Зевсом, Сизиф, или Креонт, не блюдуший законы богов, – наказана должна быть вообще греховность, как наказан был Дедал за убийство Тала, Данаиды за убийство сыновей Египта, Пелопс за убийство Миртила и многие другие.

Мы встречаем и новую мысль, что страдания человека очищают его и дают ему награду. Геракл своими подвигами и теми страданиями, которые были уделом всей его жизни, достиг величайшей награды – он был принят в сонм бессмертных богов – олимпийцев. Страданиями очистился и Эдип, которого злой рок преследовал всю его жизнь и погубил его и всю его семью. Эдип нашел вечный покой в Колоне, в роще Эвменид – тех богинь, которые так неумолимо преследовали его. Этот мотив очищения страданием чужд был древнейшим мифам, он чужд Гомеру, как чуждо ему и представление о греховности.

Когда мы читаем мифы Греции, нас поражают те страдания, которые выпадают на долю героев, мы видим, как преследует рок часто ни в чем не повинных, и не могут они избежать его. Ахилл обречен на смерть под Троей, – на смерть в полном расцвете красоты и молодости. Гибнет во цвете лет Мелеагр. Беллерофонт, после совершенных великих подвигов, блуждает безумный. Тесей, величайший герой Аттики, скитается, как изгнанник, и вероломный Ликомед сталкивает его со скалы в море. Рекой льется кровь неповинных; так гибнет Гиацинт, Итил, сын Аедоны, Адонис и великий защитник родины Гектор. Кажется, что глубоким пессимизмом проникнуты мифы Греции. Но если вчитаться в них, то исчезает этот пессимизм. Велики страдания героев, но и велика их любовь к жизни, и эта любовь делает ее радостной и полной энергичной деятельности. Радостна жизнь на земле в блеске яркого солнца, всей душой привязаны к этой жизни греки. Безрадостно существование бесплотных теней умерших в полном мраке царства владыки Гадеса, ненавистен богам и людям бог смерти Танат, неизбежен грозный рок, но все же прекрасна жизнь, велики ее радости, – радости труда, деятельности, борьбы и наслаждения. В этой любви к жизни, к жизни деятельной, нет места пессимизму.

Вот в таком-то виде занесены были мифы Греции вместе с ее религией в Рим, где суждено им было найти себе как бы вторую родину.

Древнейшая религия Рима в том виде, в каком дошла она до нас, не знала богов, подобных прекрасным богам Греции. Чужды были римлянам величественные образы Зевса, Геры, Посейдона, Аполлона, Афины и других богов. Древнейшие боги Рима не имели определенного образа. Боги Рима безлики. И как много этих богов. Римлянин окружен ими всюду, где бы он ни был. Каждый его шаг ведает божество, что бы он ни предпринял, все находится под ведением особого божества. Богов так много, что римлянин часто не знает даже их имен, он не знает, к кому из богов обратиться в том или ином случае, и ему приходится обращаться за содействием к жрецам, чтобы они указали ему, кому молиться. Возьмем несколько примеров. Земледелец принимается за полевые работы. Он должен обратиться за помощью к целому ряду божеств и призывать богов и богинь: не вспаханного поля, вспаханного поля, богиню «мать землю» (*Telus mater*), которая хранит только что засеянное поле, богиню Сеию, ведающую не проросшее еще зерно, Сегетию, выдающую зерно проросшее, Тутелину, хранящую зерно в закроме, бога Конса, который дает хорошую уборку жатвы, богиню волнуемой спелой нивы Цереру и многих других богов, вплоть до бога коленцев соломы Нодота. Римлянину в детстве покровительствуют не менее чем 43 божества, среди них есть и богиня Эдука, она учит ребенка есть, богиня Потина учит пить, Адеона и Абеона – ходить. Есть богиня, которая ведет ребенка в школу, это Итердука, есть и такая, которая ведет его домой, – Домидука. Целый ряд богинь и богов помогают ребенку учиться. Когда римлянин проходит двери, он проходит мимо трех божеств: бога хранителя дверей – Януса, богини порога Лименты и дверных петель – Кардеи. Над головой римлянина раскинулось ясное, голубое небо – это бог Юпитер Луцетий, но есть и богиня неба – Юнона. Каждый родник, каждый ручей – божество, это богини лимфы, богини камни и бог Фонс. Каждый лес имеет своего Сильвана, каждая река – бога Вольтурна и т. д., без конца. Даже каждый человек имеет свое отдельное божество, каждый римлянин – гения, а римлянка – Юнону. В каждом доме своя богиня очага Веста, свой лар, который охраняет всю семью, и пенаты, которые охраняют дом

римлянина и его кладовые. Конечно, мы не имеем возможности перечислить всех богов и богинь древнейшего Рима. Нам в данном случае важен только характер этих божеств, которые являются скорее какими-то отвлеченными понятиями, чем богами, имеющими определенный образ. Таким богам нельзя строить храмов, так как боги эти находятся там, где находится тот предмет, которым они ведают, где совершается то действие, в котором они помогают. Власть этих богов крайне ограничена. Поклоняться им так, как поклонялся богам грек, тоже нельзя. Им нельзя молиться, воздев руки и созерцая их величественные образы, ведь образа у них нет. Поэтому римлянин скорее выполнял договор между ним и его богами; чем точнее выполнены все обязательства пред богами, тем больше обязаны боги исполнить то, о чем просят их. И этот характер договора так свойствен римлянам, у которых право и договор играли великую роль в жизни, которые создали то право, которое до сих пор изучается юристами всех стран. Конечно, нельзя было создать об этих богах такие мифы, какие создали о своих богах греки.

Мы не можем утверждать, что у римлян в древнейшую эпоху их жизни не существовало совсем мифов, ведь находим же мы и у них остатки первобытных форм религии, а прежде всего следы фетишизма. Вспомним, например, бога Юпитера-Элиция: ему под видом «дождевого камня» (*lapis manalis*) приносили жертвы, чтобы он послал дождь; или камень «silex», олицетворявший бога Юпитера-Камня (*Iuppiter lapis*). Эти пережитки дают нам право предположить, что и римляне прошли в своей религии тот путь развития, который прошли и другие народы. Поэтому мы можем высказать предположение, что и у римлян в древнейшую эпоху существовали мифы, но эти мифы не дошли до нас, возможно только потому, что их очень легко вытеснили мифы Греции. Ведь и боги древнейшего Рима были частью забыты, а все боги, которые не были забыты, получили иные образы, образы богов Греции.

Римляне легко воспринимали чужих богов. Признавая, что все вокруг него полно богов, римлянин не мог отрицать, что есть боги и вне его владений. Он только не знает этих богов, но боги эти заслуживают поклонения. Ведь даже в своих владениях римлянин не знает всех богов, он часто даже в молитве призывает бога или богиню, даже ставит жертвенник, посвящая его богу или богине, не зная, кому же следует посвятить его. Римлянин в случае нужды обращался к иноземным богам и призывал их перейти в Рим, стать богами Рима. Так включили римляне в число своих богов богиню Диану – покровительницу Латинского союза, Кастора и Полукса – покровителей города Тускулума, богиню-царицу этрусского города Вей, назвав ее именем своей богини неба – Юноной; у этрусков же заимствовали они богиню Минерву – покровительницу ремесел. Под влиянием этрусков строится первый храм в Риме на Капитолии; в этом храме ставятся и первые изображения богов Юпитера, Юноны и Минервы. Появляются вскоре храмы и изображения других богов. Этим сделан был большой шаг вперед и подготовлена почва для восприятия богов и мифов Греции.

И действительно, лишь только установились тесные отношения между Римом и греческой колонией Кумами, откуда получал Рим хлеб, как в Риме начинают появляться один за другим греческие боги. Этим богам строят храмы, им поклоняются. Правда, новых пришлых богов не включают в число исконных богов Рима и поклоняются им иначе. Для поклонения богам-пришельцам существует особый обряд (*graecus ritus*), есть особые жрецы. Эти новые боги особенно привлекают простой народ, они гораздо ближе к людям, доступнее, они сильнее действуют на душу, чем старые боги Рима. Привлекают и церемонии, совершавшиеся в честь них, и особенно лектистернии, трапезы богов, во время которых изображения богов клались на ложа пред столами с жертвами, и суппликации, когда весь народ с лавровыми ветвями в руках процессиями ходил из храма в храм и со смирением молил богов о милости. Первым из греческих богов в Риме был бог Аполлон. Вскоре после введения культа Аполлона, в 496 г. до н. э., в Риме начинают поклоняться богу Дионису и богиням Деметре

и Персефоне, их называли только римскими именами Либер, Цереры и Либеры. Затем появляется в Риме бог Меркурий – греческий Гермес, появляется бог моря Нептун – греческий Посейдон, в 291 г. до н. э. начинают поклоняться Эскулапу – греческому Асклепию. Один за другим появляются боги Греции в Риме, и понемногу старые, исконные римские боги все более и более заимствуют у них их образ, их характер и те мифы, которые о них рассказывались в Греции. Юпитер отождествляется с Зевсом, Юнона с Герой, Минерва с Афиной, Марс с Аресом, Венера с Афродитой, Диана с Артемидой, Вулкан с Гефестом, Веста с Гестией, Церера с Деметрой. Греческая мифология проникает все больше и больше в Рим, и поэты переносят греческие мифы на богов Рима. Ливий Андроник богины родников, камен, призывает отождествлять с греческими музами. Невий называет камен дочерями Юпитера, так как ведь музы – дочери Зевса. В комедиях Плавта бог Либер – это бог вина Вакх, Меркурий – посланник богов, Юпитер – сын Сатурна, отождествленного с Кроном, и богини Опс, богини богатого урожая, занявшей место греческой Реи; Нептун, как в Греции Посейдон, называется братом Юпитера. В одной же из комедий Плавта, когда одно из действующих лиц называет Юнону дочерью Юпитера, Сатурна его дядей, а Опс бабушкой, то его под смех зрителей, которым уже хорошо известен миф о Юпитере (Зевсе), другое действующее лицо поправляет, подчеркивая его невежество.

Все сильнее и сильнее подчиняется религия Рима влиянию Греции. Если мы возьмем конец римской республики и время Августа, то мы увидим, что древнеримские боги уже совсем утратили свой первоначальный характер, а мифы греков стали мифами и римлян. Август проводит религиозную реформу в Риме; он хочет восстановить прежнее благочестие. Но, заботясь о восстановлении старинных культов, обновляя и заново отстраивая полуразрушенные храмы, Август все же не мог возродить старых богов Рима. Эти боги забыты, старинные гимны давно уже стали непонятными. Вся реформа Августа проникнута греческим духом, и его боги – боги Греции. Да и среди богов на одном их первых мест оказывается греческий бог Аполлон. На Палатине, где когда-то царили одни лишь римские боги, строит Август великолепный храм Аполлону, из каррарского мрамора. Пышные празднества справляются в честь Аполлона в Риме, а рядом с Аполлоном чтут и сестру его Диану-Артемиду. Ясно было, что не возродится уже к жизни древняя религия Рима.

Если мы возьмем римских поэтов – Овидия, Горация и Вергилия, то ни у одного из них не найдем мы богов, сохранивших свой древнеримский характер. Овидий пишет свои «Метаморфозы» («превращения»), в них говорит он о богах и героях. И боги, и герои этого произведения римского поэта – не боги Рима, а мифы о них не римские, а чисто греческие. Если мы и читаем: Юпитер, Юнона, Минерва, Марс, Венера, то за этими именами скрываются Зевс, Гера, Афина, Арес и Афродита. Да и прежнего благочестия, может быть и очень рассудочного, у Овидия нет. Он очень легко относится к вопросам религии, не останавливаясь перед тем, чтобы выводить богов в весьма непривлекательной роли. И это вполне в духе тогдашнего общества, которое давно уже, под влиянием греческой философии, греческого просвещения, стало отрицательно относиться к богам. Религия богов Греции приходит в упадок.

Гораций и Вергилий тоже забыли старых богов Рима. Правда, они оба проникнуты благочестием. Гораций прославляет старые римские добродетели: скромность в жизни, жизнь земледельца, но всякий раз, как он говорит о богах или ссылается на мифы, всегда его боги и мифы – греческие. Иначе и не мог поступать эллински образованный римлянин Гораций. То же можно сказать о Вергилии. Его благочестие еще возвышеннее, еще глубже, чем благочестие Горация, выше весь его нравственный облик. Он преклоняется пред римской стариной и славит древнее благочестие. Благочестив и его герой Эней, а величайшее дело, совершенное Энеем, это то, что он перенес святыни Трои в Рим. И для Вергилия боги Рима давно слились с богами Греции.

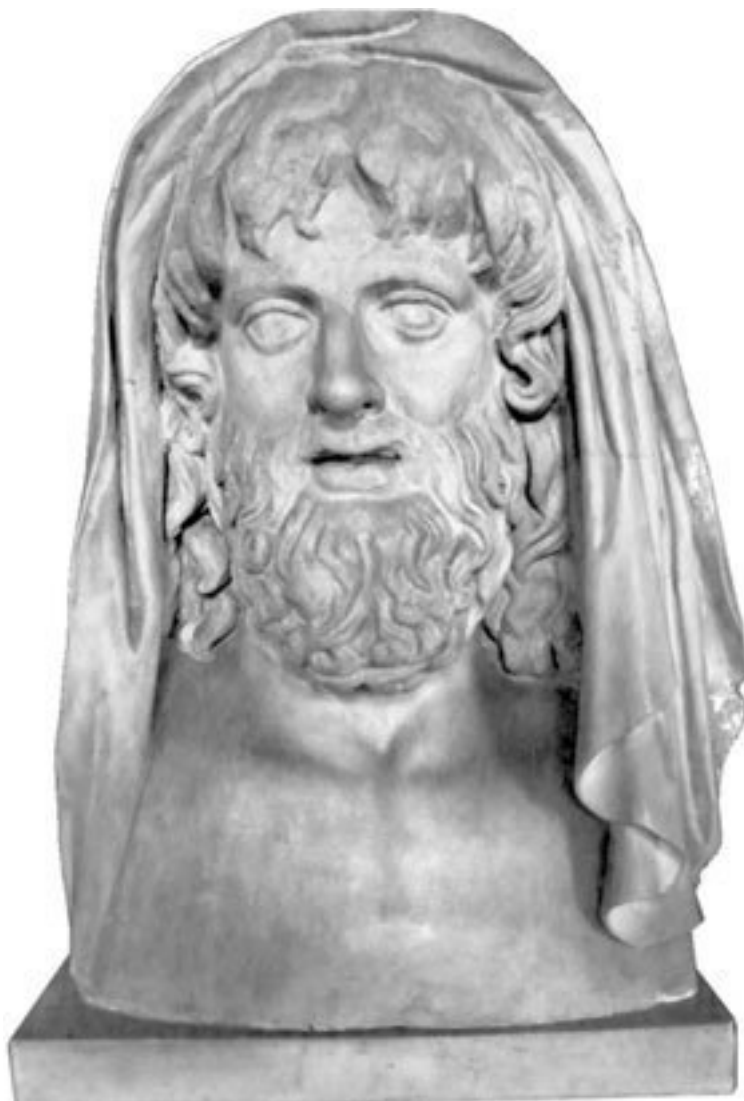
Но если умерла уже древнейшая религия римлян, то и религия Греции постепенно умирала. Потеряли боги Греции прежнее обаяние, они уже не трогали сердца народа. Все больше и больше овладевали и умом, и душой, и сердцем культа, занесенные с Востока. Но и им не суждено было окончательное торжество над язычеством Греции и Рима, оно было побеждено и навсегда уничтожено христианством. Христианство дало свет Истины миру.

Но образы богов Греции не умерли, не умерли и образы великих героев. Они пережили века и живут, вечно юные, в наше время. Мифы Греции с их дивно-прекрасными образами стали достоянием человечества. Не уставали поэты всех времен черпать образы, полные красоты и величия, в мифах Греции, и неиссякаемой оказалась сокровищница мифов. Нам до сих пор близки и понятны образы: царя богов и людей – громовержца Зевса и царицы Геры, далеко разящего Аполлона, девственной Артемиды, любимой дочери Зевса Афины, страдающей в разлуке с дочерью Деметры, веселого бога вина Диониса, гордого титана Прометея, великого Геракла, страдальца Эдипа, юного героя Ахилла и хитроумного Одиссея.

Мифы Греции не могут быть забыты, так как они являются одним из прекраснейших созданий гения греческого народа, вся культура которого оказала неизмеримое влияние на культуру Европы.

Боги Космогония и Теогония

Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни всего Мира. Все возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земля-Гайя. Широко раскинулась она могучая, дающая в своем благодатном лоне жизнь всему, что живет и растет на ней. Далеко же под Землей, так далеко, как далеко от нас необъятное, светлое небо, в неизмеримой глубине родился мрачный Тартар – ужасная бездна, полная вечной тьмы. Из Хаоса, источника жизни, родилась и могучая сила, все оживляющая, – Любовь-Эрос. Начал создаваться мир. Безграничный Хаос породил вечный Мрак-Эреб, и темную Ночь-Нюкту. А от Ночи и Эреба произошли вечный Свет-Эфир и радостный светлый День-Гемера. Свет разлился по миру, и стали сменять друг друга Ночь и День. Могучая, благодатная Земля породила из своего лона беспредельное голубое Небо-Урана, и раскинулось Небо над Землей. Гордо поднялись к нему высокие Горы, рожденные Землей, и разлилось широко вечно шумящее Море. Матерью Землей рождены Небо, Горы и Море, и нет у них отца.

Крон. Мраморный бюст

Рея дает Крону камень. Пелика мастера Навсикаи. Ок. 460 г. до н.э.

Воцарился Уран-Небо в мире. Он взял себе в жены благодатную Землю. Шесть сыновей и шесть дочерей – могучих грозных титанов – было у Урана и Гайи. Их сын, титан Океан, обтекающий, подобно безбрежной реке, всю землю, и богиня Фетида породили на свет все реки, которые катят свои волны к морю, и морских богинь океанид. Титан же Гипперион и Тейя дали миру детей: Солнце – Гелиоса, Луну – Селену и румяную Зарю – розоперстую Эос (Аврора). От Астрея и Эос произошли все звезды, что горят на темном ночном небе, и все ветры: бурный северный ветер Борей, восточный Эвр, влажный южный Нот и западный нежный ветер Зефир, несущий обильные дождем тучи.

Кроме титанов, породила могучая Земля трех великанов – циклопов с одним глазом во лбу и трех, громадных, как горы, пятидесятиголовых великанов – сторуких (гекатонхейров), названных так потому, что сто рук было у каждого из них. Против их ужасной силы ничто не может устоять, их стихийная сила не знает предела.

Возненавидел Уран своих детей-великанов, он не хотел их видеть; в недра богини Земли заключил он их в глубоком мраке и не позволил им выходить на свет. Страдала мать их Земля. Ее давило это страшное бремя, заключенное в ее недрах. Приготовила она из железа острый серп, вызвала детей своих, титанов, и убеждала их восстать против отца Урана, но они боялись поднять руку на отца. Только младший из них, коварный Крон (Сатурн), хитростью низверг своего отца. Он лишил отца силы и отнял у него власть. Упали капли крови Урана на землю, а из них народились неутомимые богини мщения Эринии (Фурии) и змееподобные великаны-гиганты. А богиня Ночь, под покровом которой совершил свое злодеяние

Крон, родила ему в наказание целый сонм ужасных божеств: Таната – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Кер – уничтожение, Гипнос – сон, рой мрачных, тяжелых снов, не знающую пощады Немесиду – отмщение за преступления – и много других. Ужас, раздоры, обман, борьбу и несчастье внесли они в мир, где воцарился на троне своего отца Крон.

Зевс (Юпитер)

Рождение Зевса. Крон не был уверен, что власть навсегда останется в его руках. Он боялся, что и против него восстанут дети и обрекут его на ту же участь, на какую обрек он своего отца Урана. Он боялся своих детей. И велел Крон жене своей Рее (Опе) приносить ему рождавшихся детей и безжалостно проглатывать их. В ужас приходила Рея, видя судьбу детей своих. Уже пятерых проглотил Крон: Гестию², Деметру³ Геру (Юнону), Гадеса (Плутона) и Посейдона (Нептуна).

Не хотела Рея потерять и последнего своего ребенка. По совету своих родителей Урана-Неба и Гайи-Земли, удалилась она на остров Крит, и там, в глубокой пещере, родился у нее ее младший сын Зевс. В этой пещере скрыла Рея своего сына от жестокого отца, а ему дала проглотить вместо сына длинный камень, завернутый в пеленки. Не подозревал Крон, что он обманут своей женой.

А Зевс тем временем рос на Крите. Нимфы Адрастея и Идея лелеяли маленького Зевса, они вскормили его молоком божественной козы Амалфеи. Пчелы носили мед маленькому Зевсу со склонов высокой горы Дикты. У входа же в пещеру юные куреты⁴ ударяли в щиты мечами всякий раз, когда маленький Зевс плакал, чтобы не услышал его плача Крон и не постигла бы Зевса участь его братьев и сестер.

Зевс свергает Крона. Борьба богов-олимпийцев с титанами. Вырос и возмужал прекрасный и могучий бог Зевс. Он восстал против своего отца и заставил его вернуть опять на свет проглоченных им детей. Одного за другим изверг из уст Крон своих детей-богов, прекрасных и светлых. Начали они борьбу с Кроном и титанами за власть над миром.

² Богиня жертвенного огня и огня домашнего очага, покровительница городов и государств. В Риме с Гестией была отождествлена Веста, богиня домашнего очага.

³ Великая богиня плодородия земли, дающая роскошный рост всему, что произрастает на земле, дающая плодородие нивам, благословляющая труд земледельца. Римляне называли богиню Деметру именем своей древней богини плодородной нивы, Цереры.

⁴ Полубоги, охранители и защитники Зевса. Позднее куретами называли на Крите жрецов Зевса и Реи.

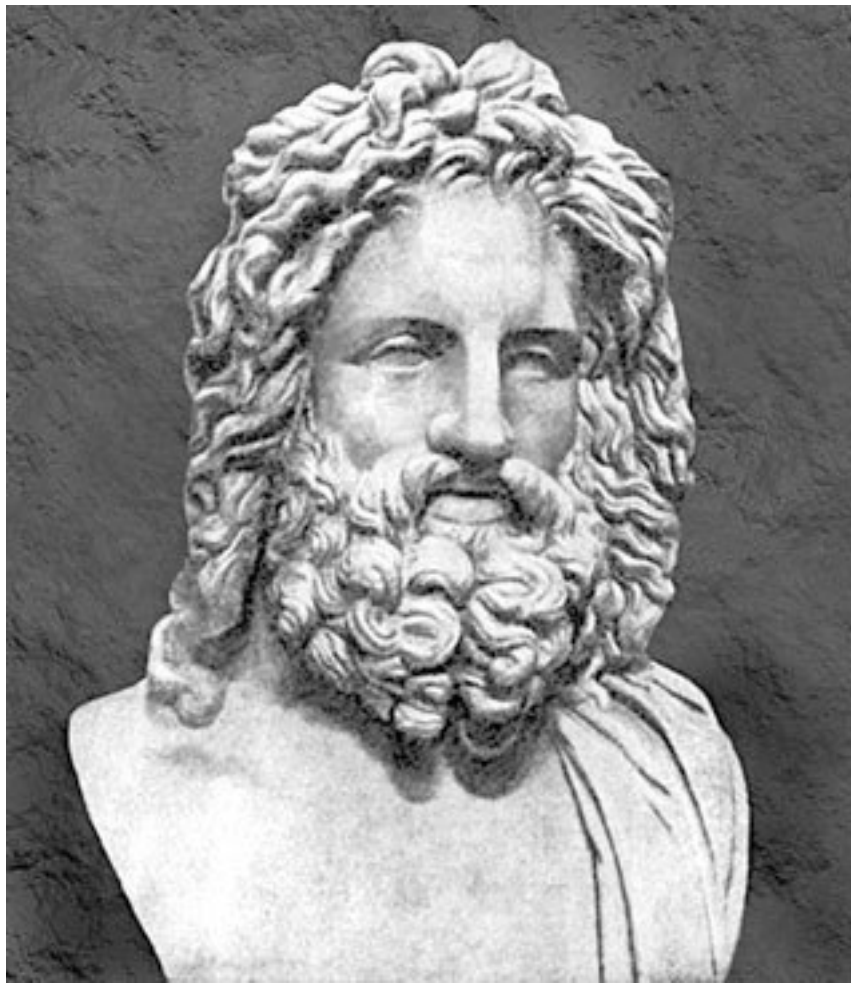
Амалфея с младенцем Зевсом и юным сатиrom. Нач. XVII в.

Ужасна и упорна была эта борьба. Дети Крона утвердились на высоком Олимпе. На их сторону стали и некоторые из титанов, а первыми – титан Океан и дочь его Стикс с детьми Рвением, Мощью, Силой и Победой. Возвеличил их за это Зевс. Опасна была эта борьба для богов-олимпийцев. Могучи и грозны были их противники титаны. Но Зевсу на помощь пришли циклопы. Они выковали ему громы и молнии, их метал Зевс в титанов. Десять лет уже длилась борьба, но победа не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Наконец решился Зевс освободить из недр земли сторуких великанов-гекатонхейров; он их призвал на помощь. Ужасные, громадные, как горы, вышли они из недр земли и ринулись в бой. Целые скалы отрывали они от гор и бросали их в титанов. Сотнями летели скалы навстречу титанам, когда они подступали к Олимпу. Стонала земля, грохот наполнил воздух, все кругом колебалось. Даже Тартар содрогался от этой борьбы. Зевс метал одну за другой пламенные молнии и оглушительно рокочущие громы. Огонь охватил всю землю, моря кипели, дым и смрад заволокли все густой пеленой. Дрогнули, наконец, могучие титаны. Сломлена была их сила, они были побеждены. Олимпийцы сковали их и низвергли в мрачный Тартар, в вековую тьму.

У медных несокрушимых врат Тартара на стражу стали сторукие великаны-гекатонхейры, и стерегут они, чтобы не вырвались опять на свободу из Тартара могучие титаны. Власть титанов в мире миновала.

Борьба Зевса с Тифоном. Но не окончилась этим борьба. Разгневалась Гайя-Земля на олимпийца Зевса за то, что он так сурово поступил с ее побежденными детьми-титанами. Она вступила в брак с мрачным Тартаром и произвела на свет ужасное стоголовое чудовище Тифона. Громадный, с сотней драконовых голов, поднялся Тифон из недр земли. Диким воем всколебал он воздух. Лай собак, человеческие голоса, рев разъяренного быка, рыканье льва слышались в этом вое. Бурное пламя клубилось вокруг Тифона, и колебалась земля под его тяжелыми шагами. Содрогнулись от ужаса боги. Но смело ринулся в бой Зевс-громовержец, и загорелся бой. Засверкала опять молния в руках Зевса, раздались раскаты грома. Земля и небесный свод сотряслись до основания. Ярким пламенем вспыхнула опять земля, как и во время борьбы с титанами. Моря кипели от одного приближения Тифона. Сотнями сыпались огненные стрелы-молнии громовержца Зевса; казалось, что от их огня горит самый воздух, и горят темные грозовые тучи. Зевс испепелил Тифону все сто голов. Рухнул Тифон на землю; от тела его исходил такой жар, что плавилось все кругом. Поднял Зевс тело Тифона и низверг в мрачный Тартар, породивший его. Но и в Тартаре грозит еще Тифон богам и всему живому. Он вызывает бури и извержения; он породил с Эхидной, полуженщиной-полузмеей, ужасного двуглавого пса Орфо, адского пса Цербера, Лернейскую гидру и Химеру, и часто колеблет Тифон землю.

Победили боги-олимпийцы своих врагов. Никто больше не мог противиться их власти. Они могли теперь спокойно править миром. Самый могущественный из них, громовержец Зевс, взял себе небо, Посейдон – море, а Гадес – подземное царство душ умерших. Земля же осталась в общем владении. Хотя и поделили сыновья Крона между собой власть над миром, но все же над всеми ими царит повелитель неба Зевс, он правит людьми и богами, он ведает всем в мире.

Зевс – бог-громовержец, царь богов и людей. Бюст IV в. до н.э.

Олимп. Высоко на светлом Олимпе царит Зевс, окруженный сонмом богов. Здесь и супруга его Гера (Юнона), и златокудрый Аполлон с сестрой своей Артемидой (Диана), и золотая Афродита (Венера), и могучая дочь Зевса Афина (Минерва), и много других богов. Три прекрасные орлы охраняют вход на высокий небесный Олимп и поднимают закрывающее врата густое облако, когда боги нисходят или возносятся в светлые чертоги Зевса. Высоко над Олимпом широко раскинулось голубое, бездонное небо, и льется с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далекую землю. Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяются несчастьем и горем. Не знают светлые боги-олимпийцы невзгод земной жизни. Правда, и их посещает печаль, но она так скоро проходит, и безоблачное счастье снова царит на светлом Олимпе.

Пируют боги в своих золотых чертогах, построенных сыном Зевса Гефестом (Вулкан). Царь Зевс сидит на высоком золотом троне. Величием и гордо-спокойным сознанием великой власти и могущества дышит мужественное, божественно-прекрасное лицо Зевса. У трона его богиня мира Эйрена и постоянная спутница Зевса, крылатая богиня победы Ника (Виктория). Вот входит прекрасная, величественная богиня Гера, жена Зевса. Чит Зевс свою жену, почетом окружают Геру, покровительницу брака, и все боги Олимпа. Когда, блистая своей красотой, в пышном наряде, великая Гера входит в пиршественный зал, все боги встают и склоняются пред женой громовержца Зевса. А она, гордая своим могуществом, идет к золотому трону и садится рядом с царем богов и людей – Зевсом. Около трона Геры

стоит ее посланница, богиня радуги, легкокрылая Ирида, всегда готовая быстро нестись на радужных крыльях исполнять повеления Геры в самые дальние края земли.

Пируют боги. Дочь Зевса, юная Геба, и сын царя Трои, Ганимед, любимец Зевса, получивший от него бессмертие, подносят им амброзию и нектар – пищу и напиток богов. Прекрасные хариты (грации) и музы услаждают их пением и танцами. Взявшись за руки, водят они хороводы, а боги любуются их легкими движениями и дивной, вечно юной красотой. Веселее становится пир олимпийцев. На этих пирах решают боги все дела, на них определяют они судьбу Мира и людей.

С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей: счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть, все в его руках. Два больших сосуда стоят у врат дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом – зла. Черпает в них Зевс добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом. Горе и тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет сын Крона свои густые брови, черные тучи заволокут тогда небо. Разгневается великий Зевс, и страшно поднимутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; взмахнет он своей десницей – удары грома раскатятся по всему небу, сверкнет пламенная молния и потрясется высокий Олимп.

Зевс и Ганимед. Художник Пенфесилея. Ок. 470 г. до н.э.

Не один Зевс хранит законы. У его трона стоит хранящая законы богиня Фемида. Она созывает, по повелению громовержца, собрания богов на светлом Олимпе и народные собрания на земле, наблюдая, чтобы не нарушались порядок и закон. На Олимпе и дочь Зевса богиня Дика, наблюдающая за правосудием. Строго карает Зевс неправедных судей, когда Дика доносит ему, что не блюдают они законов, данных Зевсом. Богиня Дика – защитница правды и враг обмана.

Хранит Зевс порядок и правду в мире и посылает людям счастье и горе. Хотя посылает он людям счастье и несчастье, но судьбу людей определяют неумолимые богини судьбы – мойры (парки), живущие на светлом Олимпе. Судьба самого Зевса в их руках. Властвует рок над смертными и над богами. Никому не уйти от велений неумолимого рока. Нет такой силы, такой власти, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и смертным. Лишь смиренно склониться можно пред роком и подчиниться ему. Одни мойры ведают веления рока. Прядет мойра Клото жизненную нить человека, определяя срок его жизни. Оборвется нить – и кончится жизнь. Мойра Лахезис вынимает, не глядя, жребий, который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах изменить определенной мойрами судьбы, так как третья мойра, Атропос, все, что назначили в жизни человеку ее сестры, заносит в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно. Неумолимы великие, суровые мойры.

Есть и еще на Олимпе богиня судьбы, это – богиня Тюха (Фортуна), богиня счастья и благоденствия. Из рога изобилия – рога божественной козы Амалфеи, молоком которой был вскормлен сам Зевс, – сыплет она дары людям, и счастлив тот человек, который встретит на своем жизненном пути богиню счастья Тюху, но как редко это бывает, и как несчастлив тот человек, от которого отвернется богиня Тюха, только что дававшая ему свои дары.

Так царит окруженный сонмом светлых богов на Олимпе великий царь людей и богов, Зевс, охраняя порядок и правду во всем мире. Непобедим великий громовержец, не страшны ему никакие враги.

Посейдон (Нептун) и божества моря

Глубоко в пучине моря стоит чудесный дворец великого брата громовержца Зевса, колебателя земли Посейдона. Властвует над морями Посейдон, и волны моря послушны малейшему движению десницы его, вооруженной грозным трезубцем. Там, в глубине моря, живет с Посейдоном и его прекрасная супруга Амфитрида, дочь морского вещего старца Нерея. Ее похитил у отца великий властитель морской глубины Посейдон. Он увидел однажды, как водила она хоровод со своими сестрами-нереидами на берегу острова Наксоса. Пленился бог моря прекрасной Амфитридой и хотел увести ее на своей колеснице. Но спаслась Амфитрида от преследовавшего ее бога и укрылась у титана Атласа, который держит на своих могучих плечах небесный свод. Долго не мог Посейдон найти прекрасную дочь Нерея. Наконец, открыл ему ее убежище дельфин; за эту услугу поместил Посейдон дельфина в число небесных созвездий. Похитил Посейдон у Атласа прекрасную дочь Нерея и сделал своей женой.

С тех пор живет Амфитрида с Посейдоном в подводном дворце. Высоко шумят над дворцом морские волны. Сонм морских божеств окружают Посейдона, послушные его воле. Среди них сын Посейдона Тритон, громовым звуком своей трубы из раковины вызывающий грозные бури. Среди божеств и прекрасные сестры Амфитриды, нереиды. Властвует Посейдон над морем. Когда он на своей колеснице, запряженной дивными конями, мчится по морю, тогда расступаются вечно шумящие волны и дают дорогу повелителю Посейдону. Равный красотой самому Зевсу, быстро несется он по безбрежному морю, а вокруг него играют дельфины, и рыбы выплывают из морской глубины и теснятся вокруг его колесницы. Когда же взмахнет Посейдон своим грозным трезубцем, тогда, словно горы, вздымаются морские волны, покрытые белыми гребнями пены, и бушует на море свирепая буря. Бьются тогда со стоголосьм шумом морские валы о прибрежные скалы и колеблют землю. Но простирает Посейдон свой трезубец над волнами, и они успокаиваются. Стихает буря, снова море спокойно, как зеркало, и чуть слышно плещется у берега – синее, беспредельное. Послушно море мановению владыки морей – Посейдона.

Посейдон – бог моря. Статуя II в. до н. э.

Много божеств окружает великого брата Зевса – Посейдона. Среди них вещий морской старец Нерей, ведающий все сокровенные тайны будущего. Чужды Нерею ложь и обман; только правду открывает он богам и смертным. Мудры советы, которые дает вещий старец. Пятьдесят прекрасных дочерей у Нерея. Весело плещутся юные nereиды в волнах моря, сверкая среди них своей божественной красотой. Взявшись за руки, вереницей выплывают они из морской пучины и водят хоровод на берегу под ласковый плеск тихо набегающих на берег волн спокойного моря. Повторяет тогда эхо прибрежных скал звуки их нежного пения, подобного тихому рокоту моря. Нереиды покровительствуют мореходу и дают ему счастливое плавание.

Среди божеств моря и старец Протей, меняющий по желанию свой образ и превращающийся в различных животных и чудовищ. Он тоже вещий бог, нужно только уметь застигнуть его неожиданно, овладеть им и заставить его открыть тайну будущего. В свите колебателя земли Посейдона и бог Главк, покровитель моряков и рыбаков, и он обладает даром прорицания. Часто, всплывая из глубины моря, открывал он будущее и давал полные мудрости советы смертным. Могучи боги моря, велика их власть, но властвует над всеми ими великий брат Зевса, Посейдон.

Все моря и все земли обтекает седой Океан – бог-титан, равный самому Зевсу по почету и славе. Он живет далеко на границах Мира, и не тревожат его сердце дела земли. Три тысячи сыновей – речных богов – и три тысячи дочерей, океанид, богинь ручьев и источников, – у Океана. Дают сыновья и дочери великого бога благоденствие и радость смертным своей вечнокатящейся живящей водой, они поят ею всю землю и все живое.

Царство мрачного Гадеса (Плутона)

Глубоко под землей царит неумолимый, мрачный брат Зевса, Гадес. Полно мрака и ужасов его царство. Никогда не проникают туда радостные лучи яркого солнца. Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в печальное царство Гадеса. Мрачные реки текут там. Там протекает все леденящая священная река Стикс, водами которой клянутся сами боги. Клубят там свои волны Коцит и Ахеронт, темные берега их оглашают своим стенанием, полным печали, души умерших. В подземном царстве струится и дающая забвение всего земного река Лета, там несется во тьме и пламенный Пирифлегонт. По мрачным полям царства Гадеса, заросшим бледными цветами асфodelа, носятся бесплотные легкие тени умерших. Сетуют они на свою безрадостную жизнь без света и без желаний. Тихо раздаются их стоны, едва уловимые, подобные шелесту увядших листьев, гонимых осенним ветром. Нет никому возврата из этого царства печали. Трехглавый адский пес Цербер, на шее которого движутся с грозным шипением змеи, сторожит выход. Не повезет обратно через мрачные воды Ахеронта в своем утлом челне и суровый перевозчик душ умерших, старый Харон. На вечное безрадостное существование обречены души умерших в мрачном царстве Гадеса.

В этом-то царстве, до которого не доходят ни свет, ни радость, ни печали земной жизни, правит брат Зевса Гадес. На золотом троне сидит он со своей женой Персефой (Прозерпиной). Служат ему неумолимые богини мщения Эринии. Грозные, с бичами и змеями, преследуют они преступника; не дают ему ни минуты покоя и терзают его угрызениями совести; нигде нельзя скрыться от них, всюду находят они свою жертву. У трона Гадеса сидят судьи царства умерших – Минос и Радаманф. Здесь же, у трона, ненавистный богам и людям бог смерти Танат с мечом в руках, в черном плаще, с громадными черными крыльями. Могильным холодом веют эти крылья, когда прилетает Танат к ложу умирающего, чтобы срезать своим мечом локон с его головы и исторгнуть душу. Рядом с Танатом и мрачные Керы. На крыльях своих носятся они, неистовые, по полю битвы. Ликуют Керы, видя, как один за другим падают сраженные герои; своими кроваво-красными губами припадают они к ранам, жадно пьют горячую кровь сраженных и вырывают из тела души.

Аид и Кора-Персефона на троне. Аид держит в руках цветы сельдерея, а Персефона – колосья пшеницы. Глиняный сосуд с рельефом из Локри Эпизефирии. Начало V в. до н.э.

Здесь же, у трона Гадеса, и прекрасный, юный бог сна Гипнос. Неслышно носится он на своих крыльях над землей с головками мака в руках и льет из рога снотворный напиток. Он нежно касается своим чудесным жезлом глаз людей, тихо смыкает веки и погружает смертных в сладкий сон. Могуч бог Гипнос, не могут противиться ему ни смертные, ни боги, ни даже сам громовержец Зевс, и ему смыкает грозные очи Гипнос и погружает его в глубокий сон.

Носятся в мрачном царстве Гадеса и боги сновидений. Есть среди них и боги, дающее вещие и радостные сновидения, но есть и боги страшных, гнетущих сновидений, пугающих и мучающих людей, боги тяжких кошмаров, от которых страдают смертные, которые грозят им горем и несчастьем. Есть и боги лживых снов: они вводят человека в заблуждение и часто ведут его к гибели.

Полно мрака и ужасов царство неумолимого Гадеса. Там бродит во тьме ужасное привидение Эмпуза с ослиными ногами, которая, заманив в ночной тьме хитростью людей в уединенное место, выпивает всю кровь и пожирает их еще трепещущее тело. Там бродит и чудовищная Ламия, она ночью пробирается в спальню счастливых матерей и крадет у них детей, чтобы напиться их крови. Над всеми привидениями и чудовищами властвует великая

богиня Геката. Три тела и три головы у нее. Она безлунной ночью блуждает в глубокой тьме по дорогам и у могил со всей своей ужасной свитой, окруженная стигийскими собаками. Она посылает ужасы и тяжкие сны на землю и губит людей. Гекату призывают, как помощницу, в колдовстве, но она же и единственная помощница против колдовства для тех, которые чтят ее и приносят ей в жертву собак на распутьях, где расходятся три дороги. Ужасно царство Гадеса и ненавистно оно людям.

Гера (Юнона)

Великая богиня Гера, жена эгидодержавного Зевса, покровительствует браку и блюдет святость и нерушимость брачных союзов. Она посылает супругам многочисленное потомство и благословляет мать во время рождения ребенка.

Великую богиню Геру, после того, как ее и ее братьев и сестер изверг из своих уст побежденный Зевсом Крон, мать ее Рея отнесла на край земли к седому Океану; там воспитала Геру Фетида. Долго жила вдали от Олимпа Гера в тиши и покое. Увидал ее великий громовержец Зевс, полюбил и похитил у Фетиды.

Гера. Около V в. до н.э.

Долго скрывал свой брак с Герой Зевс. Наконец, открыл он богам, кто его жена. Пышно справили боги свадьбу Зевса и Геры. В роскошные одежды облекли Геру Ирида и хариты, и сияла она своей юной, величественной красотой среди сонма богов Олимпа, сидя на золотом троне рядом с великим царем богов и людей, Зевсом. Все боги подносили дары повелительнице Гере, а богиня Земля-Гайя вырастила из лона своего в дар Гере дивную яблоню с золотыми плодами. Все в природе славilo царицу Геру и царя Зевса.

Царит Гера на высоком Олимпе. Повелевает она, как и муж ее Зевс, громами и молниями, по слову ее покрывают темные дождевые тучи небо, мановением руки подымает она грозные бури.

Прекрасна великая Гера, волоокая, лилейнорукая, из-под венца ее ниспадают волной дивные кудри, божественной мощью и спокойным величием горят ее очи. Чтят Геру боги,

читит ее и муж, тучегонитель Зевс, и часто советуется с ней. Но нередки и ссоры между Зевсом и Герой. Часто возражает Гера Зевсу и спорит с ним на советах богов. Гневается громовержец и грозит наказаниями жене своей. Умолкает тогда Гера и сдерживает гнев. Она помнит, как подверг ее Зевс бичеванию, как сковал золотыми цепями и повесил между землей и небом, привязав к ее ногам две тяжелые наковальни.

Часто бывает неправ громовержец Зевс пред женой своей. Часто нарушает он святость своего брака с Герой, забывая ее ради других богинь, нимф и даже смертных женщин. Чтобы отомстить Зевсу, преследует Гера тех, кого любит эгидодержавный муж ее, и даже навлекает на них гибель подобно тому, как навлекла она гибель на дочь Кадма – Семелу, мать бога Диониса. Но больше всего мук причинила гневная Гера прекрасной дочери речного бога Инаха, Ио.

Ио. Зевс полюбил прекрасную Ио и, чтобы скрыть ее от жены своей Геры, превратил в корову. Не спас этим громовержец Ио, Гера увидела белоснежную корову Ио и потребовала у Зевса, чтобы он ее подарил ей. Не мог отказать в этом Гере Зевс. Гера же, завладев Ио, отдала ее под охрану стоокому Аргусу. Страдала несчастная Ио, никому не могла поведать о своих страданиях, ведь лишена была она, обращенная в корову, дара речи. Стерег Ио не знающий сна Аргус, не могла скрыться от него Ио. Видел Зевс ее страдания. Он призвал своего сына Гермеса и велел ему похитить Ио.

Быстро примчался Гермес на вершину той горы, где стерег стоокий страж Ио. Он усыпил своими речами Аргуса. Лишь только сомкнулись его сто очей, как выхватил Гермес свой изогнутый меч и одним ударом отрубил Аргусу голову. Освобождена была Ио. Но не спас и этим Зевс Ио от гнева Геры. Послала она овода. Своим ужасным жалом гнал овод из страны в страну обезумевшую от мучений несчастную страдальицу Ио. Нигде не находила она себе покоя. В бешеном беге неслась она все дальше и дальше, а овод летел за ней, поминутно вонзая в тело ее свое жало; как раскаленное железо жгло жало овода. Где только ни пробегала Ио, в каких только странах ни побывала она. Наконец, после долгих скитаний достигла она в стране скифов, на Крайнем Севере, скалы, к которой прикован был титан Прометей. Он предсказал несчастной, что только в Египте избавится она от своих мук. Помчалась дальше гонимая оводом Ио. Много мук перенесла она, много видала опасностей, прежде чем достигла Египта. Там, на берегах благодатного Нила, вернул ей Зевс ее прежний образ, и родился у нее сын Эпаф. Он был первым царем Египта и родоначальником великого поколения героев, к которому принадлежал и величайший герой Греции Геракл.

Великим мукам подвергла Гера Ио, оскорбленная тем, что нарушил Зевс ради нее святость брака, и сам Зевс не мог охранить Ио от гнева жены.

Могущественна Гера, нет богини, равной ей по власти. Величественная в длинной, роскошной одежде, сотканной самой Афиной, в колеснице, запряженной двумя бессмертными конями, съезжает она с Олимпа. Вся из серебра колесница, из чистого золота колеса, а спицы их сверкают медью. Благоухание разливается по земле, где проезжает Гера. Все склоняются пред ней, великой царицей Олимпа.

Аполлон

Рождение Аполлона. На острове Делос родился бог света, златокудрый Аполлон. Мать его Латона, гонимая гневом богини Геры, нигде не могла найти себе приюта. Преследуемая посланным Герой драконом Пифоном, скиталась она по всему свету и наконец укрылась на Делосе, носившемся по волнам бурного моря. Лишь только вступила Латона на Делос, как из морской пучины поднялись громадные столбы и остановили этот пустынный остров. Он стал незыблемо на том самом месте, где стоит и до сих пор. Кругом Делоса, широко расстилаясь вокруг, шумело море. Уныло поднимались скалы Делоса, обнаженные, без малейшей растительности. Лишь чайки морские находили приют на этих скалах и оглашали их своим печальным криком. Но вот родился бог света Аполлон, и всюду разлились потоки яркого света. Как золотом, залили они скалы Делоса. Все кругом зацвело, засверкало: и прибрежные скалы, и гора Кинт, и долина, и море. Громко славили родившегося бога собравшиеся на Делос богини, поднося ему амброзию и нектар. Вся природа вокруг ликовала вместе с богинями.

Борьба Аполлона с Пифоном и основание Дельфийского оракула. Понесся юный, светозарный Аполлон по лазурному небу с кифарой в руках, с серебряным луком за плечами; громко звенели в его колчане золотые стрелы. Гордый, ликующий, неся Аполлон высоко над землей, грозя всему злему, всему порожденному мраком. Он стремился туда, где жил грозный Пифон, преследовавший его мать Латону; он хотел отомстить ему за все то зло, которое он причинил ей.

Змей Пифон преследует Латону и ее детей, Аполлона и Артемиду. Рисунок на античной вазе

Быстро достиг Аполлон мрачного ущелья, жилища Пифона. Кругом высились скалы, уходя высоко в небо. Мрак царил в ущелье. По дну его стремительно неся, седой от пены, горный поток, а над потоком клубились туманы. Выполз из своего логовища ужасный Пифон. Громадное тело его, покрытое чешуей, извивалось меж скал бесчисленными кольцами. Дрожали скалы и сдвигались с места. Яростный Пифон все предавал опустоше-

нию, смерть распространял он кругом. В ужасе бежали нимфы и все живое. Содрогались окрестные горы и доли от тяжести тела чудовища. Поднялся Пифон, могучий, яростный, раскрыл свою ужасную пасть и уже готов был поглотить златокудрого Аполлона. Тогда раздался звон тетивы серебряного лука, как искра, сверкнула в воздухе не знающая промаха золотая стрела, за ней другая, третья; дождем сыпались они на Пифона. Извиваясь, упал он бездыханным на землю. Громко зазвучала торжествующая победная песнь (пэан), и вторила ей золотая кифара златокудрого Аполлона, победителя Пифона. Зарыл Аполлон в землю тело Пифона там, где стоят священные Дельфы, и основал он в Дельфах святилище и оракул, чтобы прорицать в нем людям волю отца своего Зевса.

С высокого берега далеко в море увидал Аполлон корабль критских моряков. Под видом дельфина бросился он в синее море, настиг корабль и лучезарной звездой взлетел из морских волн на корму его. Привел Аполлон корабль к пристани города Крисы и через плодородную долину повел критских моряков, играя на золотой кифаре, в Дельфы. Он сделал их первыми жрецами своего святилища.

Аполлон-кифаред, или Мусагет. Вероятно, римская копия Аполлона Скопского. II в. н.э.

Аполлон у Адмета. Аполлон должен был очиститься от греха пролитой крови Пифона. Ведь и сам он очищает людей, совершивших убийство. Он удалился по решению Зевса в Фессалию к прекрасному и благородному царю Адмету. Там пас он стада царя и этой службой искупал свой грех. Когда играл Аполлон на пастбище на тростниковой флейте или на золотой кифаре, дикие звери выходили из лесной чащи, очарованные его игрой. Мирно ходили среди стад пантеры и свирепые львы. Олени и серны сбегались на звуки флейты. Мир и радость царили кругом. Благоденствие вселилось в дом Адмета; ни у кого не было таких плодов, его кони и стада были лучшими во всей Фессалии. Все это дал ему златокудлый бог. Аполлон помог получить Адмету и руку дочери царя Иолка Пелия, Алкестида. Отец ее обещал отдать ее в жены лишь тому, кто будет в силах запрячь в свою колесницу льва и медведя. Наделил тогда Аполлон своего любимца Адмета непобедимой силой, и он исполнил эту задачу Пелия. Восемь лет служил у Адмета Аполлон, а окончив срок своей искупляющей грех службы, вернулся в Дельфы.

Весну и лето живет Аполлон в Дельфах. Когда же наступает осень, вянут цветы и листья на деревьях желтеют, когда близко уже холодная зима, покрывающая снегом вершину Парнаса, тогда Аполлон на своей колеснице, запряженной белоснежными лебедями, уносится в не знающую зимы страну гипербореев, страну вечной весны. Там живет он всю зиму. Когда же вновь зазеленеет все в Дельфах, когда под живящим дыханием весны распустятся цветы и пестрым ковром покроют долину Крисы, возвращается на лебедях своих златокудлый Аполлон в Дельфы прорицать людям волю громовержца Зевса. Празднуют тогда в Дельфах возвращение бога-прорицателя Аполлона из страны гипербореев. Всю весну и лето живет он в Дельфах, посещает он и родину свою Делос, где у него тоже есть великолепное святилище.

Аполлон и музы. Весной и летом на склонах лесистого Геликона, там, где таинственно журчат священные воды источника Гиппокрены, на высоком Парнасе, и у чистых вод Кастальского родника водит он хороводы с девятью музами. Юные, прекрасные музы, дочери Зевса и Мнемосины, постоянные спутницы Аполлона. Он предводительствует хором муз и сопровождает их пение игрой на своей золотой кифаре. Величаво идет впереди хора муз Аполлон, увенчанный лавровым венком, а за ним следуют все девять муз: Каллиопа – муза эпической поэзии, Эвтерпа – муза лирики, Эрато – муза любовных песен, Мельпомена – муза трагедии, Талия – муза комедии, Терпсихора – муза танцев, Клио – муза истории, Урания – муза астрономии и Полигимния – муза священных гимнов. Торжественно гремит их хор, и вся природа, как зачарованная, внимает их божественному пению.

Когда же Аполлон в сопровождении муз появляется в сонме богов на светлом Олимпе, и раздаются звуки его кифары и пение муз, тогда замолкает все на Олимпе. Забывает Арес о шуме кровавых битв, не сверкает молния в руках тучегонителя Зевса, боги забывают раздоры, мир и тишина воцаряются на Олимпе. Даже орел Зевса опускает свои могучие крылья, он смежает свои зоркие очи, не слышно его грозного клекота, он тихо дремлет на жезле Зевса. В полной тиши торжественно звучат струны кифары Аполлона. Когда же Аполлон весело ударяет по золотым струнам кифары, тогда светлый сияющий хоровод движется в пиршественном зале богов. Музы, хариты, вечно юная Афродита, Арес с Гермесом – все участвуют в веселом хороводе, а впереди всех идет величественная, девственная сестра Аполлона, прекрасная Артемида. Залитые потоками золотого света, пляшут юные боги под звуки кифары Аполлона.

Дафна. Но светлый, радостный бог Аполлон знает и печаль, и его постигало горе. Он познал горе вскоре после победы над Пифоном. Когда Аполлон, гордый своей победой, стоял над сраженным его стрелами чудовищем, увидел он около себя юного бога любви Эрота, натягивающего свой золотой лук. Смеясь, сказал ему Аполлон:

– На что тебе, дитя, такое грозное оружие. Предоставь-ка лучше мне посылать разящие золотые стрелы, которыми сейчас убил я Пифона. Тебе ль равняться славой со мной, стреловержцем? Уж не хочешь ли ты достигнуть большей славы, чем я?

Обиженный Эрот гордо ответил Аполлону:

– Стрелы твои, Феб-Аполлон, не знают промаха, все разят они, но моя стрела поразит тебя.

Дж.Л. Бернини. Аполлон и Дафна. XVII в.

Взмахнул Эрот своими золотыми крыльями и в мгновение ока взлетел на высокий Парнас. Там вынул он из колчана две стрелы: одну, ранящую сердце и вызывающую любовь, – ею пронзил он сердце Аполлона, – другую же, убивающую любовь, – ее он пустил в сердце нимфы Дафны. Стала страшиться любви молодая нимфа. Часто спрашивал ее отец ее Пеней:

– Когда же приведешь ты ко мне своего жениха? Когда порадуешь мою старость внуками?

Но краска стыда заливала нежные ланиты нимфы. Как смерти, боялась она брака. Ласкаясь к отцу, отвечала Дафна:

– О позволь мне, отец, навсегда остаться девой, подобно великой Артемиде.

Встретил как-то прекрасную Дафну Аполлон и полюбил ее. Его пленили ясные, как звезды, очи нимфы, ее розовые уста, руки белые, как мрамор, и ее вьющиеся кудри. Но лишь только увидела Дафна златокудрого Аполлона, как с быстротою ветра пустилась бежать. Поспешил ей вослед сребролукий бог.

– Стой, прекрасная нимфа, – зывал Аполлон, – зачем бежишь ты от меня, словно овечка, преследуемая волком. Словно голубка, спасающаяся от орла, несешься ты. Ведь я же не враг твой, остановись, нимфа, ведь меня любовь заставляет преследовать тебя. Не беги так быстро, и я тогда тоже умерю свой бег. Смотри, ты поранила ноги об острые шипы терновника. О, погоди, остановись! Ведь Аполлон, сын громовержца Зевса, а не простой пастух, преследует тебя.

Но все быстрее бежала прекрасная Дафна. Как на крыльях мчится за ней Аполлон. Все ближе и ближе он. Вот сейчас настигнет. Дафна чувствует уже его дыхание. Силы оставляют ее. Взмолилась Дафна отцу своему Пенее:

– Отец Пеней, помоги мне! Расступись скорее, земля, и поглоти меня! О, отнимите у меня этот образ, он причиняет мне одно страдание!

Лишь только сказала она это, как тотчас онемели ее члены. Кора покрыла ее нежное тело, волосы обратились в листву, а руки, поднятые к небу, в ветви. С болью в сердце обнимал Аполлон обратившуюся в лавр Дафну. Он покрывал поцелуями ствол лавра и слышалось ему еще биение сердца Дафны под древесной корой. Долго печальный стоял Аполлон пред лавром и наконец промолвил:

– Пусть же венок лишь из твоей зелени украшает мою голову, пусть отныне украшаешь ты и мою кифару, и мой колчан. Пусть никогда не вянет, о, лавр, твоя зелень! Стой же вечно зеленым!

А лавр зашелестел в ответ Аполлону своими густыми ветвями и, как бы в знак согласия, склонил свою зеленую вершину.

Гиацинт. Аполлон и еще раз изведal горе. Любил далекоразый сын Латоны прекрасного юношу, сына лаконского царя Амика Гиацинта, равного самим небожителям своей красотой. Часто являлся Аполлон на берег быстрого Эвротa к своему любимцу. Там проводил он с ним время, охотясь в лесах и по склонам гор или занимаясь гимнастикой и играми, которые так любили греки. Однажды в жаркий полдень Аполлон и Гиацинт, сняв одежды и умастив свое тело, упражнялись в метании тяжелого диска. Аполлон первый бросил диск. Высоко, до облаков взлетал медный диск, брошенный могучей рукой бога, и, сверкая на солнце, падал обратно на землю. Юный Гиацинт побежал, чтобы поднять диск, когда он упадет на землю. Он хотел тоже бросить его и показать Аполлону, что и он обладает большой силой и ловкостью. Диск упал на землю, отскочил от удара и попал со страшной силой в голову подбежавшего Гиацинта. Алая кровь потоком хлынула из раны и окрасила темные кудри прекрасного юноши. Побледнел Гиацинт, пошатнулся и упал на руки подбежавшего Аполлона. Склонился златокудрый бог над своим любимцем. Он спешит остановить льющуюся из раны кровь, он старается согреть холодеющее тело Гиацинта, прикладывает к ране целебные травы. Но все напрасно. Склонилась бессильно голова прекрасного Гиацинта, как склоняется, увядая, сорванная лилия.

– О, ты умираешь во цвете юности, прекрасный Гиацинт! О горе! Своей рукой сразил я тебя! Если бы только я мог вместе с тобой сойти в царство теней, но не сулил мне этого рок. Я бессмертен и не могу последовать за тобой. Живи же вечно по крайней мере в моем сердце, возлюбленный юноша! – Так горько сетовал Аполлон, держа в своих объятиях умирающего Гиацинта.

Отлетела душа Гиацинта, умер он. Громко стелая, долго стоял над телом юноши Аполлон. Чтобы вечно жила память среди людей о прекрасном Гиацинте, по слову Аполлона, из

алой крови его любимца вырос кроваво-красный цветок – гиацинт, а на лепестках его запечатлен стон скорби бога Аполлона.

Марсий. Реконструкция группы поздних бронзовых скульптур Акрополя

Сыновья Алооя. Подобно простому смертному, изведal Аполлон печаль и горе, подобно смертному, и гневается он. Грозен дaleкoразящий Аполлон в своем гневе, и не знают тогда пощады его золотые стрелы. Многих поразили они. От них погибли и надменные сыновья Алооя, От и Эфиальт. Уже в раннем детстве славились они своим необычайно громадным ростом, своей силой и не знающей преград храбростью. Будучи еще юношами, стали грозить богам-олимпийцам От и Эфиальт:

– О, дайте нам только возмужать, дайте только достигнуть полной меры нашей сверхъестественной силы! Мы нагромодем тогда одну на другую горы: Олимп, Пелион и Оссу и взойдем по ним на небо. Мы похитим тогда у вас, олимпийцы, Геру и Артемиду!

Так, подобно титанам, грозили олимпийцам надменные сыновья Алооя. Они исполнили бы свою угрозу. Ведь сковали же они цепями грозного бога войны Ареса; целых тридцать месяцев томился он в медной темнице. Долго бы еще томился ненасытный бранью Арес в плену, если бы не похитил его, лишенного сил, быстрый Гермес. Могучи были От и Эфиальт. Не снес Аполлон их оскорбительных угроз. Натянул дaleкoразящий бог свой серебряный лук; словно искры пламени, сверкнули в воздухе его золотые стрелы, и пали пронзенные стрелами От и Эфиальт.

Марсий. Жестоко наказал Аполлон и фригийского сатира Марсия за то, что осмелился Марсий состязаться с ним в музыке. Не снес такой дерзости кифаред Аполлон. Однажды, блуждая по полям Фригии, нашел Марсий тростниковую флейту. Ее некогда бросила богиня Афина, заметив, что игра на изобретенной ею самой флейте обезображивает ее божественно-прекрасное лицо. Прокляла Афина свое изобретение и сказала:

– Пусть же жестоко будет наказан тот, кто подымет эту флейту!

Ничего не зная о том, что сказала Афина, Марсий поднял флейту и вскоре научился так хорошо играть на ней, что все заслушивались этой незатейливой музыкой. Возгордился Марсий и вызвал самого покровителя музыки, Аполлона, на состязание. Явился на вызов Аполлон в длинной пышной хламиде, в лавровом венке и с золотой кифарой в руках. Каким жалким казался пред величественным, прекрасным Аполлоном уродливый, грубый житель лесов и полей Марсий со своей жалкой тростниковой флейтой! Разве мог извлечь он из флейты такие дивные звуки, какие слетали с золотых струн кифары предводителя муз Аполлона! Победил Аполлон. Разгневанный дерзким вызовом, велел он повесить за руки несчастного Марсия и содрать с него с живого кожу. Так поплатился Марсий за свою дерзость. А кожу Марсия повесили в гроте у Келен во Фригии и рассказывали потом, что она двигается, словно танцует, когда долетают в грот звуки фригийской тростниковой флейты, и остается недвижимой, когда раздаются величавые звуки кифары.

Асклепий и Гигиия. Римская скульптура, мрамор, I в.

Асклепий (Эскулап). Но не только мстителем является Аполлон, не только гибель шлет он своими золотыми стрелами, он и врачует болезни. Сын же Аполлона Асклепий – бог врачей и врачебного искусства. Мудрый кентавр Хирон воспитал Асклепия на склонах Пелиона. Под его руководством Асклепий стал таким искусным врачом, что превзошел даже своего учителя Хирона. Асклепий не только исцелял все болезни, но даже умерших возвра-

щел к жизни. Этим прогневил он властителя царства умерших Гадеса и громовержца Зевса, так как нарушил закон и порядок, установленный Зевсом на земле. Разгневанный Зевс метнул свою блестящую молнию и поразил Асклепия. Но люди обожествили сына Аполлона как бога-целителя. Много святилищ воздвигли они ему, и среди них знаменитое святилище Асклепия в Эпидавре.

Ни одного из богов Греции не чтили так, как Аполлона. Всюду были его святилища. Чтили его греки, как бога света, бога, очищающего человека от скверны пролитой крови, как бога, прорицающего волю отца его, Зевса, бога карающего, насылающего болезни и целящего их. Его чтили юноши греков, как своего покровителя. Аполлон – покровитель мореходства, он помогает основанию новых колоний и городов. Художники, поэты, певцы и музыканты стоят под особым покровительством предводителя хора муз, Аполлона-кифареда. Аполлон равен самому Зевсу-громовержцу по тому поклонению, которое воздавали ему греки.

Афина-Паллада (Минерва)

Рождение Афины. Самим Зевсом рождена была богиня Афина-Паллада. Зевс-громовержец знал, что у богини разума, Метис, будет двое детей: дочь Афина и сын необычайного ума и силы. Мойры, богини судьбы, открыли Зевсу тайну, что сын богини Метис свергнет его с престола и отнимет у него власть над миром. Испугался великий Зевс. Чтобы избежать грозной судьбы, которую сулили ему мойры, он, усыпив богиню Метис ласковыми речами, проглотил ее, прежде чем родилась у нее дочь, богиня Афина. Через некоторое время почувствовал Зевс страшную головную боль. Тогда призвал он своего сына Гефеста и приказал разрубить себе голову, чтобы избавиться от невыносимой боли и шума в голове. Взмахнул Гефест топором, мощным ударом расколол череп Зевсу, и вышла на свет из головы громовержца могучая воительница, богиня Афина-Паллада. В полном вооружении, в блестящем шлеме, с копьем и щитом предстала она пред изумленными очами богов-олимпийцев. Грозно потрясла она своим сверкающим копьем. Воинственный клич ее раскатился далеко по небу, и до самого основания потрясся светлый Олимп. Прекрасная, величественная стояла она пред богами, равная могуществом самому Зевсу. Голубые глаза Афины горели божественной мудростью, вся она сияла дивной небесной, мощной красотой. Славил боги рожденную из головы отца-Зевса любимую дочь его, защитницу городов, богиню мудрости и знания, непобедимую воительницу, Афину-Палладу.

Рождение Афины: Гефест раскалывает голову Зевса. Чернофигурная керамика. VI–V вв. до н.э.

Славным героям Греции покровительствует Афина, дает им свои полные мудрости советы и помогает им, непоборимая, во время опасности. Она хранит города, крепости и их стены. Она дает мудрость и знание, учит людей искусствам и ремеслам. Чтут девствен-

ницу Афину, покой которой никогда не омрачают муки любви, и девушки Греции, так как она учит их рукоделию. Никто из смертных и богинь не может превзойти Афины в искусстве ткать. Знают все, как опасно состязаться с ней в этом, знают, как поплатилась Арахна, дочь Идмона, хотевшая быть выше самой Афины в этом искусстве.

Мраморная скульптура богини Афины из коллекции Фарнезе. Римская копия классического греческого оригинала работы Пироса (школа Фидия). Ок. V в. до н.э.

Арахна. На всю Лидию славилась Арахна своим искусством. Часто собирались нимфы со склонов Тмола и с берегов златоносного Пактола любоваться ее работой. Пряла Арахна из нитей, подобных туману, ткани, прозрачные, как воздух. Гордилась Арахна, что нет ей равной в искусстве. Однажды высокомерно воскликнула она:

– Пусть приходит сама Афина-Паллада состязаться со мной! Не победить ей меня; не боюсь я этого!

И вот под видом седой, сгорбленной старухи, опершейся на посох, предстала перед Арахной богиня Афина и сказала ей:

– Не одно зло несет с собой, Арахна, старость; годы несут с собой опыт. Послушайся моего совета: стремись превзойти лишь смертных своим искусством. Не вызывай богиню

на состязание! Смиренно моли ее простить тебя за надменные слова. Молящих прощает богиня!

Выпустила Арахна из рук тонкую пряжу; гневом сверкнули ее очи. Ослепленная гордостью, ответила она полными надменности словами:

– Ты неразумна, старуха! Старость лишила тебя разума. Читай такие наставления твоим невесткам и дочерям, меня же оставь в покое. Я сумею и сама дать себе совет! Что я сказала, то пусть и будет! Что ж не идет Афина, отчего не хочет она состязаться со мной?

– Я здесь, Арахна! – воскликнула богиня, приняв свой настоящий образ.

Нимфы и лидийские женщины низко склонились перед любимой дочерью Зевса и славили ее. Молчала одна лишь Арахна. Подобно тому, как пурпуром загорается ранним утром небосклон, когда взлетает на небо на своих сверкающих крыльях розоперстая Заря-Эос, так зарделось краской гнева лицо Арахны. Стоит она на своем решении и страстно желает состязаться с Афиной. Не предчувствует она, что грозит ей скорая гибель.

Началось состязание. Великая богиня Афина выткала на своем покрывале посередине величественный Афинский Акрополь, а на нем изобразила свой спор с Посейдоном за власть над Аттикой. Двенадцать светлых богов Олимпа и среди них отец ее, Зевс-громовержец, сидят как судьи в этом споре. Поднял колебатель земли Посейдон свой трезубец, ударил им в скалу, и хлынул соленый источник из бесплодной скалы. А Афина, в шлеме, со щитом и в эгиде, потрясла своим копьем и глубоко вонзила его в землю. Из земли выросла священная олива. Присудили боги Афине победу за ее прекрасный дар Аттике. По углам изобразила богиня, как карают боги людей за гордыню, а вокруг выткала венок из листьев оливы. Арахна же изобразила на своем покрывале много сцен из жизни богов, в которых боги являются слабыми, одержимыми человеческими страстями. Здесь была Леда рядом с Зевсом, явившимся к ней в образе лебедя; Даная, в подземный чертог которой тайно проник громовержец под видом золотого дождя; Зевс, похищающий под видом быка прекрасную Европу; дальше прекрасная Ио, и много других сцен. Кругом же выткала Арахна венок из цветов, перевитых плющом. Верхом совершенства была работа Арахны, она не уступала по красоте работе Афины, но в изображениях ее видно было неуважение к богам, даже презрение. Страшно разгневалась Афина, она разорвала работу Арахны и ударила ее челноком. Несчастливая Арахна не перенесла этого позора; она свила веревку, сделала петлю и повесилась. Афина из сострадания освободила из петли Арахну и сказала ей:

– Живи, надменная! Но ты будешь вечно висеть, и вечно будет длиться это наказание и в твоём потомстве.

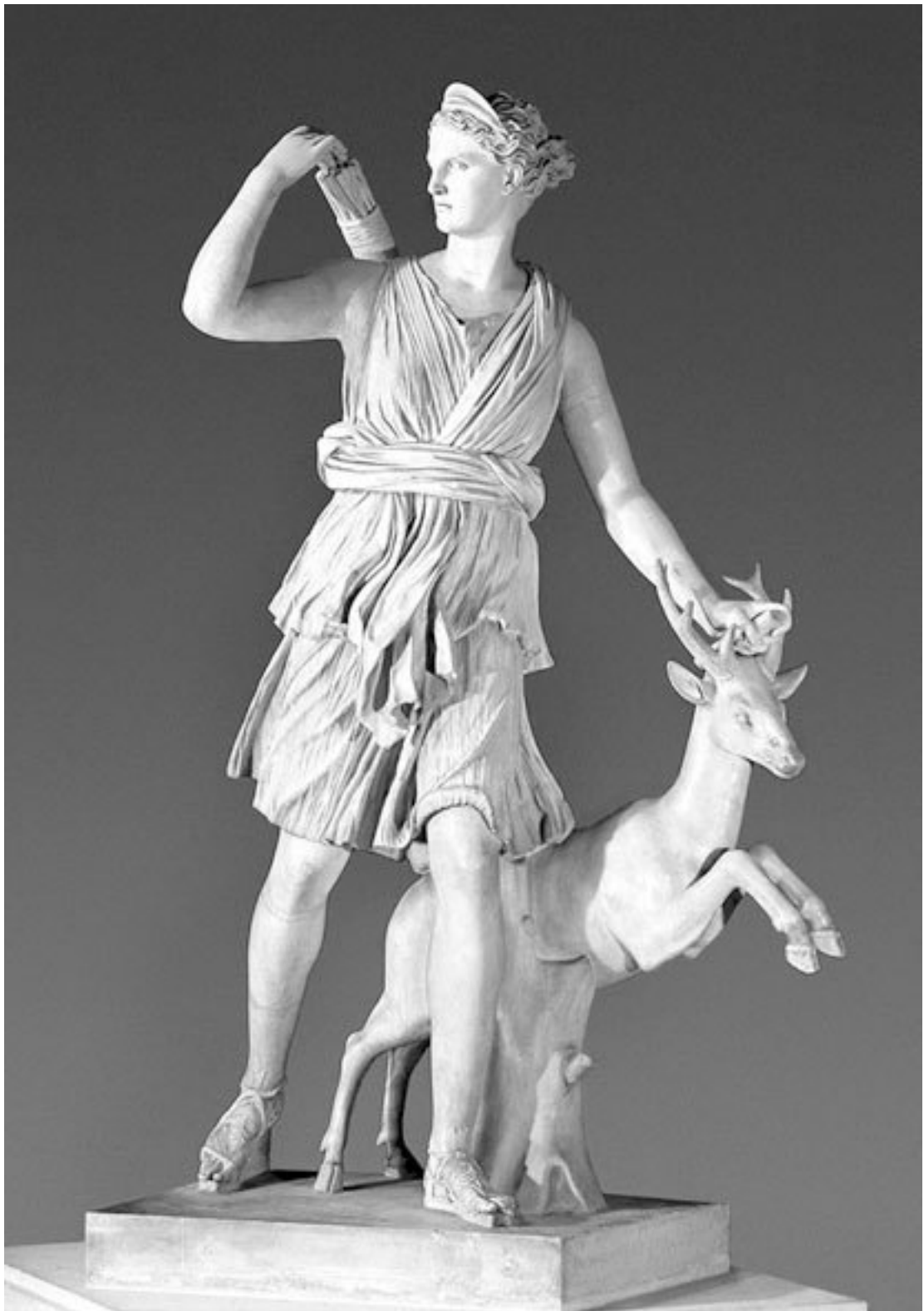
Окропила Афина Арахну соком волшебной травы, тотчас тело ее сжалось, густые волосы упали с головы, и обратилась она в паука. Висит паук-Арахна в своей паутине и ткёт ее, как ткала при жизни.

Артемида (Диана)

Вечно юная, прекрасная богиня Артемида родилась на Делосе в одно время с братом своим златокудрым Аполлоном. Они близнецы. Самая искренняя любовь, самая тесная дружба соединяют брата и сестру. Глубоко любят они и мать свою Латону, и горе тому, кто осмелится оскорбить ее или умалить ее достоинство; без жалости сразят того своими золотыми стрелами Аполлон и Артемида. Всему дает жизнь Артемида. Она заботится обо всем, что живет на земле и растет в лесу и в поле. Заботится она о диких зверях, о стадах домашнего скота и о людях. Она вызывает рост трав, цветов и деревьев, она благословляет рождение, свадьбу и брак. Богатые жертвы приносят греческие женщины славной дочери Зевса Артемиде, благословляющей и дающей счастье в браке, целящей и насылающей болезни.

Вечно юная, прекрасная, как ясный день, богиня Артемида, с луком и колчаном за плечами, с копьем охотника в руках, весело охотится в тенистых лесах и залитых солнцем полях. Шумная толпа нимф сопровождает ее, а она, величественная, в короткой одежде охотницы, доходящей лишь до колен, быстро несется по лесистым склонам гор. Не спастись от ее не знающих промаха стрел ни пугливому оленю, ни робкой лани, ни разъяренному кабану, скрывающемуся в зарослях камыша. За Артемидой спешат ее спутницы – нимфы. Веселый смех, крики, лай своры собак далеко раздаются по горам, и отвечает им громко горное эхо. Когда же утомится богиня на охоте, то спешит с нимфами в священные Дельфы, к возлюбленному брату, стреловержцу Аполлону. Там отдыхает она. Под божественные звуки золотой кифары Аполлона водит она хороводы с музами и нимфами. Впереди всех идет девственная Артемида в хороводе, стройная, прекрасная, она выше всех нимф и муз на целую голову.

Любит отдыхать Артемида и в дышащих прохладой, увитых зеленью гротах, вдали от взоров смертных. Неминуемая гибель грозит тому, кто увидит богиню-девственницу, когда она погружает свое юное тело, разгоряченное охотой, в прозрачные воды реки. Так погиб и юный Актеон, сын Автонои, дочери фиванского царя Кадма.

Артемида. Римская мраморная копия с оригинала 325—300 гг. до н.э.

Актеон. Со своими товарищами охотился Актеон в лесах Киферона. Настал жаркий полдень. Утомленные охотники расположились на отдых в тени густого леса, а юный Актеон, отделившись от них, пошел искать прохлады в долинах Киферона. Вышел он на зеленую, цветущую долину Гаргафию, посвященную богине Артемиде. Пышно разрослись в долине платаны, мирты и пихты, как темные стрелы, высились на ней стройные кипа-

рисы, а зеленая трава пестрела цветами. Прозрачный ручей журчал в долине. Всюду царили тишина, покой и прохлада. В крутом склоне горы увидел Актеон прелестный грот, как бы созданный для отдыха, весь обвитый зеленью. Актеон пошел к этому гроту, не зная, что он часто служит местом отдыха дочери Зевса, девственной Артемиде. Когда он подошел к гроту, туда только что вошла Артемидеа. Она отдала лук и стрелы одной из нимф и готовилась к купанию. Нимфы сняли с богини сандалии и ее одежду, волосы искусно завязали узлом, и уже хотели, зачерпнув воды в ручье, освежить студеной водой разгоряченное тело прекрасной богини, как у входа в грот показался Актеон. Громко вскрикнули нимфы, увидав входящего Актеона. Толпой окружили они Артемиду, чтобы не упал взор смертного на обнаженное тело богини-девственницы. Своими нагими телами спешили нимфы закрыть богиню, но выше всех была дочь Зевса и Латоны; не скрыли ее тела юные нимфы от взора смертного. Как очарованный, стоял Актеон, пораженный божественной красотой Артемиды. Подобно тому, как пурпурным огнем зажигают облака лучи восходящего солнца, так зарделись краской стыда нежные ланиты богини, гневом сверкнули ее очи, и еще прекраснее стала она в своем гневе. Чтобы не мог Актеон рассказать кому-нибудь из смертных, что видел нагой Артемиду, она, окропив его водой, превратила в прекрасного, стройного оленя. Ветвистые рога выросли на голове Актеона. Ноги и руки обратились в ноги оленя. Вытянулась его шея, заострились уши, пятнистая шерсть покрыла все тело. Пугливый олень обратился в поспешное бегство. Увидел Актеон свое отражение в ручье. Он хочет воскликнуть: «О, горе!» – но лишился дара речи. Слезы покатались у него из глаз, – из глаз оленя. Лишь разум человека сохранился у него. Что делать ему? Куда бежать?

Собаки Актеона почуяли след оленя; не узнали они своего хозяина и с яростным лаем бросились за ним. Через долины, по ущельям Киферона, по стремнинам гор, через леса и поля, как ветер, неся прекрасный олень, закинув голову с ветвистыми рогами, а за ним мчались собаки, преследуя его по пятам. Все ближе и ближе собаки, вот они настигли оленя, и их острые зубы впились в тело несчастного Актеона-оленя. Хочет крикнуть Актеон: «О, пощадите! Ведь это я, Актеон, ваш хозяин!» – но только стон вырывается из груди оленя, и слышится в этом стоне звук голоса человека. Упал на колени олень-Актеон. Скорбь, ужас и мольба видны в его глазах. Неизбежна гибель, – рвут его тело на части рассвирепевшие псы. Подоспевшие товарищи Актеона жалели, что нет его с ними при таком счастливом лове. Дивного оленя затравили собаки. Не знали товарищи Актеона, кто этот олень. Так погиб Актеон, единственный из смертных, видевший обнаженной великую богиню Артемиду, девственную дочь громовержца Зевса и Латоны.

Гермес (Меркурий)

В гроте горы Киллены в Аркадии родился сын Зевса и Майи, бог Гермес, посланник богов. Быстрее ветра переносится он с Олимпа на самый дальний край света в своих крылатых сандалиях, с жезлом-кадуцеем в руках. Гермес охраняет пути, и посвященные ему гермы можно было видеть поставленными при дороге, на перекрестках и у входов в дома всюду в Древней Греции. Он покровительствует путникам в путешествиях при жизни, он же ведет души умерших в их последний путь – в печальное царство Гадеса. Своим волшебным жезлом-кадуцеем смыкает он глаза людей и погружает их в сон. Гермес – бог-покровитель путей и путников и бог торговых сношений и торговли. Он дает в торговле барыш и посылает людям богатство. Гермес изобрел и меры, и числа, и азбуку, он обучил всему этому людей. Он же и бог красноречия и вместе с тем изворотливости и обмана. Никто не может превзойти его в ловкости, хитрости и даже в воровстве, так как он необычайно ловкий вор. Это он украл однажды в шутку у Зевса его скипетр, у Посейдона – трезубец, у Аполлона – золотые стрелы и лук, а у Ареса – меч.

Отдыхающий Гермес. Вторая половина IV в. до н.э. Римская бронзовая копия

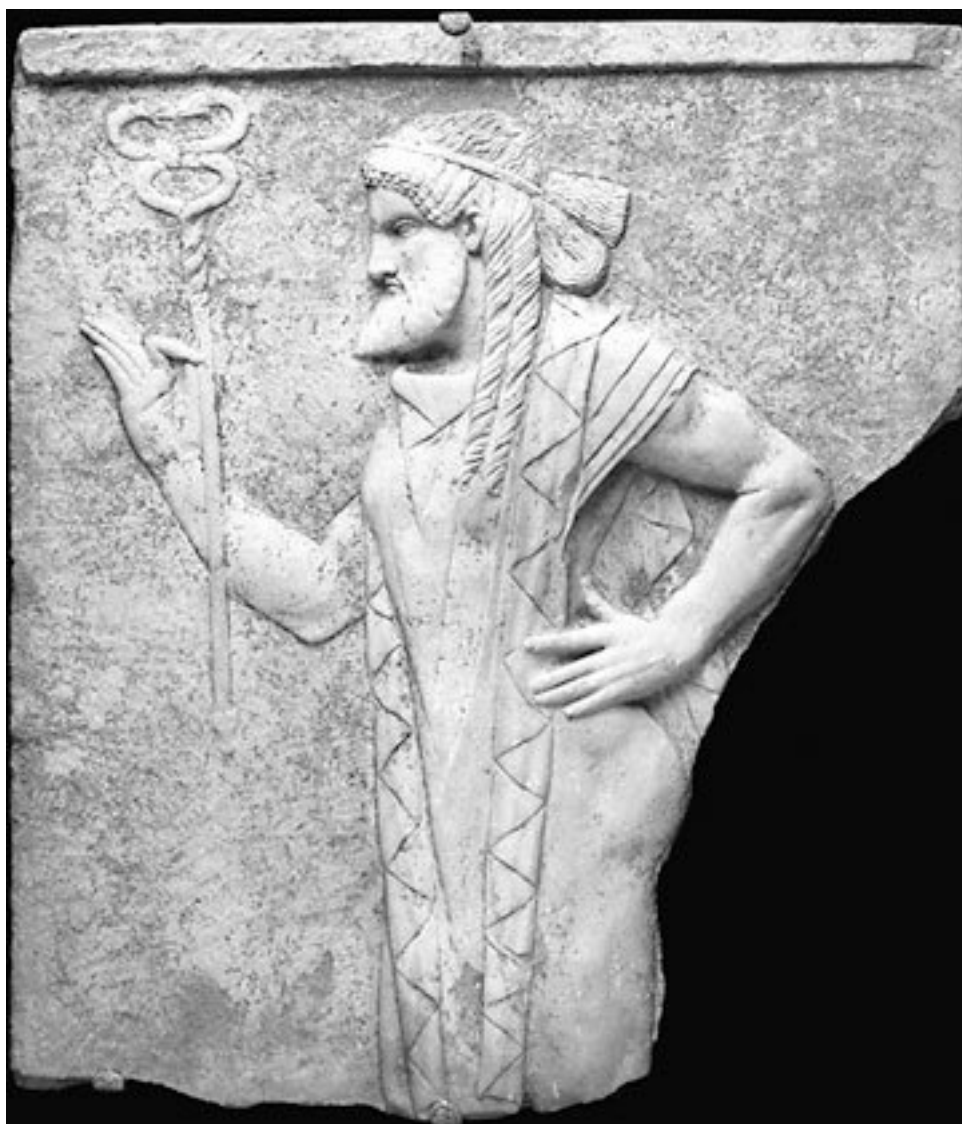
Гермес похищает коров Аполлона. Едва родился Гермес в прохладном гроте Киллены, как он уже замыслил первую свою проделку. Он решил похитить коров у серебрукого Аполлона, который пас в это время стада богов в Пиерии в Македонии. Тихонько, чтобы не заметила мать, выбрался Гермес из пеленок, выпрыгнул из колыбели и прокрался к выходу из грота. У самого грота увидал он черепаху, поймал ее, – из щита черепахи и трех веток сделал первую лиру, натянув на нее сладкозвучные струны. Тайком вернулся Гермес в грот, спрятал лиру в своей колыбели, а сам опять ушел и быстро, как ветер, понесся в Пиерию. Там он похитил из стада Аполлона пятнадцать коров, привязал к их ногам тростник и ветки, чтобы замести след, и быстро погнал коров по направлению к Пелопоннесу. Когда Гермес уже поздно вечером гнал коров через Беотию, он встретил старика, работавшего в своем винограднике.

– Возьми себе одну из этих коров, – сказал ему Гермес, – только никому не рассказывай, что видел, как я прогнал здесь коров.

Старик, обрадованный щедрым подарком, дал слово Гермесу молчать и не показывать никому, куда тот погнал коров. Гермес пошел дальше. Но он отошел еще недалеко, как ему захотелось испытать старика, – сдержит ли он данное слово. Спрятав коров в лесу и изменив свой вид, вернулся он назад и спросил старика:

– Скажи-ка, не прогнал ли тут мальчик коров? Если ты мне укажешь, куда он их прогнал, я дам тебе быка и корову.

Недолго колебался старик: сказать или нет, очень уж хотелось ему получить еще быка и корову, и он показал Гермесу, куда угнал мальчик коров. Страшно рассердился Гермес на старика за то, что он не сдержал слова, и превратил его в немую скалу, чтобы вечно молчал он и помнил бы, что надо держать данное слово. После этого вернулся Гермес за коровами и быстро погнал их дальше. Наконец, пригнал он их в Пилос. Двух коров принес он в жертву богам, потом уничтожил все следы жертвоприношения, а оставшихся коров спрятал в пещере, введя их в нее задом, чтобы следы коров вели не в пещеру, а из нее. Сделав все это, Гермес спокойно вернулся в грот к матери своей Майе и лег потихоньку в колыбель, завернувшись в пеленки. Но Майя заметила отсутствие своего сына. С упреком сказала она ему:

Мраморный рельеф с изображением Гермеса. 27 г. до н.э. – 68 г. н.э.

– Плохое замыслил ты дело! Зачем похитил ты коров Аполлона? Разгневался он. Ведь ты знаешь, как грозен в гневе своем Аполлон. Разве ты не боишься его разящих без промаха стрел?

– Не боюсь я Аполлона, – ответил матери Гермес, – пусть себе гневается. Если он вздумает обидеть тебя или меня, то я в отместку разграблю все его святилище в Дельфах, украду все его треножники, золото, серебро и одежды.

А Аполлон уже заметил пропажу коров и пустился их разыскивать. Нигде не мог он их найти. Наконец, вещая птица привела его в Пилос, но и там не нашел своих коров златокудрый Аполлон. В пещеру же, где были спрятаны коровы, он не вошел, – ведь следы вели не в пещеру, а из нее. Наконец, после долгих бесплодных поисков, пришел он к гроту Майи. Заслышав приближение Аполлона, Гермес еще глубже забрался в свою колыбель и плотнее завернулся в пеленки. Разгневанный Аполлон вошел в грот Майи и увидел, что Гермес с невинным лицом лежит в своей колыбели. Он начал упрекать Гермеса за кражу коров, требовал, чтобы он вернул ему их, но Гермес от всего отрекался. Он уверял Аполлона, что и не думал красть у него коров и совершенно не знает, где они.

– Послушай, мальчик! – воскликнул в гневе Аполлон, – я свергну тебя в мрачный Тартар и не спасут тебя ни отец, ни мать, если ты не вернешь мне моих коров.

– О, сын Латоны! – ответил Гермес, – не видал я, не знаю, и от других не слыхал о твоих коровах. Разве этим я занят – другое теперь у меня дело, другие заботы. Я забочусь лишь о сне, молоке матери да моих пеленках. Нет, клянусь, я даже не видал вора твоих коров!

Как ни сердился Аполлон, он ничего не мог добиться от хитрого, изворотливого Гермеса. Наконец, златокудрый бог вытащил из колыбели Гермеса и заставил его идти в пеленках к отцу их Зевсу, чтобы тот решил их спор. Пришли оба бога на Олимп. Как ни изворачивался Гермес, как ни хитрил, как ни ссылался на свое малолетство, все же Зевс велел ему отдать Аполлону похищенных коров. С Олимпа повел Гермес Аполлона в Пилос, захватив по дороге сделанную им из щита черепахи лиру. В Пилосе он показал, где спрятаны коровы. Пока Аполлон выгонял коров из пещеры, Гермес сел около нее на камне и заиграл на лире. Дивные звуки огласили долину и песчаный берег моря. С восторгом слушал игру Гермеса изумленный Аполлон. Отдал он Гермесу за его лиру похищенных коров, – так пленили его ее звуки. А Гермес, чтобы забавляться, когда будет пасти коров, изобрел себе свирель, столь любимую пастухами Греции.

Изворотливый, ловкий, носящийся быстро, как мысль, по свету, прекрасный сын Майи и Зевса, Гермес, уже в раннем детстве своем доказавший свою хитрость и ловкость, служил олицетворением юношеской силы. Всюду в палестрах стояли его статуи. Он бог молодых атлетов. Его призывали они пред борьбой и состязаниями в быстром беге. Кто только не читил Гермеса в Древней Греции: и путник, и оратор, и купец, и атлет, и даже воры.

Арес (Марс), Афродита (Венера), Эрот (Амур, или Купидон) и Гименей

Арес (Марс). Бог войны неистовый Арес – сын громовержца Зевса и Геры. Не любит его Зевс. Часто говорит он своему сыну, что он самый ненавистный ему среди богов Олимпа. Зевс не любит сына за его кровожадность. Не будь Арес его сыном, он давно низверг бы его в мрачный Тартар, туда, где томятся титаны. Радуют сердце свирепого Ареса только жестокие битвы, когда кровь льется потоками из ран убитых и раненых воинов, обогривая кругом землю, когда падают один за другим сраженные насмерть герои. Неистовый, носится он в сверкающем вооружении, с громадным щитом среди грохота оружия, криков и стонов битвы, между сражающимися. Следом за ним несутся его сыновья, Деймос и Фобос – ужас и страх, а рядом с ними богиня раздора Эрида и сеющая убийства богиня Энью. Кипит, грохочет битва; ликует забрызганный кровью Арес; со стоном падают воины. Торжествует Арес, когда сразит он своим ужасным мечом воина и хлынет на землю горячая кровь. Без разбора разит он и направо и налево; груды тел вокруг жестокого бога. Свиреп, неистов, грозен Арес, но не всегда сопутствует ему победа. Часто приходится Аресу уступать на поле битвы воинственной дочери Зевса – Афине-Палладе. Мудростью и спокойным сознанием силы побеждает она Ареса. Нередко и смертные герои одерживают верх над Аресом, особенно если им помогает светлоокая Афина-Паллада. Так поразил Ареса медным копьем герой Диомед под стенами Трои. Сама Афина направила удар. Далеко разнесся по войску троянцев и греков ужасный крик раненого бога. Словно десять тысяч воинов вскрикнули сразу, вступая в яростную битву, так закричал от боли покрытый медными доспехами Арес. Вздогнули в ужасе греки и троянцы, а неистовый Арес понесся, окутанный мрачным облаком, покрытый кровью, с жалобами на Афину к отцу своему Зевсу. Но не внял ему отец Зевс. Не любит он своего сына, которому приятны лишь распри, битвы да убийства.

Отдыхающий Арес. Статуя IV в. до н. э.

Если даже жена Ареса, прекраснейшая из богинь Афродита, приходит на помощь своему мужу, когда он в пылу битвы встретится с Афиной, и тогда выходит победительницей любимая дочь громовержца Зевса. Одним ударом повергает на землю прекрасную богиню любви Афродиту воительница Афина. Со слезами возносится на Олимп вечно юная, дивно прекрасная Афродита, а вслед ей раздается торжествующий смех и несутся насмешки Афины.

Афродита (Венера). Не изнеженной, ветреной богине Афродите вмешиваться в кровавые битвы. Ее царство – царство любви. Она будит в сердцах богов и смертных любовь. Благодаря власти, власти любви, она царит над всем миром. Девушкам дает она красоту и юность и благословляет их счастливым браком, в сердцах юношей ярким пламенем зажигает любовь и дает им счастье и радость. Никто не может избежать ее власти – даже боги. Только воительница-Афина, Гестия и девственная Артемида не подчинены ее могуществу. В одном поясе Афродиты заключено столько чар любви, что даже великая Гера часто просит Афродиту дать ей на время этот пояс, чтобы сильнее пленить Зевса. Прекрасна Афродита, прекрасней всех богинь. Дивным светом любви горят ее очи, глубокие, как море, из которого она вышла. Тело ее бело и нежно, как морская пена, родившая ее. Высокая, стройная, с нежными чертами лица, с мягкой волной золотых волос, как венец, лежащих на ее невыразимо прекрасной голове, вся олицетворение божественной красоты и неувядаемой юности сияет среди богинь Олимпа Афродита. Когда идет она, сияя своей красотой, в блестящих одеждах, тогда ярче светит солнце, пышнее цветут цветы. Дикие лесные звери бегут к ней из чащи леса, к ней стаями слетаются птицы, когда она идет по лесу. Львы, пантеры, барсы и медведи кротко ласкаются к ней, и они подчинены власти богини любви. Спокойно идет среди диких зверей Афродита, гордая своей лучезарной красотой. Ее спутницы оры и хариты, богини красоты и грации, прислуживают ей. Они одевают богиню в роскошные одежды, умащают благовониями ее нежное тело, причесывают ее золотые волосы, венчают ее голову сверкающей диадемой.

Около острова Киферы родилась Афродита из белоснежной пены морских волн. Легкий, ласкающий ветерок принес ее на остров Кипр. Там окружили юные горы вышедшую из морских волн богиню любви. Они облекли ее в золототканную одежду и увенчали венком из благоухающих цветов. Где только ни ступала Афродита, там пышно разрастались цветы. Весь воздух полон был благоуханием. Эрот и Гимерот повели дивную богиню на Олимп. Громко приветствовали ее боги, пораженные ее красотой. С тех пор всегда живет среди богов Олимпа золотая Афродита, вечно юная, прекраснейшая из богинь.

Пигмалион. Афродита дарит счастье тому, кто верно служит ей, как дала она счастье и Пигмалиону, великому кипрскому художнику. Пигмалион ненавидел женщин и жил уединенно, избегая брака. Однажды сделал он из блестящей белой слоновой кости статую девушки необычайной красоты. Как живая, стояла эта статуя в мастерской художника. Казалось, что она дышит; казалось, что вот она двинется, пойдет и заговорит. Целыми часами любовался художник своим произведением и полюбил наконец созданную им самим статую. Пигмалион обнимал ее, он целовал ее холодные, жесткие уста, разговаривал с ней, как с живой, называя самыми нежными именами. Он дарил статуе драгоценные ожерелья, запястья и серьги, одевал ее в роскошные одежды, украшал голову венками из цветов и сделал ей ложе из сидонского пурпура. Как часто шептал Пигмалион:

Венера Милосская. Паросский мрамор, высота 2,02 м. Ок. 130—100 гг. до н.э. Найдена на греческом острове Милосе в 1820 г.

— О, если бы ты была живая, если бы могла отвечать на мои ласки, на мои речи, о как был бы я счастлив!

Но статуя была нема.

Наступили дни празднеств в честь Афродиты. Пигмалион принес богине любви в жертву белую телку с вызолоченными рогами; он простер к богине руки и в обращенной к богине пламенной молитве прошептал:

— О, вечные боги, и ты, золотая Афродита! Если вы можете дать все молящему, то дайте мне жену столь же прекрасную, как статуя той девушки, которую я сделал.

Пигмалион не решился просить богов оживить его статую, он боялся прогневить такой просьбой богов-олимпийцев. Ярko вспыхнуло жертвенное пламя пред изображением богини любви Афродиты, этим богиня как бы давала понять Пигмалиону, что боги услышали его мольбу.

Вернулся художник домой. Он подошел к статуе, обнял ее и приник к ее холодным устам. Вдруг показалось Пигмалиону, что губы статуи стали теплыми, что тело ее как будто дрогнуло и стало мягким, как воск с вершин Гимета, согретый лучами солнца. Пигмалион

не верит этому чуду. Он трогает дрожащими руками тело статуи, смотрит ей в лицо полными надежды глазами. О, счастье, о, радость! Статуя ожила. Бьется ее сердце, в ее глазах светится жизнь. Славя великую богиню любви Афродиту и полный благодарности ей за то счастье, которое она ему послала, Пигмалион в восторге обнял прекрасную девушку, спустившуюся к нему с пьедестала. Он осыпал ее поцелуями. Зарделась она от девичьего стыда, и глазами, полными любви, взглянула на художника. Богиня наградила Пигмалиона за его любовь.

Нарцисс. Но кто не чтит златую Афродиту, кто отвергает дары ее, кто противится ее власти, того немилосердно карает богиня любви. Так покарала она сына речного бога Кефиса и нимфы Лаврионы, прекрасного, но холодного, гордого Нарцисса. Всеми, кто хоть раз видел красивого юношу, овладевала любовь к нему, так был он прекрасен. Однажды, когда он заблудился в густом лесу во время охоты, увидала его нимфа Эхо. Не могла нимфа сама заговорить с Нарциссом. На ней тяготело наказание богини Геры: молчать должна была нимфа Эхо и отвечать лишь на вопросы, повторяя только их последние слова. С восторгом смотрела Эхо на стройного красавца-юношу, скрытая от него лесной чащей. Нарцисс огляделся кругом, не зная куда ему идти, и громко крикнул:

– Эй, кто здесь!

– Кто здесь? – раздался громкий ответ Эхо.

– Иди сюда! – крикнул Нарцисс.

– Сюда! – ответила Эхо.

С изумлением смотрит прекрасный Нарцисс по сторонам. Никого нет. Удивленный этим, он громко воскликнул:

– Сюда, скорей ко мне!

И радостно откликнулась Эхо:

– Скорей ко мне!

Протягивая руки, спешит к Нарциссу нимфа из леса, но гневно оттолкнул ее прекрасный юноша, гордо промолвив:

– Опусты скорей твои руки, лучше умру я, чем всегда быть с тобой.

Ушел он поспешно от нимфы и скрылся в темном лесу. Печально прозвучали вослед ему полные грусти слова – «быть с тобой!» Спряталась в лесной непроходимой чаще отвергнутая нимфа. Страдает она от любви к Нарциссу, никому не показывается и только печально отзывается на всякий возглас несчастная Эхо.

Рождение Афродиты из моря. Афродита в окружении двух нимф. Мрамор, центральная панель трона Людовизи. Ок. 465 г. до н.э.

А Нарцисс остался по-прежнему гордым и холодным. Он отвергал любовь всех. Многих нимф сделала несчастными его гордость. И раз воскликнула одна из отвергнутых им нимф:

– Полюби же и ты, Нарцисс! И пусть никогда не отвечает тебе взаимностью та, которую ты полюбишь!

Исполнилось пожелание нимфы. Разгневалась богиня любви Афродита на то, что Нарцисс отвергает ее дары, и наказала его. Однажды во время охоты Нарцисс подошел к ручью и захотел напиться студеной воды. Еще ни разу не касались вод ручья ни пастух, ни горные козы, даже сломанная ветка не падала в ручей. Вода его была чиста и прозрачна. Как в зеркале отражалось в ней все вокруг: и кусты, и стройные кипарисы, и цветы, что росли на берегу, и голубое небо. Нагнулся Нарцисс к ручью, опершись руками на камень, выступавший из воды, и отразился в ручье весь, во всей своей красе. Тут-то постигла его кара Афродиты. В изумлении смотрит он на свое отражение в воде, и страстная любовь овладевает им к собственному отражению. Полными любви глазами смотрит он на дивного юношу в воде, он манит его, зовет, простирает к нему руки. Наклоняется Нарцисс к зеркалу воды, чтобы поцеловать юношу, но целует только студеною, прозрачную воду ручья. Все забыл Нарцисс; он не уходит от ручья, не отрываясь любитесь своим отражением. Он не ест, не пьет, не спит. Наконец, полный отчаяния, восклицает Нарцисс:

– О, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а только немного воды, и все же не можем мы быть с тобою вместе. Выйди же из ручья, прекрасный юноша! Я вижу, и ты простираешь ко мне твои руки, когда я простираю к тебе свои. Когда я нагибаюсь к воде, чтобы поцеловать тебя, и ты стремишься весь ко мне, и твои уста ждут тоже поцелуя. Когда я улыбаюсь, и ты улыбаешься мне. А когда я в горе лью слезы, плачешь и ты, слезы дрожат и на твоих прекрасных глазах. Я вижу, как ты отвечаешь мне, вижу, как движутся твои алые губы, но я не слышу твоих слов.

Задумался Нарцисс, глядя на свое отражение в воде. Вдруг страшная мысль пришла ему в голову, и тихо шепчет он своему отражению, наклонясь к самой воде:

– О, горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя! Ведь ты – я сам! Я люблю самого себя. О, если бы могло быть два Нарцисса! О, если бы я мог отделиться от своего тела! Страдания лишают меня сил. Я чувствую, что немного осталось уже мне жить. Едва расцветши, увяну я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня; смерть принесет мне отдых от мук любви.

Покидают силы Нарцисса, бледнеет он и чувствует уже приближение смерти, но все-таки не может оторваться от своего отражения. Плачет Нарцисс. Падают его слезы в прозрачные воды ручья. По зеркальной поверхности воды пошли широко круги, и пропало изображение прекрасного юноши. Со страхом воскликнул Нарцисс:

– О, ты скрылся! Останься! Не покидай меня, жестокий! О, дай хоть смотреть на тебя!

Но вот опять спокойна вода, опять появилось отражение, опять, не отрываясь, смотрит на него Нарцисс. Тает он, как роса на цветах в лучах горячего солнца. Видит и несчастная нимфа Эхо, как страдает Нарцисс. Она по-прежнему любит его; страдания Нарцисса болью сжимают ее сердце.

– О, горе! – восклицает Нарцисс.

– Горе! – отвечает Эхо.

Наконец, измученный, слабеющим голосом воскликнул Нарцисс, глядя на свое отражение:

– Прощай!

И еще тише, чуть слышно прозвучал отклик нимфы Эхо:

– Прощай!

Склонилась голова Нарцисса на зеленую прибрежную траву, и мрак смерти покрыл его очи. Умер Нарцисс. Плакали в лесу молодые нимфы, и плакала Эхо. Приготовили нимфы юному Нарциссу могилу, но когда пришли за его телом, то не нашли его. На том месте, где склонилась на траву голова Нарцисса, вырос белый душистый цветок – цветок смерти; нарциссом зовут его.

Адонис. Статуя середины IV в. до н. э.

Адонис. Но богиня любви, так покаравшая Нарцисса, знала и сама муки любви, и ей пришлось оплакивать любимого ею Адониса. Она любила сына царя Кипра, Адониса. Никто из смертных не был равен ему красотой, он был даже прекрасней богов-олимпийцев. Забыла для него Афродита и Патмос, и цветущую Киферу. Адонис был ей милее даже светлого Олимпа. Все время проводила она с юным Адонисом. С ним охотилась она в горах и лесах Кипра, подобно девственной Артемиде. Забыла Афродита о своих золотых украшениях, о своей красоте. Под палящими лучами солнца и в непогоду охотилась она на зайцев, пугливых оленей и серн, избегая охоты на грозных львов и кабанов. И Адониса просила она избегать опасностей охоты на львов, медведей и кабанов, чтобы не случилось с ним несчастья. После охоты отдыхала Афродита на сочной траве зеленых долин с Адонисом, склоняясь

к нему на колени своей божественно прекрасной головой. Редко покидала богиня царского сына, а покидая его, каждый раз молила помнить ее просьбы.

Однажды в отсутствие Афродиты собаки Адониса во время охоты напали на след громадного кабана. Они подняли зверя и с яростным лаем погнали его. Радовался Адонис такой богатой добычей; не предчувствовал он, что это его последняя охота. Все ближе лай собак, вот уже мелькнул громадный кабан среди кустов. Адонис уже готовится пронзить разъяренного кабана своим копьем, как вдруг кинулся на него кабан и своими громадными клыками смертельно ранил любимца Афродиты. Умер Адонис от страшной раны.

Когда Афродита узнала о смерти Адониса, полная невыразимого горя, сама пошла она в горы Кипра искать тело любимого юноши. По крутым горным стремнинам, среди мрачных ущелий, по краям глубоких пропастей шла Афродита. Острые камни и шипы терновника изранили нежные ноги богини. Капли ее божественной крови падали на землю, оставляя след всюду, где проходила богиня. Наконец нашла Афродита тело Адониса. Горько плакала она над так рано погибшим прекрасным юношей. Чтобы всегда сохранялась память о нем, велела богиня вырасти из крови Адониса нежному анемону. А там, где падали из израненных ног богини капли крови, всюду выросли пышные розы, алые, как кровь Афродиты. Сжалился Зевс-громовержец над горем богини любви. Велел он брату своему Гадесу и жене его Персефоне отпускать каждый год Адониса на землю из печального царства теней умерших. С тех пор полгода остается Адонис в царстве Гадеса, а полгода живет на земле с богиней Афродитой. Ликует вся природа, когда возвращается на землю к ярким лучам солнца юный, прекрасный любимец златой Афродиты Адонис.

Эрот. Царит златая Афродита над миром. У ней, как у Зевса-громовержца, есть посланник: чрез него выполняет она свою волю. Этот посланник Афродиты – сын ее Эрот, веселый, быстрый, шаловливый, коварный, а подчас и жестокий мальчик. Эрот быстро носится на своих блестящих золотых крыльях над землями и морями, быстрый и легкий, как дуновение ветерка. В руках его маленький золотой лук, за плечами колчан со стрелами. Никто не защищен от этих золотых стрел. Эти стрелы разят всех, даже громовержца Зевса. Не щадит Эрот и мать свою Афродиту; много раз пронзал он и ей сердце своими золотыми стрелами. Золотой искрой сверкнет стрела в воздухе, без боли вонзится она в сердце намеченной Эротом жертвы, и вспыхнет в сердце пламень любви. Без промаха попадает в цель Эрот; он, как стрелок, не уступает самому стреловержцу – златокудруму Аполлону. Когда попадет в цель Эрот, глаза его светятся радостью, он с торжеством высоко закидывает свою кудрявую головку и громко смеется. Одно приближение его заставляет уже чувствовать его силу. Ему подчиняются и рыбы в море, и лесные звери, и птицы в воздухе, но больше всего человек. Сами боги Олимпа безумствуют, если пронзят их сердца стрелы Эрота. Но не всегда радость и счастье несут с собой стрелы Эрота. Часто несут они страдания, муки любви и даже гибель. Самому златокудруму Аполлону, самому тучегонителю Зевсу немало страданий причинили эти стрелы.

Знал Зевс, как много горя и зла принесет с собой в мир сын златой Афродиты. Он хотел, чтобы умертвили его еще при рождении. Разве могла допустить это мать! Она скрыла Эрота в непроходимом лесу и там, в лесных дебрях, вскормили малютку Эрота молоком своим две свирепые львицы. Вырос Эрот, носится по всему миру, юный, прекрасный, и сеет своими стрелами в мире то счастье, то горе, то добро, то зло.

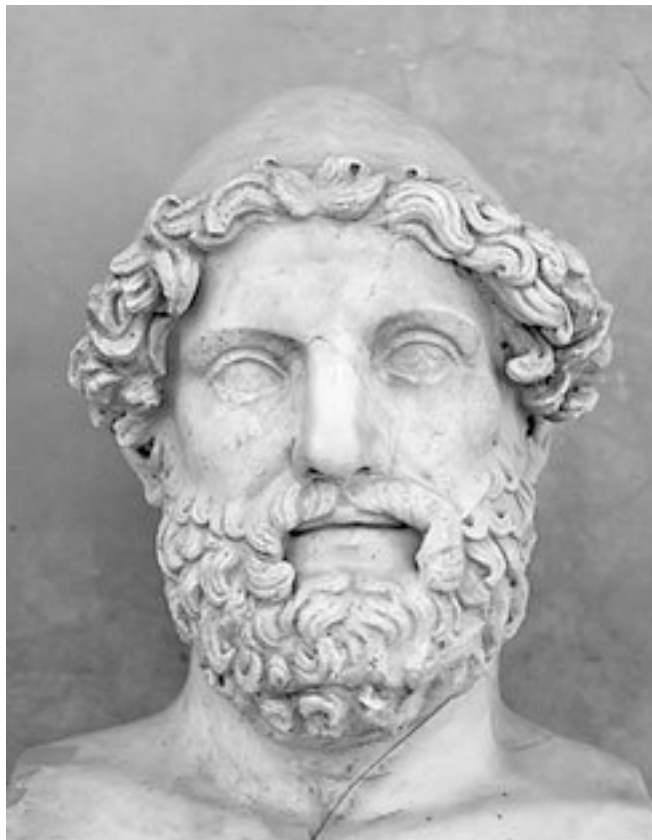
Гименей. Есть еще один помощник и спутник у Афродиты, это юный бог брака – Гименей. Он летит на своих белоснежных крыльях впереди свадебных шествий. Ярко горит пламя его брачного факела. Хоры девушек призывают во время свадьбы Гименей и молят его благословить брак молодых и послать им радость в их брачной жизни.

Гефест (Вулкан)

Гефест, сын Зевса и Геры, бог огня, бог-кузнец, с которым никто не может равняться в искусстве ковать, родился на светлом Олимпе. Он родился слабым и хромым ребенком. В гнев пришла великая Гера, когда ей показали богини некрасивого, хилого сына. Она схватила его и сбросила с Олимпа вниз на далекую землю.

Долго неся по воздуху несчастный ребенок и упал наконец в волны безбрежного моря. Сжалились над ним морские богини: дочь великого Океана, Эвринома, и дочь вещего морского старца Нерея, Фетида. Они подняли упавшего в море маленького Гефеста и унесли его с собой глубоко под воды седого Океана, клубящего свои священные воды вокруг всей земли. Там в лазурном гроте воспитали они Гефеста. Вырос бог Гефест некрасивым, хромым, но с могучими руками, широкой грудью и мускулистой шеей. Каким дивным художником в своем кузнечном ремесле был он! Много выковал он великолепных украшений из золота и серебра своим воспитательницам, Эвриноме и Фетиде.

Долго таил Гефест в своем сердце гнев на мать свою, богиню Геру, наконец решил отомстить ей за то, что она сбросила его с Олимпа. Выковал он золотое кресло необыкновенной красоты и послал его на Олимп в подарок матери. В восторг пришла жена громовержца Зевса, увидав чудесный подарок. Действительно, только царица богов и людей могла сидеть на кресле такой необычайной красоты. Но – о ужас! Лишь только села Гера в кресло, как обвили ее несокрушимые путы, как прикованная сидела Гера. Бросились боги ей на помощь. Напрасно! – никто из них не был в силах освободить царицу Геру. Поняли боги, что только Гефест, выковавший кресло, может освободить свою великую мать. Тотчас послали они бога Гермеса, вестника богов, за богом-кузнецом. Вихрем помчался Гермес на край света, к берегам Океана. В мгновение ока пронесся Гермес над землей и морем и явился в грот, где работал Гефест. Долго просил он Гефеста идти с ним на высокий Олимп – освободить царицу Геру, но наотрез отказался бог-кузнец, он помнил то зло, которое причинила ему мать. Не помогали ни просьбы, ни мольбы Гермеса. На помощь ему явился Дионис, веселый бог вина. С веселым смехом поднес он Гефесту чашу благовоного вина, за ней другую, а за ней еще и еще. Охмелел Гефест, теперь можно было с ним сделать все – вести куда угодно. Победил его бог вина Дионис. Посадили Гефеста Гермес и Дионис на осла и повезли на Олимп. Покачиваясь, ехал Гефест; голова его, отяжелевшая от вина, склонилась на грудь; с трудом держал он на плече свой громадный кузнечный молот. Кругом Гефеста неслись в веселой пляске увитые плющом менады с тирсами в руках. Неуклюже прыгали охмелевшие сатиры. Дымились факелы, громко раздавались звон тимпанов, веселые крики, смех, гремели бубны. А впереди шел великий бог Дионис в венке из винограда и с тирсом. Весело двигалось шествие. Наконец, пришли на Олимп. В один миг освободил Гефест свою мать, теперь он уже не помнил обиды. Рану обиды залечило вино.

Гефест. Римская копия с греческого оригинала. 430 г. до. н.э.

Остался жить на Олимпе Гефест. Там построил он богам величественные золотые дворцы, и себе построил он дворец из золота, серебра и бронзы. В нем живет он с женой своей, прекрасной, приветливой Харитой, богиней грации и красоты. В этом же дворце находится и кузница Гефеста. Большую часть времени проводит Гефест в своей полной чудес кузнице. Посредине ее стоит громадная наковальня, в углу – горн с пылающим огнем и мехи. Дивные эти мехи, – их не нужно приводить в движение руками, они повинуются слову Гефеста. Скажет он – и работают мехи, раздувая огонь в горн в ярко пышущее пламя. Покрытый потом, весь черный от пыли и копоти, работает бог-кузнец в своей кузнице. Какие дивные произведения выковывает в ней Гефест: несокрушимое оружие, украшения из золота и серебра, чаши и кубки, треножники, которые катятся сами, на золотых колесах, как живые. Окончив работу, омыв в благовонной ванне пот и копоть, идет Гефест, прихрамывая и пошатываясь на своих слабых ногах, на пир богов, к отцу своему, громовержцу Зевсу. Приветливый, добродушный, часто прекращает он готовую разгореться ссору Зевса и Геры. Без смеха не могут боги видеть, как ковыляет хромой Гефест вокруг пиршественного стола, разливая богам благоухающей нектар, и смех заставляет забыть ссоры. Но может быть и грозен бог Гефест. Многие испытали силу его огня и страшные, могучие удары его громадного молота. Даже волны бушующих рек, Ксанфа и Симоиса, смирил под Троей своим огнем Гефест и, грозный, разил он своим молотом могучих гигантов. Велик бог огня, искуснейший, божественный кузнец Гефест, он дает тепло и радость, он ласков и приветлив, но он же грозно карает.

Деметра (Церера) и Персефона (Прозерпина)

Могущественна великая богиня Деметра. Она дает плодородие земле, и без ее благотворной силы ничто не произрастает ни в тенистых лесах, ни на лугах, ни на тучных пашнях.

Похищение Персефоны Гадесом. Была у великой богини Деметры юная, прекрасная дочь Персефона. Отцом Персефоны был сам великий сын Крона, громовержец Зевс. Однажды прекрасная Персефона вместе со своими подругами, океанидами, беззаботно резвилась в цветущей Нисейской долине. Подобно легкокрылой бабочке, перебегала юная дочь Деметры от цветка к цветку. Она рвала пышные розы, душистые фиалки, белоснежные лилии и красные гиацинты. Беспечно резвилась Персефона, не ведая той судьбы, которую назначил ей отец ее, Зевс. Не думала Персефона, что не скоро увидит она опять ясный свет солнца, не скоро будет любоваться цветами и вдыхать их сладкий аромат. Отдал ее Зевс в жены мрачному своему брату Гадесу, властителю теней умерших, и с ним должна была жить Персефона во мраке подземного царства, лишенная света горячего южного солнца.

Гадес видел, как резвилась в Нисейской долине Персефона, и решил тотчас похитить ее. Упросил он богиню земли, Гайю, вырастить необычайной красоты цветок. Согласилась богиня Гайя, и вырос дивный цветок в Нисейской долине, далеко разлился во все стороны его пьянящий аромат. Увидала цветок Персефона и побежала к нему. Вот она уже около цветка, вот протянула руку и схватила его за стебелек, вот уж сорван цветок. Вдруг разверзлась земля, и на черных конях появился из земли в золотой колеснице владыка царства теней умерших, мрачный Гадес. Схватил он юную Персефону, поднял ее на свою колесницу и в мгновение ока скрылся на своих быстрых конях в недрах земли. Только вскрикнуть успела Персефона. Далеко разнесся крик ужаса юной дочери Деметры, донесся он и до морской пучины, и до высокого, светлого Олимпа. Никто не видел, как похитил Персефону мрачный Гадес, видел это лишь бог Гелиос-Солнце.

Деметра Книдская. Ок. 350 г. до н.э.

Услыхала богиня Деметра крик своей дочери. Поспешила она в Нисейскую долину, всюду искала она дочь, спрашивала подруг ее, океанид, но нигде не было ее нежно любимой дочери. Не видали океаниды, куда скрылась Персефона.

Тяжкая скорбь об утрате единственной возлюбленной дочери овладела сердцем Деметры. Одетая в темные одежды, девять дней ничего не сознавая, ни о чем не думая, блуждала по земле, проливая горькие слезы, великая богиня Деметра. Всюду искала она Персефону, но никто не мог помочь ей в ее горе. Наконец, уже на десятый день пришла Деметра к богу Гелиосу-Солнцу и стала со слезами молить его:

– О, лучезарный Гелиос! Ты объезжаешь на золотой колеснице высоко по небу всю землю и все моря, ты видишь все, ничто не может скрыться от тебя; если ты имеешь хоть немного жалости к несчастной матери, скажи мне, где моя дочь Персефона, скажи, где мне искать ее. Я слышала ее крик, ее похитили у меня. Скажи, кто похитил ее? Я всюду искала ее, но нигде не могу найти!

Ответил Деметре лучезарный Гелиос:

– Великая богиня, ты знаешь, как я чту тебя, ты видишь, как скорблю, видя твою горе. Знай, что великий тучегонитель, Зевс, отдал дочь твою в жены своему мрачному брату, владыке Гадесу. Он похитил Персефону и увез ее в свое полное ужасов царство. Побори же твою тяжкую печаль, богиня, ведь велик муж твоей дочери, она стала женой могущественного брата великого Зевса.

Еще больше опечалилась богиня Деметра. Разгневалась она на громовержца Зевса за то, что отдал он без ее согласия Персефону в жены Гадесу. Покинула она богов, покинула светлый Олимп, приняла вид простой смертной и, облекшись в темные одежды, долго блуждала между смертными, проливая горькие слезы.

Прекратился всякий рост на земле. Завяли листья на деревьях и облетели. Обнаженными стояли теперь леса. Трава поблекла; цветы опустили свои пестрые венчики и засохли. Не было плодов в садах, засохли зеленые виноградники, не зрели в них тяжелые, сочные гроздья. Прежде плодородные, нивы были пусты, ни былинки не росло на них. Замерла жизнь на земле. Голод царил всюду; всюду слышались плач и стоны. Гибель грозила всему людскому роду. Но ничего не видела, не слышала Деметра, погруженная в печаль по нежно любимой дочери.

Наконец, пришла Деметра к городу Элевсину. Там у городских стен села она в тени оливы на «камень скорби» у самого «колодца дев». Недвижима сидела Деметра, подобная изваянию. Прямыми складками спадала до самой земли ее темная одежда. Голова ее была опущена, а из глаз одна за другой катились крупные слезы и падали ей на грудь. Долго сидела так Деметра, одна, неутешная.

Увидали ее дочери царя Элевсина, Келея. Они удивились, заметив у источника плачущую женщину в темных одеждах, подошли к ней и с участием спросили, кто она. Не открылась им богиня Деметра. Она сказала, что ее зовут Део, что родом она с Крита, что ее увели разбойники, но она бежала от них и после долгих скитаний пришла к Элевсину. Деметра просила дочерей Келея отвести ее в дом их отца, она соглашалась стать служанкой их матери, воспитывать детей и работать в доме Келея, как простая смертная служанка. Взяли дочери Келея за руки Деметру и привели ее к матери своей Метанейре. Не думали дочери Келея, что вводят в дом отца своего великую богиню. Но когда вводили они Деметру в дом отца, то коснулась богиня головой верха двери, и весь дом озарился дивным светом. Встала навстречу богине Метанейра, она поняла, что не простую смертную привели к ней ее дочери. Низко склонилась жена Келея пред незнакомкой и просила ее сесть на ее место царицы. Отказалась Деметра, она молча села на простое сиденье служанки, по-прежнему безучастная ко всему, что делалось вокруг нее. Служанка же Метанейры, веселая Ямба, видя глубокую печаль незнакомки, старалась развеселить ее. Весело прислуживала она ей и своей госпоже Метанейре; громко звучал ее смех и сыпались шутки. Улыбнулась Деметра в первый раз с тех пор, как похитил у нее Персефону мрачный Гадес, и в первый раз согласилась она вкусить пищи.

Осталась Деметра у Келея. Она стала воспитывать сына его Демофонта. Богиня решила дать Демофонту бессмертие. Она держала младенца у своей божественной груди, на своих коленях; младенец дышал бессмертным дыханием богини. Деметра натирала его амброзией, а ночью, когда все в доме Келея спали, она, завернув Демофонта в пеленки, клала его в ярко пылавшую печь. Но не получил Демофонт бессмертия. Увидала раз Метанейра своего сына, лежащего в печи, страшно испугалась и стала молить Деметру не делать этого. Разгневалась Деметра на Метанейру, вынула Демофонта из печи и сказала:

– О, неразумная, я хотела дать бессмертие твоему сыну, сделать его неуязвимым. Знай же, я – Деметра, дающая силы и радость смертным и бессмертным!

Открыла Деметра Келею и Метанейру, кто она, и приняла свой обычный образ богини. Разлился божественный свет по покоям Келея. Богиня Деметра стояла величественная и прекрасная, золотистые волосы спадали на ее плечи, глаза горели божественной мудростью, от одежд ее лилось благоухание. Пали на колени пред ней Метанейра и ее муж. Богиня Деметра повелела выстроить храм в Элевсине, у источника Каллихоры, и осталась жить в нем. При этом храме Деметра сама учредила празднества.

Не покинула Деметру печаль по нежно любимой дочери, не забыла она и гнева своего на Зевса. По-прежнему бесплодна была земля. Все сильнее становился голод, так как на полях земледельцев не всходило ни единой травки. Напрасно тащили быки земледельца тяжелый плуг по пашне, бесплодна была их работа. Гибли целые племена. Вопли голодных неслись к небу, но не внимала им Деметра. Наконец, перестали куриться на земле жертвы бессмертным богам. Гибель грозила всему живому. Не хотел гибели смертных великий тучегонитель Зевс. Он послал к Деметре вестницу богов Ириду. Быстро примчалась она на своих золотых крыльях в Элевсин к храму Деметры, звала ее, молила вернуться на светлый Олимп в сонм богов. Не вняла ее мольбам Деметра. Посылал и других богов великий Зевс к Деметре, но не хотела богиня вернуться на Олимп, прежде чем возвратит ей Гадес ее дочь Персефону.

Послал тогда к своему мрачному брату, Гадесу, великий Зевс быстрого, как мысль, аргоубийцу Гермеса. Спустился Гермес в полное ужасов царство Гадеса, предстал пред сидящим на золотом троне владыкой душ умерших и поведал ему волю Зевса.

Согласился Гадес отпустить Персефону к матери, но, прежде чем покинула его Персефона, он дал ей проглотить зерно плода граната, символ супружеской жизни. Не могла теперь Персефона навсегда покинуть своего мужа. Взошла Персефона на золотую колесницу мужа с Гермесом; помчались бессмертные кони Гадеса, никакие препятствия не были страшны им, и в мгновение ока достигли Элевсина.

Забыв все от радости, бросилась Деметра навстречу своей дочери и заключила ее в свои объятия. Снова была с ней ее возлюбленная дочь Персефона. Вернулась с ней на Олимп Деметра. Тогда решил великий Зевс, что две трети года будет жить с матерью Персефона, а на одну треть возвращаться к мужу своему, Гадесу.

Триптолем на колеснице со змеями, сзади стоит Деметра, перед колесницей Персефона. Роспись на вазе. Ок. 460–450 гг. до н.э.

Вернула великая Деметра плодородие земле, и снова все зацвело, зазеленело. Нежной весенней листвой покрылись леса; запестрели цветы на изумрудной мураве лугов. Вскоре заколосились хлеботородные нивы; зацвели и заблагоухали сады; засверкала на солнце зелень виноградников. Пробудилась вся природа. Ликовало и славало все живое великую богиню Деметру и дочь ее Персефону.

Деметра (слева), вручающая своему любимцу Триптолему (в центре) колос пшеницы. Справа стоит Персефона. Копия элевсинского барельефа, 440-е гг. до н.э.

Но покидает каждый год свою мать Персефона. Тогда Деметра погружается снова в печаль и облекается в темные одежды. Горюет об ушедшей и вся природа. Желтеют листья на деревьях и срывает их осенний ветер; отцветают цветы; нивы пустеют. Наступает зима. Спит природа, чтобы проснуться в радостном блеске весны тогда, когда опять вернется к своей матери из безрадостного царства Гадеса Персефона. Сыплет щедрой рукой великая богиня плодородия Деметра свои дары людям и благословляет труд земледельца богатым урожаем, когда возвращается к ней ее дочь.

Чтили греки великую богиню Деметру. Во всем Древнем мире славился храм ее, основанный ею самой в Элевсине. Толпы народа собирались в Афины и в Элевсин, чтобы принять участие в празднествах в честь Деметры. Великие люди Древнего мира стремились быть посвященными в полные таинственности элевсинские мистерии, так как блажен тот,

кто принимал участие в этих таинствах. Не будет иметь посвященный после смерти одинаковую участь с непосвященными в полном мраке царстве Гадеса. Лучшая участь ждет посвященного, не страшны для него ужасы царства душ умерших.

Триптолем. Великая богиня Деметра, дающая плодородие земле, сама научила людей, как возделывать хлеботородные нивы. Она дала юному сыну царя Элевсина, Триптолему, семена пшеницы, а он первый трижды вспахал плугом рарийское поле у Элевсина и бросил в темную землю семена. Богатый урожай дало поле, благословленное самой Деметрой. На чудесной колеснице, запряженной крылатыми змеями, облетел все страны, по повелению Деметры, Триптолем и всюду учил людей земледелию. Славилы люди великую Деметру за ее дар людям, и курились ей в изобилии богатые жертвы.

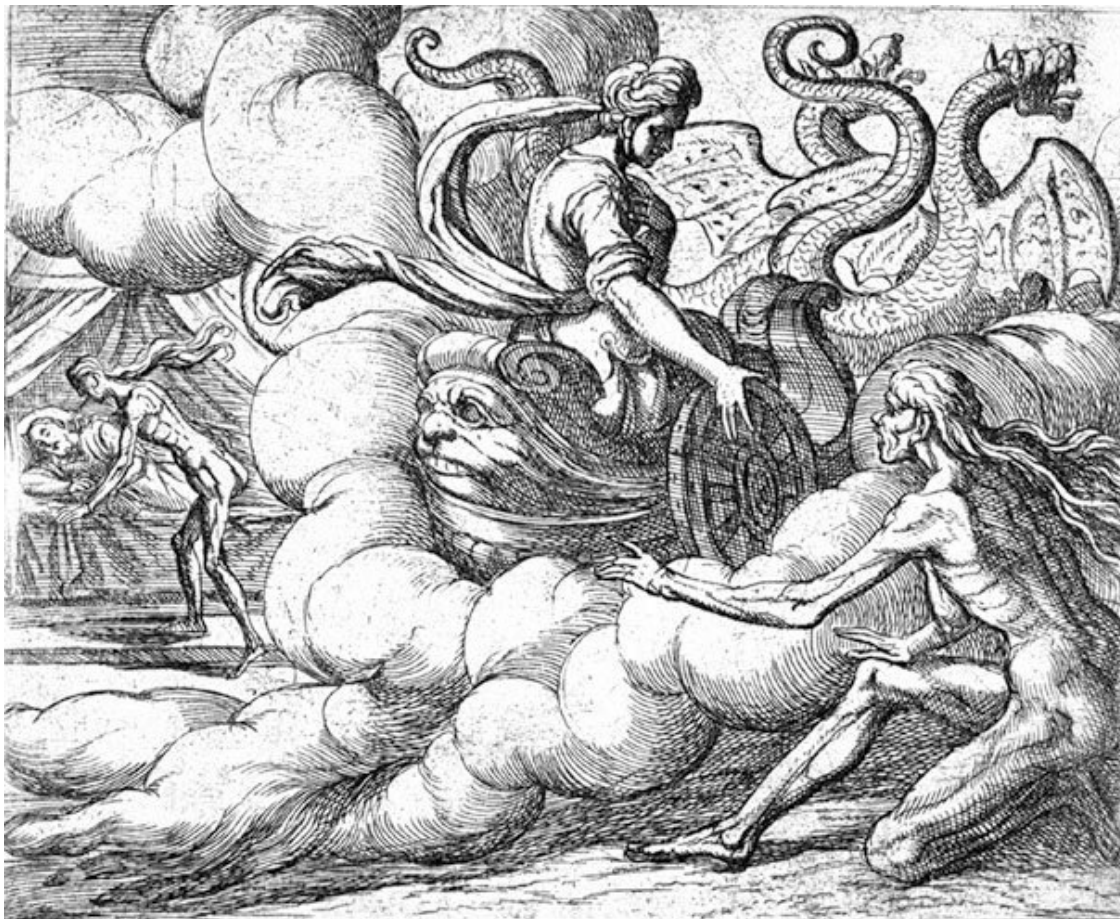
Был Триптолем и в далекой Скифии у царя Линха. Его тоже научил он земледелию. Но гордый царь скифов захотел отнять у Триптолема славу учителя земледелия, он захотел присвоить себе эту славу. Решил Линх убить во время сна великого Триптолема. Не допустила Деметра совершиться злодеянию. Она покарала Линха за то, что он, нарушив обычай гостеприимства, поднял руку на ее избранника. Когда ночью прокрался Линх в покой, где мирно спал Триптолем, обратила Деметра царя скифов в дикуую рысь в то самое мгновение, когда занес он над спящим кинжал. Скрылся в темных лесах обращенный в рысь Линх, а Триптолем покинул страну скифов, чтобы, переносясь из страны в страну на своей чудесной колеснице, учить людей великому дару Деметры – земледелию.

Эрисихтон. Не одного царя скифов, Линха, покарала благодатная богиня Деметра, – покарала она и царя Фессалии, Эрисихтона. Надменен и нечестив был Эрисихтон, никогда не чтит он богов жертвами. В своей нечестивости осмелился он дерзко оскорбить великую богиню Деметру. Он решил срубить в священной роще Деметры столетний дуб, высоко раскинувший свою могучую вершину над рощей. Дуб этот был жилищем дриады, любимицы самой Деметры. Но ничто не остановило Эрисихтона:

– Хотя бы это была не любимица Деметры, – воскликнул нечестивец, – а сама богиня, все же срублю я этот дуб!

Вырвал из рук слуги топор Эрисихтон и глубоко вонзил его в дерево. Тяжкий стон раздался внутри дуба, и хлынула кровь из его коры. Пораженные, стояли пред дубом слуги царя. Один из них осмелился остановить его, но разгневанный Эрисихтон убил слугу, воскликнув:

– Вот тебе награда за твое благочестие!

Эрисихтон, терзаемый голодом. Гравюра А. Темпеста. 1606 г.

Срубил Эрисихтон столетний дуб. С шумом, подобным стону, упал дуб на землю, и умерла жившая в нем дриада.

Одевши темные одежды, пришли дриады священной рощи к богине Деметре и молили ее покарать Эрисихтона, убившего их дорогую подругу. Разгневалась Деметра. Она послала за богиней голода. Быстро помчалась посланная дриада на колеснице Деметры, запряженной крылатыми змеями, в Скифию, к горам Кавказа, и там нашла на бесплодной горе богиню голода, с впалыми глазами, бледную, с растрепанными волосами, с грубой кожей, обтягивавшей одни кости. Передала посланная волю Деметры богине голода, и та повиновалась велению Деметры.

Явилась богиня голода в дом Эрисихтона и вдохнула ему неутолимый голод, сжигающий все его внутренности. Чем больше ел Эрисихтон, тем сильнее становились муки голода. Все свое состояние истратил он на всевозможные яства. Как огонь уничтожает деревянное здание и, чем больше для него пищи, тем сильнее разгорается, так будили в Эрисихтоне неутолимый, мучительный голод богатые яства. Наконец, ничего не осталось у Эрисихтона, – лишь одна дочь. Чтобы добыть денег и насытиться, он продал свою дочь в рабство. Но дочь его получила от великого колебателя земли, бога Посейдона, дар принимать любой образ и каждый раз освобождалась от покупавших ее то под видом птицы, то коня, то коровы. Много раз продавал свою дочь Эрисихтон, но мало ему было денег, которые выручал он от этой продажи. Все сильнее и сильнее мучил его голод, все нестерпимее становились его страдания. Наконец, Эрисихтон стал рвать зубами мясо со своих членов и погиб в ужасных мучениях. Он понес тяжкое наказание великой богини Деметры за свою нечестивость.

Ночь, луна, заря и солнце

Медленно едет по небу в своей колеснице, запряженной черными конями, богиня Ночь – Нюкта. Своим темным покровом закрыла она землю. Тьма окутала все кругом. Вокруг колесницы богини Ночи толпятся звезды и льют свой неверный мерцающий свет – это юные сыновья богини Зари – Эос и Астрея. Много их, они усеяли все ночное темное небо. Вот как бы легкое зарево показалось на востоке. Разгорается оно все сильнее и сильнее. Это восходит на небо богиня Луна – Селена. Медленно везут ее колесницу по небу кроторогие быки. Спокойно, величественно едет богиня Луна по небу в своей длинной, белой одежде, с серпом луны на головном уборе. Она мирно светит на спящую землю, заливая все серебристым сиянием. Объехав небесный свод, спустится богиня Луна в глубокий грот горы Латма в Карию, там лежит погруженный в вечную дремоту прекрасный Эндимион. В этом гроте отдыхает от своего пути богиня Луна.

Богиня зари Эос в своей колеснице. Роспись на блюде. Конец IV в. до н.э.

Все ближе утро. Богиня Луна спустилась уже давно с небосклона. Чуть посветлел восток. Вот ярко загорелся на востоке предвестник зари Эосфорос – утренняя звезда. Подул

легкий ветерок. Все ярче разгорается восток. Вот открыла розоперстая богиня Заря-Эос ворота, из которых выезжает лучезарный бог Солнце-Гелиос. В ярко-шафранной одежде, на розовых крыльях вылетает богиня Заря на просветлевшее небо, залитое розовым светом. Льет богиня из золотого сосуда на землю росу, и роса усыпает траву, цветы и деревья сверкающими, как алмазы, каплями. Благоухает все на земле, всюду курятся ароматы. Проснувшаяся земля радостно приветствует восходящего бога Солнце-Гелиоса.

На четверке крылатых коней в золотой колеснице, которую выковал бог Гефест, выезжает на небо с берегов океана лучезарный бог. Верхи гор озаряют лучи восходящего солнца, и они высветятся, как бы залитые огнем. Звезды бегут с небосклона при виде бога Солнца, одна за другой скрываются они в лоне темной ночи. Все выше подымается колесница Гелиоса. В лучезарном венце и в длинной сверкающей одежде идет он по небу и льет свои живительные лучи на землю, дает ей свет, тепло и жизнь.

Совершив свой дневной путь, спускается бог Солнце к священным водам Океана. Там ждет его золотой челн, в котором он плывет назад к востоку, в страну Солнца, где находится его чудесный дворец. Там отдыхает всю ночь бог Солнце, чтобы взойти в прежнем блеске на следующий день.

Фаэтон. Только раз нарушен был заведенный в мире порядок, и не въезжал бог Солнце на небо, чтобы светить людям. Это случилось так. Был сын у Солнца-Гелиоса от Климены, дочери морской богини Фетиды, имя ему было Фаэтон. Однажды родственник Фаэтона, сын громовержца Зевса и Ио, Эпаф, насмехаясь над ним, сказал:

– Не верю я, что ты – сын лучезарного Гелиоса. Мать твоя говорит неправду. Ты – сын простого смертного.

Разгневался Фаэтон, краска стыда залила его лицо; он побежал к матери, бросился к ней на грудь и со слезами жаловался на оскорбление. Но мать его, простерши руки к лучезарному Солнцу, воскликнула:

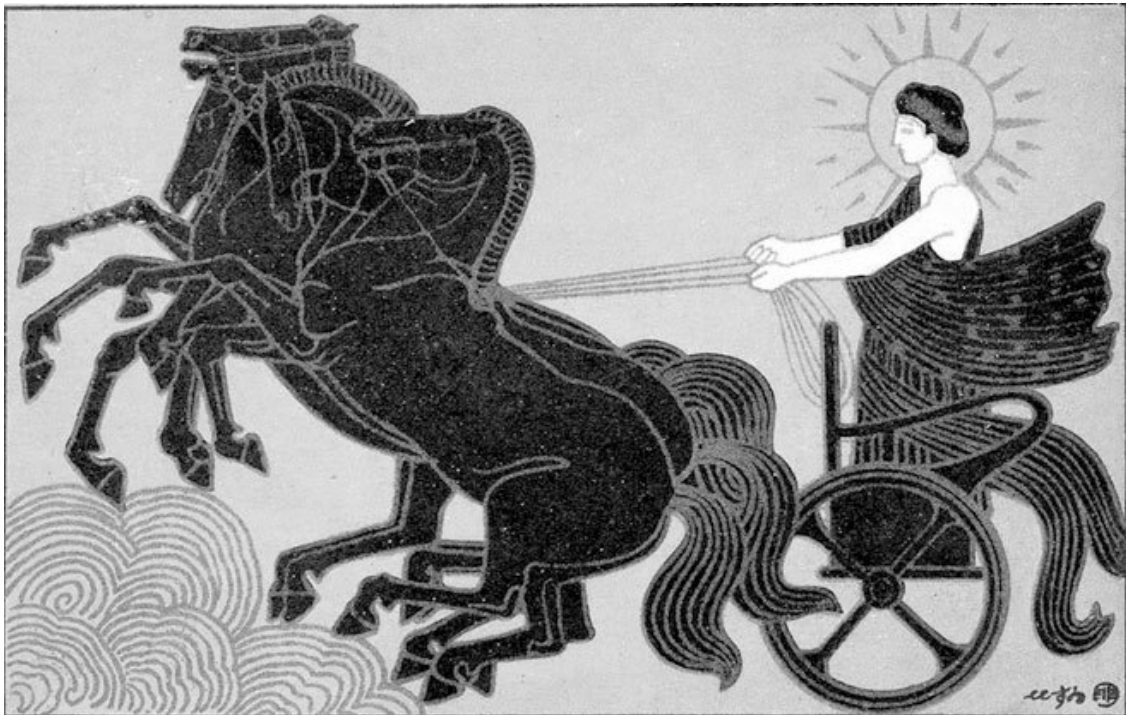
– О, сын! Клянусь тебе Гелиосом, который нас видит и слышит, которого и ты сам сейчас видишь, что он – твой отец! Пусть лишит он меня своего света, если я говорю неправду. Пойди ты сам к нему, дворец его недалеко от нас. Он подтвердит тебе мои слова.

Тотчас отправился Фаэтон к своему отцу Гелиосу. Быстро достиг он дворца Гелиоса, сиявшего золотом, серебром и драгоценными камнями. Весь дворец как бы искрился всеми цветами радуги, так дивно украсил его сам бог Гефест. Вошел Фаэтон во дворец и увидал там сидящего в пурпурной одежде на троне Гелиоса. Но Фаэтон не мог приблизиться к лучезарному богу, его глаза не выносили сияния, исходящего от венца Гелиоса. Увидал бог Солнце вошедшего Фаэтона и спросил его:

– Что привело тебя ко мне во дворец, сын мой?

– О, свет всего Мира, о отец Гелиос! Только смею ли я называть тебя отцом! – воскликнул Фаэтон. – Дай мне доказательство того, что ты – мой отец. Уничтожь, молю тебя, мое сомнение!

Снял лучезарный венец Гелиос, подозвал к себе Фаэтону, обнял его и сказал:

Гелиос – бог Солнца – на колеснице, запряженной крылатыми конями, взлетает на небо. Рисунок Хисуй Сугиура. 1918 г.

– Да, ты – мой сын, правду сказала тебе мать твоя, Климена. А чтобы ты не сомневался более, проси у меня, что хочешь, и я клянусь тебе водами священной реки Стикса, что исполню твою просьбу.

Едва сказал это Гелиос, как Фэтон стал просить позволить ему поехать по небу вместо самого Гелиоса в его золотой колеснице. В ужас пришел лучезарный бог.

– Безумный, что ты просишь, – воскликнул Гелиос, – о, если бы мог я нарушить мою клятву. Сын мой, не проси только этого! Ты слишком невозможного просишь, Фэтон, ведь это тебе не по силам. Ведь ты же смертный, а разве это дело смертного? Даже и бессмертные боги не в силах устоять на моей колеснице. Ею не может править сам великий Зевс-громовержец, а кто же могущественнее его! Подумай только: вначале дорога так крута, что даже мои крылатые кони едва взбираются по ней. Посередине она идет так высоко над землей, что даже мной овладевает страх, когда я смотрю вниз на расстилающиеся подо мной моря и земли. В конце же дорога так стремительно опускается к священным берегам Океана, что без моего опытного управления колесница стремглав полетит вниз и разобьется. Ты думаешь, может быть, встретить в пути много прекрасного? Нет, среди опасностей, ужасов и диких зверей идет путь. Узок он; если же ты уклонишься в сторону, то ждут тебя там рога грозного тельца, там грозит тебе лук кентавра, яростный лев, чудовищный скорпион и рак⁵.

Много ужасов на пути по небу. Поверь же мне, я не хочу быть причиной твоей гибели! О, если бы ты мог взглядом твоим проникнуть мне в сердце и увидеть, как я боюсь за тебя! Посмотри вокруг себя, взгляни на мир, как много в нем прекрасного! Проси все, что хочешь, я ни в чем не откажу тебе, только не проси ты этого. Ведь ты же просишь не награды, а страшное наказание!

⁵ Созвездия Тельца, Кентавра, Льва, Скорпиона и Рака.

Селена – богиня Луны – на колеснице, запряженной крылатыми лошадьми. Роспись на дне краснофигурного килика Брига. 490 – 480 гг. до н.э.

Но Фазтон ничего не хотел слушать; обвив руками шею Гелиоса, он просил исполнить его просьбу.

– Хорошо, я исполню твою просьбу. Не беспокойся, ведь я клялся водами Стикса! Ты получишь, что просишь, но я думал, что ты разумнее, – печально ответил Гелиос.

Повел Гелиос Фазтона туда, где стояла колесница. Залюбовался ею Фазтон: она была вся золотая и сверкала разноцветными камнями. Привели крылатых коней Гелиоса, накормленных амброзией и нектаром. Запрягли коней в колесницу. Розоперстая Эос открыла врата Солнца. Гелиос натер лицо Фазтону священной мазью, чтобы не опалило его пламя солнечных лучей, и возложил ему на голову сверкающей венец. Со вздохом, полным печали, дает Гелиос последние наставления Фазтону:

– Сын мой, помни мои последние наставления, исполни их, если сможешь! Не гони лошадей, держи как можно тверже вожжи. Сами побегут мои кони. Трудно удерживать их. Дорогу же ты ясно увидишь по колеям, они идут через все небо. Не подымайся слишком высоко, чтобы не сжечь небо, но и низко не опускайся, не то спалишь ты всю землю. Не уклоняйся, помни, ни вправо, ни влево. Путь твой как раз посередине между змеей и жертвен-

ником⁶. Все остальное я поручаю судьбе, на нее одну я надеюсь. Но пора, Ночь покинула уже небо; уже взошла розоперстая Эос. Бери крепче вожжи. Но, может быть, ты изменишь свое решение – ведь оно грозит тебе гибелью. О, дай мне самому светить земле! Не губи себя!

Но Фазтон быстро вскочил на колесницу и схватил вожжи. Он радуется, ликует, благодарит отца своего Гелиоса и торопится в путь. Кони бьют копытами, пламя пышет у них из ноздрей, легко подхватывают они колесницу и сквозь туман быстро несутся вперед по крутой дороге на небо. Непривычно легка для коней колесница. Они мчатся по небу, оставляют обычный путь Гелиоса и несутся уже без дороги. А Фазтон не знает, где же дорога, не в силах он править конями. Взглянул он с вершины неба на землю и побледнел от страха, так далеко под ним была она. Колени его задрожали, тьма заволокла его очи. Он уже жалеет, что упросил отца дать ему править его колесницей. Что ему делать? Уже много проехал он, но впереди еще длинный путь. Не может справиться с конями Фазтон, он не знает их имен, а сдержать их вожжами нет у него силы. Кругом себя видит он страшных небесных зверей и пугается еще больше.

Есть место на небе, где раскинулся чудовищный, грозный скорпион, туда несут Фазтона кони. Увидел несчастный юноша покрытого темным ядом скорпиона, грозящего ему своим смертоносным жалом и, обезумев от страха, выпустил вожжи. Понеслись тогда кони, почуяв свободу. То взвиваются они к самым звездам, то, опустившись, несутся почти над самой землей. Сестра Гелиоса, богиня луны Селена, с изумлением глядит, как мчатся кони ее брата, без дороги, никем не управляемые, по небу. Пламя от близко опустившейся колесницы охватывает землю. Гибнут большие, богатые города, гибнут целые племена. Горят горы, покрытые лесом: двуглавый Парнас, тенистый Киферон, зеленый Геликон, горы Кавказа, Тмол, Ида, Пелион, Осса. Дым заволакивает все кругом; не видит Фазтон в густом дыму, где он едет. Вода в реках и ручьях закипает. Нимфы плачут и прячутся в ужасе в глубоких гротах. Кипят Ефрат, Оронт, Алфей, Эврот и другие реки. От жары трескается земля, и луч солнца проникает в мрачное царство Гадеса. Моря начинают пересыхать, и страдают от зноя морские божества. Тогда поднялась великая богиня Гайя-Земля и воскликнула громко:

– О, величайший из богов, Зевс-громовержец, неужели должна я погибнуть, неужели погибнуть должно царство твоего брата Посейдона, неужели должно погибнуть все живое! Смотри! Атлас едва уже выдерживает тяжесть неба. Ведь небо и дворцы богов могут рухнуть. Неужели все вернется в первобытный Хаос. О, спаси от огня то, что еще осталось!

Услышал Зевс мольбу богини Гайи, грозно взмахнул он десницей, бросил свою сверкающую молнию и огнем потушил огонь. Разбил Зевс молнией колесницу. Кони Гелиоса разбежались в разные стороны. По всему небу разбросаны осколки колесницы и упряжь коней Гелиоса. А Фазтон, с горящими на голове кудрями, пронесся по воздуху, подобно падающей звезде, и упал в волны реки Эридана вдали от своей родины. Там подняли тело гесперийские нимфы и предали его земле. В глубокой скорби отец Фазтона, Гелиос, закрыл свой лик и целый день не появлялся на голубом небе. Только огонь пожара освещал землю.

Долго искала несчастная мать Фазтона, Климена, тело своего погибшего сына. Наконец, нашла она на берегах Эридана не тело сына, а его гробницу. Плакала неутешная мать над гробницей сына, с ней оплакивали погибшего брата и дочери Клемены – гелиады. Безгранична была их скорбь. Превратили плачущих гелиад великие боги в тополя. Стоят тополя-гелиады, склонившись над Эриданом, и падают их слезы-смола в прозрачную воду. Застывает смола и превращается в прозрачный янтарь.

Скорбел о гибели друга и Кикн. Далеко разносились его сетования по берегам Эридана. Видя неутешную печаль Кикна, боги превратили его в белоснежного лебедя. Живет с тех

⁶ Два созвездия (у греков): Змея и Жертвенник.

пор лебедь-Кикн на воде, в реках и широких, светлых озерах. Боится он огня, погубившего его друга Фазтона.

Дионис (Вакх, или Либер)

Рождение и воспитание Диониса. Зевс-громовержец любил прекрасную Семелу, дочь фиванского царя Кадма. Однажды он обещал ей исполнить любую ее просьбу, в чем бы она ни заключалась, и поклялся ей в этом нерушимой клятвой богов, священными водами подземной реки Стикса. Но возненавидела Семелу великая богиня Гера и захотела ее погубить. Она сказала Семеле:

– Проси Зевса явиться тебе во всем величии бога-громовержца, царя Олимпа. Если он тебя действительно любит, то не откажет в этой просьбе.

Убедила Гера Семелу, и та попросила Зевса исполнить именно эту просьбу. Не мог ни в чем отказать Семеле Зевс, ведь он клялся водами Стикса. Явился ей громовержец во всем величии царя богов и людей, во всем блеске своей славы. Яркая молния сверкала в руках Зевса; удары грома потрясали дворец Кадма. Вспыхнуло все кругом от молнии Зевса. Огонь охватил дворец, все вокруг колебалось и рушилось. В ужасе упала на землю Семела, объятая пламенем. Она видела, что нет ей спасения, что погубила ее просьба, внушенная Герой. И родился у умирающей Семелы сын Дионис, слабый, неспособный жить ребенок. Казалось, он тоже обречен был на гибель в огне. Но разве мог погибнуть сын великого Зевса? Из земли со всех сторон, как по мановению волшебного жезла, вырос густой зеленый плющ. Он прикрыл от огня своей зеленью несчастного ребенка, спас его от смерти. Все пышнее разрастался плющ, всюду вился он, свежий, зеленый, и заглушил наконец совсем огонь. Зевс взял спасенного сына, а так как он был еще так мал и слаб, что не мог бы жить, то зашил его Зевс себе в бедро. В теле отца своего, Зевса, Дионис окреп и, окрепнув, родился второй раз из бедра громовержца Зевса.

Силен с младенцем Дионисом. Фрагмент римской копии статуи Лисиппа. Около 320—310 гг. до н.э.

Статуя Диониса. Римская копия с греческого оригинала. II в. н.э.

Царь богов и людей призвал сына своего, быстрого посланника богов Гермеса, и велел ему отнести маленького Диониса к сестре Семелы, Ино, и ее мужу Атаманту, царю Орхомена, они должны были воспитать его. Богиня Гера разгневалась на Ино и Атаманта за то, что они взяли на воспитание сына ненавистной ей Семелы, и решила их наказать. Она наслала на Атаманта безумие. В припадке безумия убил Атамант своего сына, Леарха. Едва успела бегством спастись от смерти Ино с другим сыном, Меликертом. Муж погнался за ней и уже настигал ее. Впереди крутой, скалистый морской берег, внизу шумит море, сзади настигает безумный муж — спасенья нет у Ино. В отчаянии бросилась она вместе с сыном в море с прибрежных скал. Приняли в море Ино и Меликерта нереиды. Воспитательница Диониса и ее сын были обращены в морские божества, и живут с тех пор в морской пучине.

Диониса же спас от безумного Атаманта Гермес; он перенес его в мгновение ока в Нисейскую долину и отдал там на воспитание нимфам. Они и взрастили Диониса в прохладном, благоухающем гроте. Вырос Дионис прекрасным, могучим богом вина, богом, дающим

людям силы и радость, богом, дающим плодородие. Воспитательницы Диониса, нимфы, были взяты Зевсом в награду на небо, и светят они в темную звездную ночь под названием Гиад среди других созвездий.

Дионис и его свита. С веселой толпой украшенных венками менад и сатиров ходит по всему свету из страны в страну веселый бог Дионис. Он идет впереди в венке из винограда с украшенным плющом тирсом в руках. Вокруг него в быстрой пляске кружатся молодые менады с пением и кликами; скачут охмелевшие от вина неуклюжие сатиры с хвостами и козлиными рогами. За шествием везут на осле обрюзгшего от вина старика, Силена, мудрого учителя Диониса. Он сильно охмелел, едва сидит на осле, опершись на мех с вином, что лежит около него. Венки из плюща слез набок на его лысой голове. Покачиваясь, едет он, добродушно улыбаясь. Молодые сатиры идут около осторожно ступающего осла и бережно поддерживают старика, чтобы он не упал. Под звуки флейт, свирелей и тимпанов весело двигается в горах, среди тенистых лесов, по зеленым лужайкам шумное шествие. Сколько смеха, пения, восклицаний, радости! Торжественно идет по земле Дионис-Вакх, все покоряя своей власти. Он учит людей разводить виноград и делать из его тяжелых, спелых гроздьев вино.

Ликург. Не везде признают власть Диониса. Часто приходится ему встречать и сопротивление; часто силой приходится покорять ему страны и города. Но кто же может бороться с великим богом, сыном Зевса? Сурово карает он тех, кто противится ему, кто не хочет признать его и чтить, как бога. Первый раз во Фракии пришлось Дионису подвергнуться преследованиям. Когда он на Нисейской долине с менадами весело пировал и плясал, охмелев от вина, под звуки музыки и пения, напал на него жестокий царь эдонов Ликург. В ужасе разбежались менады, бросив на землю священные сосуды Диониса, и сам Дионис обратился в бегство. Спасаясь от преследования Ликурга, он бросился в море; там укрыла его богиня Фетида. Отец Диониса, Зевс-громовержец, наказал жестоко Ликурга, осмелившегося оскорбить юного бога: Зевс ослепил Ликурга и уменьшил срок его жизни.

Дочери Миния. И в Орхомене в Беотии не хотели сразу признать бога Диониса. Когда явился в Орхомен жрец Диониса-Вакха и звал всех девушек и женщин в леса и горы на веселое празднество в честь бога вина, три дочери царя Миния не пошли на празднество; они не хотели признать Диониса богом. Все женщины Орхомена ушли из города в тенистые леса и там пением и плясками чествовали великого бога. Увитые плющом, с тирсами в руках, носились они с громкими кликами, подобно менадам, по горам и славил Диониса. А дочери царя Орхомена сидели дома в своих покоях и спокойно пряли и ткали; не хотели и слышать они ничего о боге Дионисе. Наступил вечер, солнце село, а дочери царя все еще не бросили работы, торопясь во что бы то ни стало закончить ее. Вдруг чудо предстало пред их глазами. Раздались во дворце звуки тимпанов и флейт, нити пряжи обратились в виноградные лозы, и тяжелые гроздья повисли на них. Ткацкие станки зазеленели, и все их густо обвил плющ. Всюду разлилось благоухание мирта и цветов. С удивлением глядели царские дочери на это чудо. Вдруг по всему дворцу, окутанному уже вечерними сумерками, засверкал зловещий свет факелов. Послышалось рыканье диких зверей. Во всех покоях дворца появились львы, пантеры, рысы и медведи. С грозным воем бегали они по дворцу и яростно сверкали глазами. В ужасе старались дочери царя спрятаться в самых дальних, самых темных помещениях дворца, чтобы не видеть блеска факелов и не слышать рыканья зверей. Но все напрасно, нигде не могут они укрыться. Не ограничилось этим наказание бога Диониса. Тела царевен стали сжиматься, покрылись темной мышиной шерстью, вместо рук выросли крылья с тонкой перепонкой, — они обратились в летучих мышей. С тех пор скрываются они от дневного света в темных, сырых развалинах и пещерах. Так наказал их Дионис.

Пенфей. Но особенно упорное сопротивление оказал Дионису царь Фив, сын Эхиона, одного из воинов, рожденных землей из зубов змея, Пенфей, внук Кадма, который правил

вместо престарелого деда. Он отрицал, что Дионис – сын Зевса и бог. Пенфей говорил, что, будь Дионис богом, не испепелил бы Зевс своей молнией покои Семелы и ее саму, он не погубил бы мать своего сына. Не хотел Пенфей поклоняться смертному сыну смертной Семелы. И вот однажды во время отсутствия Пенфея Дионис с менадами сам появился в Фивах. Он решил отомстить Пенфею и за себя, и за свою мать. Всех женщин Фив исполнил Дионис вакхическим неистовством. Все они, бросив свои занятия, удалились в горы Киферона и там неистовствовали в вакхических плясках во главе с матерью Пенфея, Аглавой, и ее двумя сестрами, Ино и Автоноей.

Сам старый Кадм и вещий старец, прорицатель Тиресий, признали великого бога. Они тоже увенчали головы плющом, чтит Диониса жертвами и славил его. Кадм и Тиресий уже готовы были идти в леса Киферона, чтобы принять там участие в вакханалиях. В это время вернулся Пенфей. С изумлением видит он опустевшие Фивы. Страшно разгневался он, узнав, что все женщины ушли на празднества Диониса-Вакха. В гневе велел Пенфей схватить всех вакханок и бросить их в темницу. Увидав же своего деда Кадма и прорицателя Тиресия в венках из плюща и с тирсами в руках, он издевался над ними и говорил, что это старость лишила их разума. Не слушает Пенфей советов Тиресия. Пенфей велит найти чужеземца, уведшего фиванок в горы, связать и привести во дворец. Не подозревал Пенфей, что этот чужеземец – сам великий Дионис. Не думал скрываться от слуг Пенфея таинственный чужеземец. Он сам протягивает слугам руки, чтобы его связали, не бледнеет он от страха, спокоен его ясный взор. Изумлены слуги, неохотно исполняют они приказание царя, но не смеют ослушаться и приводят скованного чужеземца к Пенфею. Прекрасный, сияющий нежной, юной красотой, с пышными кудрями и глазами, темными и искрящимися, как вино, спокойно улыбаясь, стоял Дионис пред Пенфеем. Его не страшили угрозы Пенфея, так как угрозы смертного не страшны богу. А Пенфей совсем обезумел. Слуги говорят ему, что Дионис чудесным образом освободил из темницы вакханок, но это чудо не производит никакого впечатления на Пенфея. Он хочет бросить Диониса, связанного, в темный хлев, грозит побить его камнями, но Дионис спокоен и улыбается по-прежнему с легкой насмешкой. Пенфей сам спешит заковать Диониса. Бог вина посылает быка. Закусив губы и напрягши все силы так, что пот струится по его телу, старается Пенфей связать быка, думая в своем безумии, насланном на него Дионисом, что он связывает чужеземца. Дионис же спокойно сидит рядом и смеется над его усилиями. Вдруг весь дворец потрясся, зашатались колонны, покачнулись стены. На могиле Семелы поднялся громадный огненный столп и озарил весь дворец. В ужасе думает Пенфей, что огонь охватил дворец, он зовет на помощь слуг, посылает слуг черпать воду в Ахелое и тушить пожар. Выхватив меч, бросается он вовнутрь дворца, опасаясь, как бы не скрылся его пленник. Во дворце встречает Пенфей Диониса, он бросается на него с мечом, ему кажется, что он поразил его, но это только призрак, посланный богом. Пенфей спешит выбежать из дворца. Кругом все колеблется, и вдруг со страшным грохотом рухнул дворец. В страхе падает Пенфей на землю, но он невредим. Пенфей выбегает из дворца и, к ужасу, видит Диониса, стоящего среди вакханок пред развалинами дворца. Пенфей спрашивает его, как он освободился. Спокойно отвечает ему чужеземец, что освободил его тот, по чьему повелению на лозах винограда зреют сочные гроздья. Опять грозит ему Пенфей.

Менада в экстазе с ножом в руке. Копия с оригинала работы Каллимаха. Ок. 406–405 гг. до н.э.

Вдруг прибегает с гор Киферона пастух, он со страхом рассказывает о том, что видел там в горах. Все женщины, участвующие в празднестве Вакха, разделились, по словам пастуха, на три хора, ими предводительствует мать Пенфея, Аглава, и ее сестры. Когда пастух пригнал на Киферон свое стадо, вакханки отдыхали, но по знаку Аглавы они вскочили, словно и не чувствуя усталости. Обвязав вокруг поясицы шкуры диких зверей, обвив себя змеями, надев венки из плюща и потрясая тирсами, начали они пляску и пение в честь Диониса-Вакха. Много чудес видал пастух. Он видел, как одна из вакханок ударила тирсом в скалу и из нее полился прозрачный источник, другая ударила тирсом в землю и оттуда хлынуло вино. Достаточно было, чтобы вакханка только царапнула слегка пальцем землю, чтобы из земли выступило в изобилии молоко. С тирсов струился благоухающий мед. Пастух слышал, как горы и доли, леса и поля, даже дикие звери громко ликовали вместе с вакханками, отвечая им на их торжествующие восклицания. Чтобы угодить царю, пастух хотел со своими товарищами схватить Аглаву и привести ее во дворец. Но Аглава позвала на помощь вакханок, они обратили в бегство пастухов, бросились на стадо и растерзали в своем неистовстве

всех коров и быков. Бог удесятерил их силы. Затем, подобно бурному потоку, ринулись они с высоты Киферона в долину, напали на города Хисии и Эритии и разрушили их. Они похищали детей из домов и несли их на своих плечах, и, хотя женщины не держали их, все же ни одно дитя не упало. Мужчины с оружием в руках пытались оказать им сопротивление, но оружие не ранило вакханок, они же разили мужчин тирсами, словно острыми мечами и копьями. Наконец, утомленные, вернулись вакханки туда, где бил родник вина; там омыли они кровь и расположились на отдых, славя гимнами Диониса. Пастух убеждал Пенфея, что подобные дела можно совершать только с помощью бога, но Пенфей ничего не хотел слушать. Он грозил двинуть свои войска против вакханок, он уже зовет воинов и всех тех граждан, которые в силах держать оружие. На смерть обрек он вакханок; пусть кровь их будет жертвой Дионису. А Дионис лишь улыбкой отвечал на угрозы Пенфея: войска смертных не страшили его.

Помутил Дионис совсем разум Пенфея. Он убедил его одеть женскую одежду и идти в леса Киферона, чтобы самому убедиться в неистовствах вакханок и увидеть те чудеса, которые они творят. Послушался его Пенфей. Он идет за Дионисом, и кажется ему, что Дионис обратился в круторогого быка. Пенфей видит два солнца, двое Фив. Безумие овладевает им все больше, он не сознает, что делает. Осторожно, чтобы их не заметили, пришли Дионис и Пенфей на Киферон. Вакханки отдыхали. Дионис скрыл их от глаз Пенфея. Тогда Пенфей решается влезть на высокую ель, чтобы с нее увидеть вакханок. Как гибкую трость, согнул вековую ель бог Дионис, чтобы мог Пенфей сесть на ветви ее вершины. Осторожно отпустил Дионис ель, а когда она выпрямилась, Пенфей оказался сидящим высоко над землей и был виден далеко во все стороны, Дионис стал невидимым и громко воскликнул:

— О, девы, вот привел я к вам того, кто смеялся надо мной и над моими празднествами. Накажите же его!

Дионис, держащий тирс, и сатир, играющий на авлосе. Аттический краснофигурный килик работы Макрона. Ок. 480 г. до н.э.

И метнул Дионис на землю молнию отца своего Зевса. Вскочили отдыхавшие вакханки, увидели Пенфея и бросились к ели. Они хотели забросать его камнями и тирсами, но он сидел слишком высоко. Тогда, по зову Аглавы, обступили вакханки ель и вырвали ее с корнем. Упал на землю Пенфей, а вакханки кинулись на него и растерзали на части, несмотря на мольбы пощадить его. Мать Пенфея схватила его окровавленную голову и насадила ее на тирс. В своем неистовстве она думала, что это голова молодого львенка. С торжеством пошли вакханки к Фивам. Ликуя, призывала Аглава жителей Фив посмотреть, какую добычу убили не луком, поймали не сетями дочери Кадма. Вакханкам встретились Кадм и Тиресий. Они собрали части тела растерзанного Пенфея и, оплакивая, понесли их в Фивы. В ужас пришел Кадм, увидав на тирсе Аглавы голову внука. Вот какую жертву принесла своей рукой Дионису Аглава! Покинуло безумие Аглаву, она узнала голову сына и поняла, какое злодеяние совершила.

Высоко в небе появился великий бог Дионис и возвестил всем:

– Если бы раньше признали вы меня за бога, за сына громовержца Зевса, то жили бы вы счастливо под моей защитой!

Поняли в Фивах, что покарал так Дионис всех за то, что не хотели признать его богом.

Тиренские морские разбойники. Покарал Дионис и тиренских морских разбойников, но не столько за то, что они не признавали его богом, сколько за то зло, которое они хотели причинить ему как простому смертному. Однажды юный Дионис стоял на берегу лазурного моря. Морской ветерок ласково играл его темными кудрями и чуть шевелил складки пурпурного плаща, спадавшего со стройных плеч юного бога. Вдали в море показался корабль; он быстро приближался к берегу. Когда корабль был уже близко, увидели моряки – это были тиренские морские разбойники – дивного юношу на пустынном морском берегу. Быстро причалили они, сошли на берег, схватили Диониса и увели его на корабль. Они и не подозревали, что пленили бога. Ликовали разбойники, что такая богатая добыча попала им в руки. Они были уверены, что много золота выручат за прекрасного юношу. На корабле хотели разбойники заковать Диониса в тяжелые цепи, но они спадали с рук и ног юного бога. Он же сидел и глядел на разбойников со спокойной улыбкой. Когда кормчий увидал, что цепи не держатся на руках юноши, он со страхом сказал своим товарищам:

Вакханка. IV в. до н. э.

– Несчастные! Что мы делаем! Уж не бога ли хотим мы сковать? Смотрите, – даже наш корабль едва его держит! Не сам ли Зевс это, не сребролукий ли Аполлон или колебатель земли Посейдон? Нет, не похож он на смертного! Это один из богов, живущих на светлом Олимпе. Отпустите его скорее, высадите его на землю! Как бы не скликал он буйные ветры и не поднял бы на море грозную бурю!

Но капитан со злобой ответил мудрому кормчему:

– Презренный! Смотри, ветер попутный! Быстро понесется корабль наш по волнам безбрежного моря. О юноше же мы позаботимся потом. Мы приплывем в Египет, или на

Кипр, или в далекую страну гипербореев; пусть-ка там поищет этот юноша своих друзей и братьев. Нет, нам послали его боги!

Спокойно подняли разбойники паруса, и корабль вышел в открытое море. Вдруг совершилось чудо: по кораблю заструилось благовонное вино и весь воздух наполнился благоуханием. Разбойники оцепенели от изумления. Но вот на парусах зазеленели виноградные лозы с тяжелыми гроздьями; темно-зеленый плющ обвил мачту; всюду появились прекрасные плоды; уключины весел обвили гирлянды цветов. Когда увидали все это разбойники, они стали молить мудрого кормчего править скорее к берегу. Но поздно! Юноша превратился в льва и с грозным рыканьем встал на палубе, яростно сверкая глазами. Посредине корабля появилась косматая медведица; страшно оскалила она свою пасть. В ужасе бросились разбойники на корму и столпились вокруг мудрого кормчего. Громадным прыжком бросился лев на капитана и растерзал его. Потеряв надежду на спасение, разбойники один за другим кинулись в морские волны, а Дионис превратил их в дельфинов. Кормчего же пощадил Дионис. Он принял свой прежний образ и, приветливо улыбаясь, сказал кормчему:

– Не бойся! Я полюбил тебя. Я – Дионис, сын громовержца Зевса и дочери Кадма, Семелы!

Икарий. Но не всегда карает Дионис, он и награждает людей, которые чтут его, как бога. Так наградил он и Икария в Аттике, когда тот гостеприимно принял его. Дионис подарил ему виноградную лозу, и Икарий был первым, разведшим в Аттике виноград. Но печальна была судьба Икария. Однажды дал он вина пастухам, а они, не зная, что такое опьянение, решили, что Икарий отравил их, и убили его, а тело его зарыли в горах Гимета. Дочь Икария, Эригона, долго искала отца. Наконец, с помощью своей собаки Майры она нашла гробницу отца. В отчаянии несчастная Эригона повесилась на том самом дереве, под которым лежало тело ее отца. Дионис взял Икария, Эригону и ее собаку Майру на небо. С той поры горят они на небе темною ясною ночью, – это созвездие Волопаса, Девы и Большого Пса. Дионис не забыл того добра, которое сделал ему Икарий.

Мидас. Награждает бог Дионис чтущих его и милует тех, кто раскается в своей недуманной просьбе. Так поступил он и с царем Мидасом. Однажды веселый Дионис с шумной толпой менад и сатиров бродил по лесистым скалам Тмола во Фригии. Не было в свите Диониса лишь Силена. Он отстал и, спотыкаясь на каждом шагу, сильно охмелевший, брел по фригийским полям. Увидали его крестьяне, связали гирляндами из цветов и отвели к царю Мидасу. Узнал Мидас учителя Диониса, с почетом принял его в своем дворце и девять дней чествовал роскошными пирами. На десятый день Мидас сам отвел Силена к богу Дионису. Обрадовался Дионис, увидав Силена, и позволил Мидасу в награду за тот почет, который он оказал его учителю, выбрать себе награду. Воскликнул тогда Мидас:

– О, великий бог Дионис, повели, чтобы все, к чему я прикоснусь, превращалось бы в чистое, блестящее золото!

Исполнил Дионис желание Мидаса; он пожалел лишь, что не избрал себе Мидас лучшего дара.

Ликуя, удалился Мидас. Радуюсь полученному дару, срывает он зеленую ветвь с дуба, в золотую превращается ветвь в его руках. Срывает он в поле колосья, золотыми становятся они, и золотые в них зерна. Срывает он яблоко, яблоко обращается в золотое, словно оно из садов Гесперид. Все, к чему прикасался Мидас, тотчас обращалось в золото. Когда мыл он руки, вода стекала с них золотыми каплями. Ликует Мидас. Вот пришел он в свой дворец. Слуги приготовили ему богатый пир, и счастливый Мидас возлег за стол. Тут-то понял он, какой ужасный дар выпросил он у Диониса. От одного прикосновения Мидаса все обращалось в золото. Золотыми становились у него во рту и хлеб, и все яства, и вино. Понял Мидас, что придется ему погибнуть от голода, простер он руки к небу и воскликнул:

Дионис в шкуре пантеры, увенчанный плющом. Аттическая краснофигурная амфора работы Клеофрада из Вульчи. Ок. 500—490 гг. до н.э.

– Смилуйся, смилуйся, о Дионис! Прости! Я молю тебя о милости! Возьми назад этот дар!

Явился Дионис и сказал Мидасу:

– Иди к истокам Пактола, там в его водах смой с тела этот дар и свою вину.

Отправился Мидас по повелению Диониса к истокам Пактола и погрузился там в его чистые воды. Золотом заструились воды Пактола и смыли с тела Мидаса дар, данный Дионисом. С тех пор златоносным стал Пактол.

Всюду в Греции чтили великого бога Диониса, веселые праздники справляли в честь него и в городах, и в селениях. Особенно же чтили его в Аттике. Много веселья, смеха, шуток было на этих празднествах Диониса. Из них развились – что особенно важно для всех времен и народов – и комедия, и трагедия. Этими видами поэтического творчества наградили человечество празднества в честь Диониса, великого бога вина, бога, дающего плодородие, бога, дающего силы людям.

Пан

Среди свиты Диониса часто можно было видеть и бога Пана. Когда родился великий Пан, то мать его, нимфа Дриопа, взглянув на сына, в ужасе обратилась в бегство. Он родился с козлиными ногами и рогами и с длинной бородой. Но отец его, Гермес, обрадовался рождению сына, он взял его на руки и отнес на светлый Олимп к богам. Все боги громко радовались рождению Пана и смеялись, глядя на него.

Бог Пан не остался жить с богами на Олимпе. Он ушел в тенистые леса, в горы. Там пасет он стада, играя на звучной свирели. Лишь только услышат нимфы чудные звуки свирели Пана, как толпами спешат они к нему, окружают его, и вскоре уже веселый хоровод движется по зеленой укромной долине под звуки музыки Пана. Пан и сам любит принимать участие в танцах нимф. Когда развеселится Пан, тогда веселый шум поднимается в лесах по склонам гор. Весело резвятся нимфы и сатиры вместе с шумливым козлоногим Паном. Когда же наступает жаркий полдень, Пан удаляется в густую чащу леса или в прохладные гроты и там отдыхает. Опасно беспокоить тогда Пана. Он вспыльчив, он может в гневе послать тяжелый давящий сон, он может, неожиданно появившись, испугать потревожившего его путника. Наконец, он может наслать и панический страх, такой ужас, когда человек опрометью бросается бежать, не разбирая дороги, не замечая, что бегство грозит ему неминуемой гибелью. Случалось, что Пан целым войскам внушал такой страх, что обращались они в неудержимое бегство. Не следует раздражать Пана, – когда вспылит, он грозен. Но, если Пан не гневается, то милостив он и добродушен. Много благ посылает он пастухам. Бережет и холит стада греков великий Пан, веселый участник плясок неистовых менад, частый спутник бога вина Диониса.

Пан и Сиринга. Не миновали великого Пана стрелы златокрылого Эроса. Полюбил он прекрасную нимфу, Сирингу. Горда была нимфа и отвергала любовь всех. Подобно дочери Латоны, великой Артемиде, лишь в охоте находила она наслаждение. Часто даже принимали Сирингу за Артемиду, так прекрасна была юная нимфа в своей короткой одежде, доходящей лишь до колен, с колчаном за плечами и с луком в руках. Как две капли воды походила она тогда на Артемиду, лишь лук ее был из рога, а не золотой, как у великой богини.

Увидал однажды Пан Сирингу, хотел схватить ее и заключить в свои объятия. В страхе обратилась в бегство нимфа. Едва поспевал за ней Пан, стремясь догнать ее. Но вот путь пресекла река. Куда бежать нимфе? Простерла к реке руки Сиринга и молила бога реки спасти ее. Внял бог реки мольбам нимфы и превратил ее в тростник. Хотел уже обнять подбежавший Пан Сирингу, но обнял лишь гибкий, тихо шелестевший тростник. Стоит Пан, печально вздыхая, и слышит как бы ответ своим вздохам в нежном шелесте тростника. Срезал несколько тростинок Пан и сделал из них сладкозвучную свирель, скрепив неравные коленца тростника воском. Назвал Пан в память нимфы свирель сирингой. Любит играть с тех пор великий Пан в уединении лесов на свирели-сиринге, оглашая ее нежными звуками окрестные горы.

Пан обучает Дафниса игре на сиринге. Римская копия с греческого оригинала, найденная в Помпеях. Ок. I в. до н.э.

Состязание Пана с Аполлоном. Гордится Пан своим искусством. Однажды он вызвал даже самого Аполлона на состязание. Это было на склонах горы Тмол. Судьей был бог этой горы. В пурпурном плаще, с золотой кифарой в руках и в лавровом венке явился Аполлон на состязание. Первым начал состязание Пан. Раздались простые звуки его пастушеской свирели, нежно неслись они по склонам Тмола. Кончил Пан. Тогда ударил по золотым струнам своей кифары Аполлон. Поились величественные звуки божественной музыки. Все, кто стояли кругом, как зачарованные слушали музыку Аполлона, а звуки его золотой кифары катились широкой волной, полные божественной мощи. Кончил Аполлон; замерли последние звуки его кифары. Бог горы Тмол присудил Аполлону победу. Все славили великого бога-кифареда. Только один Мидас не восторгался игрой Аполлона, а хвалил простую игру Пана. Разгневался Аполлон, схватил Мидаса за уши и вытянул ему их. С тех пор у Мидаса ослиные уши, которые напрасно старался он скрыть большим тюрбаном. А опечаленный Пан, побежденный Аполлоном, удалился глубже в чащу лесов, и часто раздаются там полные грусти, нежные звуки его свирели, и с любовью внимают им юные нимфы.

Янус

Одним из древнейших богов Рима, которому не поклонялись в Греции, был Янус. Среди богов римских он стоит на первом месте. Всякое обращение к богам должно было начинаться с обращения к богу Янусу. Если римлянин начинает какое-нибудь дело, он прежде всего призывает бога Януса помочь ему в начале этого дела, так как бог Янус – бог всякого начала. Первые дни месяцев посвящены Янусу, ему же посвящен и первый месяц года, этот месяц, январь, даже носит имя бога Януса. Жрец Януса – царь-жрец (*rex sacrorum*) – стоит на первом месте среди жрецов других богов. В древнейшее время бог Янус был только богом дверей и ворот и лишь позднее стал богом всякого начала. На северо-восточном конце римского форума находилось святилище Януса, имевшее вид двух ворот, соединенных между собой двумя высокими стенками. Через это святилище проходили римские войска, выступавшие на войну, и в продолжение всей войны святилище Януса оставалось открытым. Мы не знаем точно, находилось ли в этом святилище изображение бога Януса, которого римляне изображали двуликим, с лицами, обращенными одно вперед, другое назад.

Двуликий Янус в Ватиканском музее

О боге Янусе римляне стали позднее рассказывать, что он был одним из древнейших царей Лациума, правивших на холме Яникул, на правом берегу Тибра. Янусу пришлось разделить свою власть с богом Сатурном, когда Сатурн прибыл на корабле в Лациум. Еще позд-

нее даже и самого Януса римляне называли пришельцем в Лациуме и считали его то богом Хаоса, то богом неба, то даже богом солнца.

Сатурн

Сатурну первоначально поклонялись римляне, как богу вспаханного и засеянного озимого поля. Этому богу справлялись 17 декабря веселые сатурналии – праздник земледельцев, окончивших полевые работы.

Древнейшее святилище Сатурна – алтарь – находилось на римском форуме у подножия Капитолийского холма. Здесь позднее был выстроен великолепный храм Сатурна, в котором хранилась римская казна и римский архив.

Бог Сатурн очень рано был отождествлен с греческим богом Кроном. И о нем рассказывали, как и о Кроне, что он был свергнут сыном своим Юпитером (Зевсом). Сатурн бежал в Лациум и там основал новое царство. Он научил жителей Лациума земледелию, и они благоденствовали под властью Сатурна, это был золотой век Лациума.

Женой Сатурна называли Опс, богиню, дающую богатый урожай. Ей совершались празднества 19 декабря (*opalìa*) и 25 августа (*opisconsiva*). Богиня Опс отождествлена была с греческой богиней Реей, и благодаря этому стала считаться матерью Юпитера.

Пик и Канента. Позднее у римлян создался миф о сыне Сатурна – Пике. Рассказывали о любви Пика к нимфе Каненте, дочери Януса. Канента стала женой Пика, и они жили счастливо. Однажды во время охоты увидела Пика волшебница Кирка, пленилась его красотой и молила оставить ради нее нимфу Каненту. Пик отверг любовь Кирки, а она в гневе обратила его в дятла. Долго искала своего мужа Канента, но нигде не могла найти его. Наконец, проблуждав шесть суток по лесам и полям, пришла она на берег Тибра; там упала она, истощенная долгими поисками и страданиями. Запела Канента на берегу Тибра последнюю свою песнь, песнь глубокой скорби; с этой песней испустила она последнее дыхание и вместе с последним дыханием исчезла нимфа Канента, подобно легкому дуновению ветерка.

Фавн и Сильван

Фавн – это бог пастухов, покровитель стад. Голос Фавна слышит римлянин в полях и лесах, когда вдруг раздастся какой-нибудь таинственный звук в полной тиши. У северо-западного склона Палатинского холма, там, где находилась Волчья пещера, совершались торжественные жертвоприношения и празднества в честь Фавна – луперкалии. После жертвоприношений жрецы-луперки обегали, опоясанные лишь козьими шкурами, вокруг Палатинского холма, ударяя при этом всех встречных женщин ремнями, вырезанными из шкур жертвенных животных. Эти удары должны были дать благословение Фавна женщинам, а тем из них, которые не имели детей, многочисленное потомство. Фавн – бог пастухов и бог-прорицатель, нужно лишь уметь застигнуть его врасплох, как это сделал царь Рима, Нума Помпилий, и заставить его открыть будущее.

Римляне рано отождествили бога Фавна с богом греков, Паном. Постепенно создавалось в Риме и представление о множестве фавнов, веселых спутников бога вина Диониса – Вакха. Фавны таким образом заняли место греческих сатиров.

Чтили в Риме и бога лесов, Сильвана. Это бородатый бог, в венке из ветвей пинии, с древесным стволом в руках. Через плечо перекинута у него шкура, а у ног сидит собака. Это он пугает ночью в лесу запоздалого путника своим страшным криком, но он же и хранит пасущееся в лесу стадо, хранит сады и даже посевы земледельцев. Как и Фавна, Сильвана часто отождествляли с богом Паном, но чаще с воспитателем и спутником бога Вакха, Силеном. И Сильван стал таким образом постоянным членом веселой и шумливой свиты бога вина Диониса.

Вортумн и Помона

В Риме на Авентинском холме находилось святилище бога Вортумна, по-видимому, бога смены времен года или же осени, несущей богатые плоды земледельцу и садоводу. Культ бога Вортумна был перенесен в Рим из этрусского города Вольсиний. Овидий в своих «Метаморфозах» рассказывает следующий миф о Вортумне и богине плодов Помоне.

Прекрасная Помона любила лишь свой сад и работу в нем. Все «время проводит она, ухаживая за плодовыми деревьями; дары Венеры, богини любви, отвергала прекрасная Помона. Фавны, сатиры и даже сам старый Сильван, плененные красотой Помоны, искали ее любви, но всех отвергла Помона. Любил ее и прекрасный, юный Вортумн, но и он был не счастливее всех остальных. Под разными видами приходил Вортумн к Помоне, – то под видом жнеца, то садовника, то воина и, наконец, даже рыбака, но отвергала его гордая Помона. Наконец, Вортумн принял вид старой женщины и пришел в сад к Помоне. Он обнял ее, поцеловал так, как не целует старуха, и сел на камень. Не узнала его в этом виде Помона.

– Посмотри! – сказал Вортумн, показывая Помоне на ясень, по которому вилась виноградная лоза со спелыми гроздьями, – не будь обручен ясень с виноградной лозой, одни лишь листья были бы на нем, да и лоза, не поддержи ее ясень, лежала бы на земле. Тебя не трогает этот пример, ты по-прежнему избегаешь брака? А ведь тебе стоит лишь захотеть. Ведь у тебя женихов больше, чем у прекрасной Елены. Выбери из них Вортумна! Не гневи богов, не гневи Венеру!

Так говорил Вортумн, принявший вид старухи. Он рассказал Помоне, как покарали боги Анаксарету, дочь Тевкра, за то, что отвергла она пламенную любовь Ифиса. С горя повесился Ифис, не в силах он был перенести мук несчастной любви. В день похорон Ифиса, когда печальное шествие медленно двигалось мимо дома Анаксареты, подошла она к окну и увидела Ифиса на ложе смерти. Хотела отойти от окна Анаксарета, но вдруг недвижимыми сделались ее ноги, застыла ее кровь, взор потух и постепенно все тело ее одел холодный камень, такой холодный, как ее сердце.

Только кончил бог Вортумн свой рассказ, как снова принял свой настоящий образ, и стоял он пред Помоной, сияя своей красотой, подобно солнцу, вышедшему из-за темных туч. Побеждена была гордая Помона, и стала она женой бога Вортумна.

Марс и Квирин

Бог войны Марс – один из самых почитаемых богов Рима. Этому богу посвящен в году месяц март, когда начинаются военные действия. Если и призывают Марса жрецы, арвальские братья, совершая очищение полей Рима перед началом жатвы, то они призывают его не как бога – покровителя земледелия, а просят его защитить поля от опустошений, которые несет с собой война. Служители Марса – салии – совершают в честь бога, в блестящих доспехах, 19 марта священную процессию со щитами, о которых сложилось предание, что один из них упал с неба, а другие были сделаны легендарным кузнецом Мамурием, чтобы нельзя было отличить среди них щит, упавший с неба. В конце же октября, когда кончается благоприятное для ведения войны время, в честь Марса совершается еще празднество очищения оружия. Бог Марс, бог войны, бог битвы, легко был отождествлен римлянами с богом войны греков – Аресом.

Мраморная статуя бога войны Марса. II в. н.э.

Кроме Марса, у римлян был еще бог войны Квирин. Если Марс был богом битвы, – богом, дающим победу на поле брани, то Квирин был богом вооруженных и во время мира граждан, готовых в любое время выступить на войну.

В последние годы Римской республики стали рассказывать, что бог Квирин не кто иной, как сын бога Марса, основатель вечного Рима, Ромул, взятый богами живым на небо и ставший богом под именем Квирина.

Веста (Гестия)

Одной из самых чтимых богинь в Риме была богиня Веста, богиня домашнего очага. И у Рима, как и у каждого частного дома, есть свой очаг, общий для всего государства. На этом очаге горит неугасимый огонь в круглом храме Весты на римском форуме. Поддерживать огонь на очаге обязаны жрицы весталки, во главе которых стоит их начальница, великая весталка. Тяжкое наказание грозит той весталке, которая допустит, чтобы погас огонь на очаге Весты, так как это предвещает великое несчастье для всего Рима. Весталки хранят в своем доме, который находится у храма Весты, священные предметы, они готовят священную муку, смешанную с солью, необходимую для жертвоприношения; ни одно жертвоприношение не обходится без весталок. Они окружены великим почетом в Риме, сами консулы уступают им дорогу при встрече. Замкнуто живут весталки в своем доме, ни один мужчина не смеет ни под каким видом перешагнуть порог дома девственников-весталок. Горе той весталке, которая нарушит обет девства, – живой зарывают ее в землю, так как своим проступком оскорбляет она хранительницу очага вечного Рима, богиню Весту.

Римской богине Весте вполне соответствует греческая богиня Гестия. Она старшая дочь Крона и Реи. Посейдон и Аполлон добивались руки великой богини, но она дала нерушимую клятву богам остаться вечно девственной. Зевс же наделил ее величайшей почестью: он повелел, чтобы во всех домах и во всех храмах чтили Гестию. Вдали от суетности Мира живет Гестия в вечном покое, сердце ее не знает тревог, не знает мук любви.

Богиня Гестия – богиня горящего на жертвеннике огня, богиня огня домашнего очага; она покровительница городов и государств, под ее защитой стоят чужеземцы, ищущие гостеприимства. В каждом городе есть храм Гестии, где горит неугасимый огонь, этот огонь Гестии объединяет граждан города. Если граждане покидают свой родной город, чтобы основать колонию, они берут с собой огонь из храма Гестии, чтобы зажечь на чужбине огонь в новом храме Гестии священным огнем, привезенным с родины. Не только всюду в Греции горит огонь Гестии, он горит даже на светлом Олимпе в жилище богов.

Пенаты, лары, гении

Боги-пенаты хранят дом и кладовые каждого римлянина. Они дают благосостояние дому. Пенаты – это те боги, которых особенно чтут в доме римлянина. Каждый римлянин выбирает свободно из числа всех богов Рима тех, которых он чтит у себя дома, как особых своих покровителей. Среди богов-пенатов поэтому мы встречаем и Юпитера, и Венеру, и Фортуну, и Марса, и других богов. Культ пенатов – это частный культ римлянина. Но вместе с тем, как есть пенаты частного дома, так есть и пенаты всего Римского государства, которых чтут там, где находится очаг всего государства, а именно у круглого храма Весты на римском форуме.

Наряду с пенатами, чтят в каждом римском доме и лара (*lar familiaris*), покровителя всей семьи, включая сюда и рабов. Во время обеда всей семьи и лар получает свою долю, которая ставится пред ним в маленьких сосудах. Лара чтут жертвами в календы, ноны и иды⁷ каждого месяца, возлагая на алтарь венки, возжигая курение, делая в честь лара возлияния вином, а иногда даже принося ему кровавые жертвы. Во время всяких важных событий в жизни семьи: при рождении ребенка, во время свадьбы, при отъезде или возвращении из путешествия и т. д. лару приносят жертвы, к нему, как к защитнику семьи, обращаются прежде всего. Не только каждая семья имеет своего лара, каждая местность имеет своего лара. Ларам различных местностей поклоняются на перекрестках, там стоят небольшие святилища, посвященные им. В честь этих ларов справляется даже веселое празднество (*Compitalia*, или *Laralia*), на которое собиралось население всей местности, посвященной лару. Кроме ларов местностей, есть еще лары дорог (*lares viales*), хранящие в пути, и даже лары морского пути (*lares permarini*). Наконец, есть и лары, которые ведают полем битвы (*lares militares*).

Каждый римлянин, кроме пенатов, ведающих благосостоянием дома, и лара, хранителя всей семьи, имеет еще своего гения, который хранит его всю жизнь и делит с ним все радости и горести в жизни. Как римлянин имеет своего гения, так каждая римлянка имеет свою Юнону. В день своего рождения римлянин приносит жертвы своему гению, состоящие из венков, курений, вина и цветов, и этот день – праздник для всех, кто живет в доме римлянина. Гений хозяина дома занимал важное место среди домашних богов, им клялись все домочадцы так же, как клялись позднее римляне гением своих императоров. Постепенно развивается представление о гениях не каждого отдельного лица, а о гениях общин, провинции, о гениях легиона (*genius legionis*), гениях колонии (*genius coloniae*), гении театра (*genius theatri*), гении школы (*genius scholae*) и т. д. Появляется и представление о гении, защитнике того или иного места (*genius loci*). Есть гений и у всего римского народа (*genius populi romani*), которого все римляне чтят так, как чтит каждый римлянин своего гения. Даже боги и богини имеют своих гениев.

Символом гения была обыкновенно змея, но позднее гения изображали в образе человека. Гения римского народа изображали в виде бородатого мужчины в плаще, с рогом изобилия в левой и жертвенной чашей в правой руке. Почти так же изображались гении других городов и гении императоров.

⁷ Календами называлось первое число каждого месяца, нонами 5-е число, а идами – 13-е. В марте, мае, июле и октябре ноны выпадали на 7-е, а иды на 15-е число.

Боги смерти римлян, маны и лемуры

Римляне в древнейшее время не имели таких вполне определенных представлений о загробной жизни, какие имели греки. Представления о царстве Диса (*Dis pater*) или Плутона (Гадеса) и жены его Прозерпины (Персефоны) принесены были в Рим из Греции. В древнейшее время римлянин верил, что жизнь у умирающего отнимает богиня смерти Морс, бог Цекул закрывает ему глаза, а душу из тела исторгает бог Видуус. Умершего в могиле принимают боги маны (*di manes*). Этим богам приносили жертвы во время похорон на могиле. Своих умерших предков римлянин чтит, как богов (*di parentum*), хранящих вместе с пенами и ларами его дом, и совершал в честь них празднества в феврале. Римлянин верил, что души умерших стремятся вернуться назад туда, где жили до смерти. Эти души умерших, лемуры, носятся ночью по земле, – это привидения, которые могут вредить живым. Лемунов надо удерживать вдали от дома, нужно помешать им вредить. В Риме с этой целью справлялся праздник Лемурий: во время этого праздника каждый римлянин в своем доме в полночь совершал особый обряд и бросал лемурам в жертву черные бобы, это должно было удерживать лемунов вдали от дома римлянина.

Герои. Века и люди

Живущие на светлом Олимпе бессмертные боги первый род людской и первый век создали золотым. Бог Крон правил тогда на небе. Как блаженные боги жили в те времена люди, не зная ни заботы, ни труда, ни печали. Не знали они и немощной старости; всегда были сильны и крепки их ноги и руки. Вечным пиром была их жизнь, безболезненная и счастливая. Смерть их, наступавшая после долгой жизни, похожа была на спокойный, тихий сон. Всё имели они при жизни в изобилии. Земля сама давала им богатые плоды, и не приходилось им тратить труд на возделывание полей и садов. Многочисленны были их стада, и спокойно паслись они на тучных пастбищах. Безмятежно жили люди золотого века. Сами боги приходили к ним советоваться. Но кончился золотой век на земле, и никого не осталось из людей этого поколения. После смерти люди золотого века стали душами, покровителями людей новых поколений. Окутанные туманом, носятся они по всей земле, защищая правду и карая зло. Так наградил их Зевс после их смерти.

Второй людской род и второй век уже не были такими счастливыми, как первый. Это был серебряный век. Не были равны ни силой, ни разумом люди серебряного века людям золотого. Сто лет росли они неразумными в домах своих матерей, только возмужав, покидали они их. Коротка была их жизнь в зрелом возрасте, а так как они были неразумны, то много несчастья и горя видели они в жизни. Высокомерной гордостью отличались люди серебряного века. Они не повиновались бессмертным богам и не хотели сжигать им жертвы на алтарях, а это ведь долг всех людей. И уничтожил род их на земле великий сын Крона, Зевс. Разгневался он на них за то, что не чтили они богов, живущих на светлом Олимпе. Поселил их Зевс в подземном сумрачном царстве. Там и живут они, не зная печалей; им тоже воздают почести люди.

Создал третий род и третий век отец Зевс – век медный. Не похож он на серебряный. Из древка копыя создал Зевс людей – страшных и могучих. Возлюбили люди медного века гордость и войну, обильную стонами. Не знали они земледелия и не ели плодов земли, которые дают сады и пашни. Зевс дал им громадный рост и несокрушимую силу. Неукротимо, мужественно было их сердце, и неодолимы их руки. Оружие их выковано было из меди, из меди были их дома, медными орудиями работали они. Не знали еще в те времена темного железа. Своими собственными руками уничтожили друг друга люди медного века. Быстро сошли они в мрачное царство ужасного Гадеса. Как ни были они сильны, все же похитила их черная смерть, и покинули они ясный свет солнца.

Зевс. Начало V в. до н.э. Найден в Олимпии, Афины

Лишь только этот род сошел в царство теней, тотчас же создал на кормящей всех земле великий Зевс четвертый род людской и четвертый век, более благородный, более справедливый, равный богам род полубогов-героев. И они все погибли в злых войнах и ужасных кровопролитных битвах. Одни погибли у семивратных Фив в стране Кадма, сражаясь за наследие Эдипа. Другие пали под Троей, куда явились они, переплыв на кораблях широкое море, за прекраснокудрой Еленой. Когда же всех их похитила смерть, Зевс-громовержец поселил их на краю земли, вдали от живых людей. Живут на островах блаженных у бурных вод Океана герои счастливой, беспечальной жизнью. Трижды в год дает им там плодородная земля плоды, сладкие, как мед.

Последний же век и род людской – железный. Он продолжается и теперь на земле. Ночью и днем, не переставая, губят людей печали и труд. Тяжкие заботы посылают боги людям. Правда, со злом мешают боги и добро, но все же зло царит повсюду. Не чтят дети родителей; друг не верен другу; гость не находит гостеприимства; нет между братьями любви. Не соблюдают люди данной клятвы, не ценят правды и добра. Друг у друга разрушают люди города. Всюду властвует насилие. Ценят лишь гордость да силу. Покинули людей богини Совесть и Правосудие. В своих белых одеждах взлетели они на высокий Олимп к бессмертным богам, а людям остались только тяжкие беды, и нет защиты от зла.

Девкалион и Пирра (Потоп)

Много преступлений совершили люди медного века. Надменные и нечестивые, не чтили они великих богов-олимпийцев. Прогневался на них громовержец Зевс; особенно же прогневил Зевса царь Ликосуры в Аркадии Ликаон. Однажды Зевс под видом простого смертного пришел в Ликосуру. Чтобы жители знали, что он бог, Зевс дал им знамение, и все жители пали ниц пред ним и чтили его, как бога. Один лишь Ликаон не хотел воздать Зевсу божеских почестей и издевался над всеми, кто чтил Зевса. Решил Ликаон испытать, бог ли Зевс. Он убил заложника, бывшего в его дворце, часть тела его сварил, часть изжарил и предложил, как трапезу, великому громовержцу. Страшно разгневался Зевс. Ударом молнии разрушил он дворец Ликаона, а его самого превратил в кровожадного волка.

Все нечестивей становились люди, и решил великий тучегонитель, эгидодержавный Зевс уничтожить весь людской род. Он на землю послал такой сильный ливень, что все было затоплено. Зевс запретил дуть всем ветрам, лишь влажный, южный ветер, Нот, гнал по небу темные дождевые тучи. Хлынул на землю ливень. Все выше и выше подымалась вода в морях и реках, заливая все кругом. Скрылись под водой города со своими стенами, домами и храмами, не видно было уже и башен, которые высоко подымались на городских стенах. Все покрывала постепенно вода и поросшие лесом холмы, и высокие горы. Вся Греция скрылась под бушующими волнами моря. Одинокое подымалась среди волн вершина двуглавого Парнаса там, где раньше крестьянин возделывал свою ниву и где зеленели богатые спелыми гроздьями виноградники, плавали рыбы, а в лесах, покрытых водой, резвились стада дельфинов.

Погиб род людской медного века. Лишь двое спаслись среди этой общей гибели – Девкалион, сын Прометея, и жена его, Пирра. По совету отца своего, Прометея, построил Девкалион огромный ящик, положил в него съестных припасов и вошел в него с женой своей. Девять дней и ночей носился ящик Девкалиона по волнам моря, покрывшим всю сушу. Наконец, пригнали его волны к двуглавой вершине Парнаса. Прекратился ливень, посланный Зевсом. Вышли Девкалион и Пирра из ящика и принесли благодарственную жертву Зевсу, сохранившему их среди бурных волн. Схлынула вода и показалась снова из-под волн земля, опустошенная, подобная пустыне.

Тогда послал эгидодержавный Зевс к Девкалиону вестника богов, Гермеса. Быстро пронесся над опустевшей землей вестник богов, предстал пред Девкалионом и сказал ему:

– Властитель богов и людей, Зевс, зная твое благочестие, повелел тебе выбрать награду, выскажи твое желание и исполнит его сын Крона.

Девкалион ответил Гермесу:

– О, великий аргобийца, Гермес, об одном лишь молю я Зевса: пусть опять населит он землю людьми.

Понесся обратно на светлый Олимп быстрый Гермес и передал Зевсу мольбу Девкалиона. Повелел великий Зевс сойти Девкалиону и Пирре с двуглавого Парнаса, набрать камней и бросить их, не оборачиваясь, через голову. Исполнил Девкалион веление могучего громовержца, и из камней, которые бросил он, создались мужчины, а из камней, брошенных женой его Пиррой, – женщины. Так получила после потопа земля снова население. Новый род людей, происшедших из камня, заселил ее.

Прометей

Пустынная, дикая местность на самом краю земли в стране скифов. Суровые скалы уходят за облака своими остроконечными вершинами. Кругом никакой растительности, не видно ни единого деревца, ни единой травки, все голо и мрачно. Всюду нагромождены темные громады камней, оторвавшихся от скал. Море шумит и грохочет, ударяясь своими валами о подножие скал, и высоко взлетают соленые брызги. Морской пеной покрыты прибрежные камни. Далеко за скалами виднеются снежные вершины кавказских гор, подернутые легкой дымкой. Постепенно заволакивают даль грозные тучи, скрывая горные вершины. Все выше и выше поднимаются по небу тучи и закрывают солнце. Еще мрачнее становится все кругом. Безотрадная, суровая местность. Никогда еще не ступала здесь нога человека. Сюда-то на край земли привели скованного титана Прометея слуги Зевса, чтобы приковать его несокрушимыми цепями на вершине скалы. Прометея ведут неодолимые слуги громовержца, Сила и Власть. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, что стоят вокруг. Печальный, низко склонив голову, идет за ними бог Гефест со своим тяжелым молотом. Ужасное дело предстоит ему. Он должен своими руками приковать друга Прометея. Глубокая скорбь за участь друга гнетет Гефеста, но не смеет он послушаться отца своего, громовержца Зевса. Он знает, как неумолимо карает Зевс неповиновение.

Сила и Власть взвели Прометея на вершину скалы и торопят Гефеста приниматься за работу. Их жестокие речи заставляют еще сильнее страдать за друга Гефеста. Неохотно берется он за свой громадный молот, только необходимость заставляет его повиноваться. И торопит его Сила:

– Скорей, скорей бери оковы! Прикуй могучими ударами молота к скале Прометея! Напрасна твоя скорбь о нем, ведь ты скорбишь о враге Зевса.

Гневом Зевса грозит Гефесту Сила, если он не прикует Прометея так, чтобы никакая сила не могла освободить его. Приковывает Гефест к скале руки и ноги Прометея. Как ненавидит он теперь свое искусство, – благодаря ему должен он приковать друга на долгие муки. Неумолимые служители Зевса все время следят за его работой.

– Сильней бей молотом! Крепче стягивай оковы! Не смей их ослаблять! Хитер Прометей, искусно умеет он находить выход и из неодолимых препятствий, – говорит Сила, – крепче прикуй его, пусть здесь узнает он, каково обманывать Зевса.

– О, как подходят твои жестокие слова ко всей твоей суровой наружности! – восклицает Гефест, принимаясь за работу.

Содрогается скала от тяжких ударов молота, и от края до края земли разносится грохот ударов. Прикован, наконец, Прометей. Но это еще не все, нужно еще прибить его к скале, пронзив ему грудь стальным, несокрушимым острием. Медлит Гефест.

– О, Прометей! – восклицает он, – как скорблю я, видя твои муки!

– Опять ты медлишь! – гневно говорит Гефесту Сила, – ты все еще скорбишь о враге Зевса! Смотри, как бы не пришлось тебе скорбеть о самом себе!

Наконец, окончено все, все сделано так, как повелел Зевс, прикован титан, а грудь его пронзило острие. Издеваясь над Прометеем, говорит ему Сила:

– Ну вот, теперь ты можешь здесь быть сколько хочешь надменным; будь горд по-прежнему! Давай теперь смертным дары богов, похищенные тобой! Посмотрим, в силах ли будут помочь тебе твои смертные. Теперь придется тебе самому подумать о том, как освободиться из этих оков.

Но Прометей хранил гордое молчание. За все время, пока приковывал его Гефест к скале, он не проронил ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него, ничем не выдал он своих страданий.

Ушли слуги Зевса, Сила и Власть, а с ними и печальный Гефест. Только тогда вырвался тяжкий стон из пронзенной груди могучего титана, только тогда стал сетовать он на злую судьбу свою. Громко воскликнул Прометей с невыразимым страданием и скорбью:

– О, божественный эфир, и вы, быстронесущиеся ветры, о, источники рек и несмолкающий смех морских волн, о, земля, всеобщая праматерь, о, всевидящее солнце, обегаящее весь круг земли, всех вас зову я! Смотрите, что терплю я – бог – от богов! Вы видите, какой позор должен нести я неисчислимые годы! О, горе, горе! Стонать я буду от мук и теперь, и много, много веков! Как найти мне конец моим страданиям? Но что же говорю я. Ведь я же знал все, что будет, и муки эти не постигли меня неожиданно, я знал, что неизбежны веления грозного рока. Я должен их нести! За что же? За то, что я дал великие дары смертным, за это должен страдать так невыносимо, и не избежать мне этих мук. О горе, горе!

Прикованный Прометей. Скульптура С.-Н. Адама. 1762 г.

Но вот послышался тихий шум, как бы от взмахов крыльев, словно полет легких тел всколыхнул воздух. С далеких берегов седого Океана, из прохладного грота с легким дуновением ветерка принесли на колеснице к скале океаниды. Они услышали удары молота Гефеста, донеслись до них и стоны Прометея. Слезы заволокли, как пеленой, прекрасные очи океанид, когда увидали они прикованного к скале могучего титана. Родным он был океанидам. Отец его, Япет, был братом отца их, Океана, а жена Прометея, Гесиона, была их сестра. Окружили скалу океаниды. Глубока их скорбь о Прометее. Слова его, которыми клянет он Зевса и всех богов-олимпийцев, пугают их. Они страшатся, чтобы не сделал Зевс еще более тяжкими страдания титана. За что постигла его такая кара, – этого не знают океаниды. Полные сострадания, просят они Прометея поведать им, за что покарал его Зевс, чем прогневал его титан.

Рассказывает им Прометей, как помог он Зевсу в борьбе с титанами, как убедил он мать свою Фемиду и великую богиню земли Гайю стать на сторону Зевса. Победил Зевс титанов и сверг их, по совету Прометея, в недра ужасного Тартара. Завладел Зевс властью над миром и разделил ее с новыми богами-олимпийцами, а титанам, которые помогли ему, не дал громовержец власти в мире. Ненавидит Зевс титанов, боится их грозной силы. Ведь таков уже злой обычай у всех властителей, захвативших власть силой, – не доверять друзьям. Так не доверял Зевс и Прометею и ненавидел его. Еще сильнее разгорелась ненависть, когда Прометей стал защищать несчастных смертных людей, которые жили еще в то время, когда правил Крон, и которых хотел погубить Зевс. Но пожалел не обладавших еще разумом людей титан; он не хотел, чтобы сошли они несчастными в мрачное царство Гадеса. Он вдохнул им надежду, которой не знали люди, и похитил для них божественный огонь, хотя и знал, какая кара постигнет его за это. Страх ужасной казни не удержал гордого, могучего титана от желания помочь людям. Не удержали его и предостережения его вещей матери, великой Фемиды.

С трепетом слушали океаниды рассказ Прометея. Прервал рассказ свой Прометей. На быстрокрылой колеснице принесли к скале сам вещий старец Океан. Он старается уговорить Прометея покориться власти Зевса. Ведь должен же он знать, что бесплодно бороться с победителем ужасного Тифона. Океан жалеет Прометея, он сам страдает, видя те муки, которые терпит Прометей. Вещий старец готов спешить на светлый Олимп, молить Зевса помиловать титана, хотя бы даже мольбами за него он навлек на самого себя гнев громовержца. Он верит, что мудрое слово защиты часто смягчает гнев. Но напрасны все мольбы Океана, гордо отвечает ему Прометей:

– Нет, старайся спасти самого себя. Боюсь я, чтобы сострадание не принесло бы вреда тебе. До дна исчерпаю я все зло, которое послала мне судьба. Я буду страдать, пока в душе Зевса не стихнет гнев, страшись, Океан, вызвать гнев Зевса мольбою за меня.

Гефест за работой. Краснофигурная керамика

– О, вижу я, – грустно отвечает Океан Прометею, – что этими словами заставляешь ты меня вернуться назад, не достигнув ничего. Верь же мне, о Прометей, что привела меня сюда лишь забота о твоей судьбе и любовь к тебе!

– Нет! Уходи! Скорей, скорей спеши отсюда! Оставь меня! – восклицает Прометей.

С болью в сердце покинул Океан Прометея. Умчался он на своей быстрокрылой колеснице, а Прометей продолжает рассказ свой океанидам о том, что сделал он для людей, как облагодетельствовал он их, нарушив волю Зевса. В горе Мосх, на Лемносе, из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей искусствам, дал им знания, научил их счету, чтению и письму. Он познакомил их с металлами, научил, как в недрах земли добывать их и обрабатывать. Прометей смирил для смертных дикого быка и надел на него ярмо, чтобы могли пользоваться люди силой быков, обрабатывая свои поля. Прометей впряг коня в колесницу и сделал его послушным вожжам человека. Мудрый титан построил первый корабль, оснастил его и распустил на нем льняной парус, чтобы быстро нес человека корабль по безбрежному морю. Раньше не знали люди лекарств, не умели врачевать болезни, беззащитны были против них люди, но Прометей открыл им силу лекарств, и ими смирили люди болезни. Искусству гадания, толкованию снов и полета птиц научил людей Прометей. Всему научил он их, что облегчает горести жизни и делает ее счастливее и радостнее. Этим и прогневал он Зевса, за это и покарал его громовержец. Но не вечен будет гнев Зевса, не вечно будет страдать Прометей. Он знает, что злой рок постигнет и могучего

громовержца, он не избегнет своей судьбы! Прометей знает, что царство Зевса не вечно; он будет свергнут с высокого, царственного Олимпа. Знает вещий титан и великую тайну, как избежать Зевсу эту злую судьбу, но он не откроет ее. Никакая сила, никакие угрозы, никакие муки не исторгнут этой тайны из уст гордого Прометея.

Кончил Прометей свою повесть. С изумлением слушали его океаниды. Дивились они великой мудрости и несокрушимой силе духа могучего титана, осмелившегося восстать против громовержца Зевса. Опять объял их ужас, когда услышали они, какой судьбой грозит Зевсу Прометей. Он знали, что если эти угрозы достигнут Олимпа, то ни перед чем не остановится громовержец, лишь бы узнать роковую тайну. Полными слез глазами смотрят на Прометея океаниды, потрясенные мыслью о неизбежности велений сурового рока. Глубокое молчание воцарилось на скале; его прерывал лишь несмолкающий шум моря.

Вдруг вдали раздался чуть слышный, едва уловимый стон скорби и боли. Вот опять донесся он до скалы. Все ближе, громче этот стон. Гонимая громадным оводом, посланным Герой, вся в крови, покрытая пеной, несется в неистовом, безумном беге обращенная в корову несчастная Ио, дочь речного бога Инаха, первого царя Арголиты. Истомленная, обессиленная скитаниями, истерзанная жалом овода, остановилась Ио пред прикованным Прометеем. Громко стеля, рассказывает она, что пришлось вынести ей, и молит вещего титана:

Антлант и Прометей, которого терзает орел Зевса. Фрагмент росписи чернофигурного килика работы Лакониана. Около 550 г. до н.э.

– О, Прометей! Здесь, на этом пределе моих скитаний, открой мне, молю тебя, когда же кончатся мои муки, когда же, наконец, найду я покой?

– О, верь мне Ио! – ответил Прометей, – лучше не знать тебе это, чем знать. Много еще стран пройдешь ты, много встретишь ужасов на своем пути. Твой тяжкий путь лежит через страну скифов, чрез высокий снежный Кавказ, через страну амазонок к проливу Босфор, так назовут его в честь тебя, когда ты переплывешь его. Долго будешь ты затем блуждать по Азии. Ты пройдешь мимо страны, где живут несущие смерть Горгоны, на их головах извиваются, шипя, змеи, вместо волос. Остерегайся их! Остерегайся грифов и однооких аримаспов, и их ты встретишь на своем пути. Наконец, достигнешь ты Библинских гор, с них низвергает свои благодатные воды Нил. Вот там-то, в стране, которую орошает Нил, у его устья найдешь ты наконец покой. Там вернет тебе Зевс твой прежний прекрасный образ, и родится у тебя сын Эпаф. Он будет властвовать над всем Египтом и будет родоначальником славного поколения героев. Из этого рода произойдет и тот смертный, который освободит и меня из оков. Вот что, Ио, поведала мне о судьбе твоей мать моя, вещая Фемида.

Громко воскликнула Ио:

– О горе, горе! О, сколько страданий сулит мне еще злой рок! Сердце трепещет в груди моей от ужаса! Вновь овладевает мной безумие, снова вонзилось огненное жало в мое истерзанное тело, опять лишаюсь я дара речи! О горе, горе!

Безумно вращая глазами, в бешеном беге понеслась прочь от скалы Ио. Словно подхваченная вихрем, мчалась она вдаль. С громким жужжанием неся за ней овод, и, как огнем, жгло его жало несчастную Ио. Скрылась она в облаке пыли из глаз Прометея и океанид. Все тише, тише доносились до скалы вопли Ио, и замерли они, наконец, вдали, подобно тихому стону скорби.

Замолк на скале скованный Прометей, охваченный жалостью к Ио, и тихо лили слезы океаниды, сетуя на злую судьбу, постигшую дочь Инаха. И воскликнул гневно Прометей:

– Как ни мучь ты меня, громовержец Зевс, но все же настанет день, когда и тебя повергнут в ничтожество. Лишишься ты царства и свергнут будешь во мраке. Исполнятся тогда проклятия отца твоего Крона! Никто из богов не знает, как предотвратить тебе эту злую судьбу! Лишь я знаю это. Вот сидишь ты теперь, могучий, на светлом Олимпе и мечешь грома и молнии, но не помогут они тебе, бессильны они против неизбежного рока. О, повергнутый во прах, узнаешь ты, какая разница между властью и рабством!

Страх затуманил очи океанид и бледный ужас согнал краску с их прекрасных ланит. Наконец, простирая к Прометею свои руки, белые, как морская пена, воскликнули они:

– Безумный! Как не страшишься ты грозить так царю богов и людей, Зевсу? О, Прометей, еще более тяжкие муки пошлет он тебе! Подумай о судьбе своей, пожалей себя!

– На все готов я!

– Но ведь склоняется же мудрый пред неумолимым роком!

– О, молитесь, просите пощады! Ползите на коленях к грозному владыке! А мне, – что мне громовержец Зевс! Чего бояться мне его! Не суждена мне смерть! Пусть делает, что хочет, Зевс. Не долго ему властвовать над богами!

Едва промолвил эти слова Прометей, как по воздуху быстро, словно падающая звезда, пронесся посланник богов, Гермес, и, грозный, предстал пред Прометеем. Его послал Зевс потребовать, чтобы титан открыл тайну: кто свергнет Зевса и как избежать веления судьбы. Ужасной карой грозит Гермес Прометею за неповиновение. Но непреклонен надменный титан, с насмешкой отвечает он Гермесу:

– Мальчишкой был бы ты, и детским был бы ум твой, если бы ты надеялся узнать хоть что-нибудь. Нет такой казни, таких мук, которыми мог бы Зевс устроить меня и вырвать из уст моих хоть единое слово. Нет, не узнает он, как спастись ему от судьбы, никогда не узнает тиран Зевс, кто отнимет у него власть!

– Так слушай же, Прометей, что будет с тобой, если ты откажешься исполнить волю Зевса. Ударом своей молнии он низвергнет эту скалу с тобою вместе в мрачную бездну. Там,

в каменной темнице, много, много веков лишенный света солнца, будешь терзаться ты в глубоком мраке. Пройдут века, и снова подымет тебя Зевс на свет из бездны. Но не на радость подымет он тебя. Каждый день будет прилетать орел, посланный Зевсом, и острыми когтями и клювом терзать твою печень; вновь и вновь будет вырастать она, и все ужасней будут твои страдания. Так будешь ты висеть на скале до той поры, пока другой не согласится добровольно сойти вместо тебя в мрачное царство Гадеса. Подумай, Прометей, не лучше ль покориться Зевсу. Ведь ты же знаешь, что никогда не грозит Зевс напрасно!

Геракл убивает стрелой из лука орла, терзающего грудь Прометея. Налево от Геракла – богиня Афина и бог Гермес, направо от орла – богиня Деметра и бог Посейдон. Живопись на вазе

Непреклонным остался гордый титан, разве могло что-нибудь утратить его сердце, в котором неудержимо клокотала злоба против Зевса! Вдруг задрожала земля, все кругом потряслось; раздались оглушительные раскаты грома, и сверкнула нестерпимым светом молния. Забушевал неистово черный вихрь. Словно громады гор, поднялись на море пенястые валы. Заколебалась скала. Среди рева бури, среди грома и грохота землетрясения раздался ужасный вопль Прометея:

– О, какой удар направил против меня Зевс, чтобы вызвать ужас в моем сердце! О, высокочтимая мать Фемида, о, Эфир, струящий всем свет! Смотрите, как несправедливо карает меня Зевс!

Рухнула со страшным грохотом скала с прикованным к ней Прометеем в неизмеримую бездну, в вековечный мрак.

Протекли века, и снова поднял Зевс на свет из тьмы Прометея. Но не кончились его страдания; еще тяжелее стали они. Опять распростертый лежит он, пригвожденный, опутанный оковами, на высокой скале. Жгут его тело палящие лучи солнца, проносятся над ним бури, его изможденное тело хлещут дожди и град, зимой же хлопьями падает снег, и леденящий холод сковывает его члены. И этих мук мало! Каждый день громадный орел прилетает, шумя могучими крыльями, на скалу. Он садится на грудь Прометея и терзает ее острыми, как сталь, когтями. Орел рвет своим клювом печень титана. Потоками льется кровь и обагрят скалу; черными сгустками застывает кровь у подножия скалы; она разлагается на солнце и невыносимым смрадом заражает кругом воздух. Каждое утро прилетает орел и принимается за свою кровавую трапезу. За ночь заживают раны, и вновь вырастает печень, чтобы днем дать новую пищу орлу. Годы, века длятся эти муки. Истомился могучий титан Прометей, сломлен его гордый дух страданиями. Он давно уже жаждет освобождения, он готов примириться с Зевсом и открыть ему роковую тайну.

Титаны давно примирились с Зевсом и покорились ему. Они признали его власть, и Зевс освободил их из мрачного Тартара. Теперь пришли они на край земли к скале, где лежит скованный Прометей; громадные, могучие, окружили они скалу и убеждают Прометея по-

риться Зевсу. Пришла и мать Прометея, Фемида, и она молит сына смирить свой гордый дух и не противиться Зевсу. Она молит сына сжалиться над ней, – ведь она так невыносимо страдает, видя муки сына. Сам Зевс забыл уже свой прежний гнев. Теперь держава его сильна, ничто не может поколебать ее, ничто не страшно ему. Только одно беспокоит еще громовержца – это та тайна, которую знает один Прометей. Зевс готов, если Прометей откроет ему роковую тайну, помиловать могучего титана. Уже близко время, когда кончатся муки Прометея. Уже родился и возмужал великий герой, которому суждено судьбой освободить от оков титана. Все еще колеблется Прометей и хранит тайну, изнывая от мук, но все более и более покидают его силы духа.

Наконец, великий герой во время своих странствований по всему миру приходит на край земли к скале Прометея. Герой этот – Геракл, сильнейший из людей, могучий, как бог. С ужасом смотрит он на мучения Прометея и сострадание овладевает им. Рассказывает Гераклу титан о злой судьбе своей и пророчествует ему о том, какие еще великие подвиги предстоит ему совершить. Полный внимания, слушает титана Геракл. Не весь еще ужас страданий Прометея видел Геракл. Вдали слышится шум могучих взмахов крыльев, – это летит орел на свой кровавый пир. Он кружится высоко в небе над Прометеем, готовый спуститься к нему на грудь, но не дал ему Геракл терзать Прометея. Он схватил свой лук, вынул из колчана смертоносную стрелу, призвал стреловержца Аполлона, чтобы верней направил он полет стрелы, и пустил стрелу. Громко зазвенела тетива лука, взвилась стрела, и упал пронзенный орел в бурное море у самого подножия скалы. Настал миг освобождения. Принесся с высокого Олимпа быстрый Гермес. С ласковой речью обратился он к могучему Прометею и обещал ему немедленно помилование, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злую судьбу. И сказал тогда Прометей:

– Пусть не вступает громовержец в брак с морской богиней Фетидой, так как богини судьбы, вещие мойры, вынули такой жребий Фетиде: кто бы ни был ее мужем, у нее от него родится сын, который будет могущественнее отца. Пусть боги отдадут Фетиду в жены герою Пелею, и будет сын Фетиды и Пелея величайшим из смертных героев Греции.

Открыл Прометей великую тайну. Разбил Геракл своей тяжелой палицей его оковы и вырвал из груди его несокрушимое стальное острие, которым пригвожден был титан к скале. Встал титан, теперь он был свободен. Кончились его муки. Так исполнилось его предсказание, что смертный освободит его. Громкими, радостными кликами приветствовали титаны освобождение Прометея. Увенчал он венком из ветвей ивы свою голову в знак покорности Зевсу. Все боги ликовали, празднуя примирение Зевса с могучим Прометеем. С тех пор носит Прометей на руке железное кольцо, в которое вставлен камень от той скалы, на которой терпел он столько веков невыразимые муки.

Пандора

Когда Прометей похитил для смертных божественный огонь, научил их искусствам и ремеслам и дал им знания, тогда счастливее стала жизнь на земле. Но Зевс, разгневанный поступком Прометея, жестоко покарал его, а людям послал на землю зло. Он повелел славному богу-кузнецу, Гефесту, смешать землю и воду и сделать из этой смеси прекрасную девушку, которая обладала бы силой людей, нежным голосом и взглядом очей, подобным взгляду бессмертных богинь. Дочь Зевса, Афина-Паллада, должна была выткать для нее прекрасную одежду, богиня любви, золотая Афродита, должна была дать ей неотразимую прелесть и вдохнуть ей в сердце страстные желания и чары любви, а аргобийца Гермес – дать ей бесстыдный, хитрый ум и изворотливость.

Эпиметей и Пандора. Рисунок на вазе

Тотчас же исполнили боги повеление Зевса. Гефест сделал из земли и воды необычайно прекрасную девушку. Оживили ее боги. Афина-Паллада с харитами облекли девушку в сияющие, как солнце, одежды и надели на нее золотые ожерелья. Оры возложили на ее пышные кудри венок из вешних благоухающих цветов. Гермес вложил ей в уста лживые и полные лести речи. Афродита вдохнула ей в сердце неутолимую страсть. Назвали боги ее Пандорой, так как от всех них получала она дары. Несчастья должна была принести с собой людям Пандора.

Когда это зло для людей было готово, Зевс послал Гермеса отнести Пандору на землю к брату Прометея, Эпиметею. Много раз предостерегал своего неразумного брата мудрый Прометей не принимать даров от громовержца Зевса. Боялся он, что принесут с собой горе людям эти дары. Но не послушался Эпиметей совета мудрого брата. Пленила его своей красотой Пандора и взял ее себе он в жены. Вскоре узнал Эпиметей, сколько зла принесла с собой Пандора людям.

В доме Эпиметея стоял большой сосуд, плотно закрытый тяжелой крышкой; никто не знал, что в этом сосуде. Любопытная Пандора сняла с сосуда крышку, и разлетелись бедствия, заключенные в нем, по всей земле. Только одна надежда осталась на дне громадного сосуда и не вылетела она за двери дома Эпиметея. Крепко закрылась на сосуде крышка, так как этого пожелал сам громовержец Зевс.

Счастливы жили раньше люди, не зная зла, тяжелого труда и губительных болезней. Теперь мириады бедствий распространились среди людей. Полны теперь злом и земля, и море. Незванными и днем, и ночью приходят к людям болезни, страдания несут они с собой людям. Неслышными шагами, молча, приходят они, так как лишил их Зевс дара речи; немыми сотворил он болезни.

Данаиды

У сына Зевса и Ио, Эпафа, был сын Бел, а у него были в свой черед два сына – Египт и Данай. Египт владел всей страной, которую орошает благодатный Нил, страна эта получила и имя свое от царя Египта. Данай же правил в Ливии. Пятьдесят сыновей дали боги Египту, Данаю же пятьдесят прекрасных дочерей. Пленили своей красотой данаиды сыновей Египта, и захотели они завладеть прекрасными девушками. Собрали сыновья Египта большое войско и пошли войной на Даная. Победен был Данай своими племянниками, пришлось ему лишиться своего царства. Чтобы спасти от преследования сыновей Египта, Данай с помощью богини Афины-Паллады построил первый пятидесятивесельный корабль и пустился на нем со своими дочерьми в далекое открытое море.

Данаиды. Картина Д.С. Сарджента. 1921–1925 гг.

Долго плыл по морским волнам корабль Даная и наконец приплыл к острову Родосу. Здесь остановился Данай; он вышел с дочерьми на берег, основал святилище своей помощнице богине Афине и принес ей богатые жертвы. Не остался на Родосе Данай. Боясь преследования сыновей Египта, он поплыл с дочерьми своими дальше к берегам Греции, в Арголиду – родину его прародительницы Ио. Сам Зевс охранял корабль во время опасного плавания по безбрежному морю. После долгого пути пристал корабль к благодатным берегам Арголиды. Здесь надеялись Данай и данаиды найти спасение от ненавистного им брака с сыновьями Египта.

Под видом молящих о защите, с масличными ветвями в руках вышли они на берег. Никого не было видно на берегу. Наконец, вдали показалось облако пыли. Быстро приблизилось оно. Вот уже видно в облаке пыли сверкание щитов, шлемов и копий. Слышится шум колес боевых колесниц. Это приближается войско царя Арголиды, Пеласга, сына Палехтона. Извещенный о прибытии корабля, явился Пеласг к берегу моря со своим войском. Не врага встретил он там, а старца Даная и пятьдесят его прекрасных дочерей. С ветвями в руках встретили они его, моля о защите. Простирая к нему руки, с глазами, полными слез, молят его прекрасные дочери Даная, чтобы не допустил он их стать рабынями гордых сыновей Египта. Именем Зевса, могучего защитника молящих, заклинают данаиды Пеласга помочь им и не выдавать их. Ведь не чужие они в Арголиде, – это родина их прародительницы Ио.

Пеласг, благодаря ливийской одежде, не хочет признать в данаидах гречанок. Только рассказав о бедствиях Ио, о судьбе ее, о потомстве Ио, убедили динаиды царя Аргоса, что не чужие они в этой стране. Все еще колеблется Пеласг, его страшит война с могучими властителями Египта. Что делать ему? Но еще больше боится он гнева Зевса, если, нарушив его законы, оттолкнет он тех, которые молят его именем громовержца защитить их. Наконец, советует Пеласг Даная самому пойти в Аргос и там положить на алтари богов масличные ветви в знак мольбы о защите. Сам же решает он собрать народ и спросить его совета. Пеласг обещает данаидам приложить все старания убедить граждан Аргоса оказать им защиту.

Уходит Пеласг. С трепетом ждут данаиды решения народного собрания. Они знают, как неукротимы сыновья Египта, как грозны они в битве; они знают, что грозит им, если пристанут к берегу Аργοлиды корабли египтян. Что делать им, беззащитным девам, если лишат их приюта и помощи жители Аргоса? Близко уже несчастье. Уже пришел вестник сыновей Египта. Он грозит силой отвести на корабль данаид, он схватил за руку одну из дочерей Даная и велит рабам своим схватить и других. Но тут является царь Пеласг. Он берет под свою защиту данаид, не пугает его и то, что вестник сыновей Египта грозит ему войной.

Гибель принесло Пеласгу и жителям Аργοлиды решение оказать защиту Даная и его дочерям. Побежденный в кровопролитной битве, принужден был бежать Пеласг на самый север своих обширных владений. Правда, Даная избрали царем Аргоса, но, чтобы купить мир у сыновей Египта, он должен был отдать им в жены своих прекрасных дочерей.

Пышно справили свадьбу свою с данаидами сыновья Египта. Не ведали они, какую участь несет им с собой этот брак. Кончился шумный свадебный пир; замолкли свадебные гимны; потухли брачные факелы; тьма ночи окутала Аргос. Глубокая тишина царила в объятном сном городе. Вдруг в тиши раздался предсмертный тяжкий стон, вот еще один, еще и еще. Несутся эти стоны из покоев, где стоят пышные ложа новобрачных. Ужасное злодеяние совершили под покровом ночи данаиды. Кинжалами, данными им отцом их Данаем, пронзили они своих мужей, лишь только сон сомкнул их очи. Так погибли ужасной смертью сыновья Египта. Спасся только один из них, прекрасный Линкей. Сжалилась над ним юная дочь Даная, Гипермнестра. Не в силах была она пронзить грудь своего мужа кинжалом. С любовью склонилась она над спящим Линкеем, разбудила его и тайно вывела из дворца Даная, залитого кровью братьев Линкея.

В неистовый гнев пришел Данай, когда узнал, что Гипермнестра послушалась его. Заковал свою дочь в тяжелые цепи Данай и бросил в темницу. Собрался суд старцев Аргоса, чтобы судить Гипермнестру за послушание отцу. Смерти хотел предать Данай свою дочь. На суд явилась сама богиня любви, золотая Афродита. Она защитила Гипермнестру и спасла ее от жестокой казни. Не могла допустить Афродита гибели той, которая не отвергла ее даров любви. Стала женою Линкея сострадательная, любящая дочь Даная. Боги благословили этот брак многочисленным потомством великих героев. Сам Геракл, бессмертный герой Греции, принадлежал к роду Линкея. Не хотел Зевс гибели и других данаид. Ведь они были его потомками. Ведь от Ио, возлюбленной Зевса, вели они свой род. Очистили по повелению Зевса Афина и Гермес данаид от скверны пролитой крови. Царь Данай устроил в честь богов-олимпийцев великие игры. Победители в этих играх получили как награду в жены дочерей Даная.

Но кары за совершенное злодеяние все же не избежали данаиды. Они несут ее после своей смерти в мрачном царстве Гадеса. Должны наполнить данаиды водой громадный сосуд, не имеющий дна. Вечно носят они воду, черпая ее в подземной реке, и выливают в сосуд. Вот уже кажется полон он, но вытекает вода; снова пуст сосуд, снова принимаются за работу данаиды. Без конца длится их бесплодная работа.

Сизиф

Сизиф, сын бога ветра Эола, был основателем города Коринфа, который в древнейшие времена назывался Эфирой. Никто во всей Греции не мог сравниться по хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Неисчислимые богатства собрал он благодаря своей хитрости у себя в Коринфе, и далеко шла слава о богатстве хитрого Сизифа. Но навлек он на себя гнев громовержца Зевса. Покарал его Зевс, и не спасла его вся изворотливость ума. Полюбил Зевс дочь речного бога Асопа, прекрасную нимфу Эгину, и похитил ее у нежно любящего отца. Поселил громовержец нимфу Эгину на острове, который и стал с тех пор называться Эгиной, по имени возлюбленной Зевса. Хитрый Сизиф видел, как неся Зевс через лазурное море с похищенной нимфой. Когда Асоп, отец Эгины, в поисках дочери пришел в Коринф к Сизифу, то он сказал Асопу, что знает, где находится его дочь. За открытие убежища, где скрыл ее Зевс, он потребовал в награду, чтобы Асоп создал на Акрокоринфе источник. Исполнил отец Эгины просьбу Сизифа и создал обильный водой источник, Пирене. С тех пор не нуждается Коринф в воде, ему дает ее в изобилии прозрачная Пирене.

Зевс, разгневанный на Сизифа, послал бога смерти мрачного Таната, чтобы низвел он его в печальное царство Гадеса. Сизиф услышал приближение бога смерти и благодаря хитрости заковал его в оковы. Перестали тогда на земле умирать люди. Нигде не совершались больше пышные похороны; перестали приносить и жертвы богам подземного царства. Нарушился на земле порядок, заведенный Зевсом. Послал тогда к Сизифу громовержец Кронид могучего бога войны Ареса. Он освободил Таната из оков, а Танат исторг душу Сизифа и отвел ее в царство теней умерших. И тут сумел помочь себе хитрый Сизиф. Он сказал жене своей, чтобы она не погребала его тела и не приносила жертвы подземным богам. Послушалась мужа жена Сизифа. Долго ждали Гадес и Персефона похоронных жертв. Все нет их! Наконец, приблизился к трону Гадеса Сизиф и сказал владыке царства умерших, Гадесу:

— О, властитель душ умерших, великий Гадес, равный могуществом Зевсу, отпусти меня на светлую землю. Я велю жене моей принести тебе богатые жертвы и вернусь обратно в царство теней.

Сизиф. Роспись на вазе. 330 г. до н.э.

Так обманул Сизиф владыку Гадеса, и отпустил его на землю Гадес. Не вернулся Сизиф в царство Гадеса. Остался он в пышном дворце своем и весело пировал, радуясь, что один из всех смертных сумел он вернуться из мрачного царства теней.

Разгневался Гадес, снова послал он Таната за душой Сизифа. Явился Танат во дворец хитрейшего из смертных и застал его за роскошным пиром. Исторг его душу ненавистный богам и людям бог смерти; навек отлетела теперь душа Сизифа в царство теней.

Тяжкое наказание несет Сизиф в загробной жизни за все коварство, за все обманы, которые совершил он на земле. Он осужден вкатывать на высокую, крутую гору громадный камень. Напрягая все силы, катит его в гору Сизиф. Пот градом катится с него от тяжелой работы. Все ближе вершина; еще усилие, и окончен будет труд Сизифа; вырывается из рук его камень и с шумом катится вниз, подымая облака пыли. Снова принимается Сизиф за

работу. Так вечно катит камень Сизиф и никогда не может он достигнуть цели – вершины горы.

Беллерофонт

У Сизифа был сын, герой Главк, который правил в Коринфе по смерти отца. У Главка же был сын Беллерофонт, один из великих героев Греции. Прекрасен, как бог, был Беллерофонт и равен бессмертным богам мужеством. Беллеронфонта, когда он был еще юношей, постигло несчастье. Он убил нечаянно одного гражданина Коринфа и должен был бежать из родного города. Он бежал к царю Тиринфа, Пройту. С великим почетом принял царь Тиринфа героя и очистил его от скверны пролитой им крови. Недолго пришлось пробыть в Тиринфе Беллерофонту. Пленилась его красотой жена Пройта, богоравная Антейя, но отверг ее любовь юный герой. Не хотел он нарушать святость семейного очага так гостеприимно принявшего его царя. Воспылала тогда ненавистью к Беллерофонту царица Антейя и решила погубить его. Пошла она к своему мужу и сказала ему:

– О, царь! Тяжко оскорбляет тебя Беллерофонт. Ты должен убить его. Он преследует меня, твою жену, своей любовью. Вот как отблагодарил тебя за гостеприимство Беллерофонт!

Беллерофонт, Пегас и Химера. Лаконианский чернофигурный килик. Работа приписывается художнику Бореадов. Ок. 570—565 гг. до н.э.

Разгневался Пройт; сам не мог он поднять руку на своего гостя, он боялся гнева Зевса, покровителя гостеприимства. Долго думал Пройт, как погубить Беллерофонта, и наконец решил послать его с письмом к отцу Антейи, Иобату, царю Ликийи. В этом письме, написанном на двойной сложенной и запечатанной табличке, написал Пройт Иобату, как тяжело оскорбил его Беллерофонт, и просил отомстить ему за оскорбление семейного очага и жены его, Антейи. Отправился Беллерофонт с письмом к Иобату, не подозревая, какая опасность грозит ему. Прибыл после долгого пути Беллерофонт в Ликийю. С радостью принял Иобат юного героя и девять дней чествовал его пирами. Наконец, спросил его Иобат о цели его прибытия. Спокойно подал Беллерофонт царю Ликийи письмо Пройта. Взял Иобат двойную запечатанную табличку и раскрыл ее. В ужас пришел он, когда прочел, что было на ней написано. Он должен был убить юного героя, которого успел уже полюбить за эти девять дней. Но сам Иобат, как и Пройт, не решился нарушить священный обычай гостеприимства. Чтобы погубить Беллерофонта, решил он послать героя на грозящий неминуемой смертью подвиг. Иобат поручил Беллерофонту убить грозное чудовище, Химеру. Ее породил ужасный Тифон и исполинская Эхидна. Спереди львом была Химера, в середине горной, дикой козой, а сзади – драконом. Огонь извергала она из трех пастей. Никому не было спасения от грозной Химеры. Одно приближение ее несло с собой неминуемую смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.